№ 1. Парижъ, 28 Іюня 1925 г. № 1.

РУССКАЯ НЕДѢЛЯ.

(LA SEMAINE RUSSE)

ЖУРНАЛЪ
Политики, Литературы и Искусства.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ :

А. И. ГРАММАТИКОВА, М. А. КУРДЮМОВА, В. Н. ЛОДЫЖЕНСКАГО, П. А. НИКАШИНА и Е. П. СЕМЕНОВА

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА :

Къ читателямъ.
На путяхъ къ Освобожденію ..... П. НИКАШИНА
Заявленіе Вел. Кн. Николая Николаевича .....
Привѣтъ Русской Арміи и русскимъ Рабочимъ .....
Политическое Обозрѣніе .....
Въ часы заката ..... М. А. КАЛЛАШЪ.
Степная Сказка ..... Пл. КАРАТАЕВА.
Начало Корниловскаго движенія .... Е. СЕМЕНОВА.
Среди печати .....
По выставкамъ ..... П. Н.
Page française
Хроника .....
Объявленія.

ВЫХОДИТЪ ПО СУББОТАМЪ.

Цѣна 1 фр. 50 с.

РЕДАКЦІЯ : 47, Rue Brancion, Paris (15e)

КОНТОРА : 27, Rue Claude-Lorrain, Paris (16e)

Voir page française à la fin

Къ читателямъ.

Русская Недѣля *будетъ органомъ національной мысли, насколько эта мысль проявлялась въ исторіи нашей страны, въ развитіи нашей культуры, въ достиженіяхъ нашей государственности, нашей общественности, нашей религіозной, научной и художественной жизни.*

Возстановлять, изучать, дѣлать доступною эту національную мысль приходящимъ намъ на смѣну поколѣніямъ — одна изъ главныхъ задачъ нашего журнала.

Знакомиться и знакомить нашихъ читателей съ новыми теченіями — духовными, бытовыми и хозяйственными пльненной Россіи, — и вмѣстѣ изучать ихъ съ точки зрѣнія національныхъ традицій, потребностей и интересовъ русскаго народа — ближайшая наша цѣль.

Быть выразителемъ, толкователемъ и проводникомъ СРЕДИ ЧИТАТЕЛЕЙ національной идеологіи рядомъ съ другими теченіями нашей общественности и лояльно ,культурно бороться съ послѣдними, если они вредны или враждебны нашему идеалу — вотъ повседневная работа группы писателей и публицистовъ, сплотившихся вокругъ Русской Недѣли, *и на нее мы зовемъ всѣхъ нашихъ друзей и читателей, безъ моральнаго и матеріальнаго содѣйствія которыхъ нашъ и безъ того тяжелый трудъ будетъ еще тяжелѣе.*

Передъ нами лютый врагъ, ни передъ чѣмъ не останавливающійся въ систематическомъ истребленіи всего русскаго, всего національнаго, всего родного намъ, всего, чѣмъ Россія создавалась, росла, крѣпла, богатѣла духовно, физически и умственно.

Восемь лѣтъ продолжается это истребленіе всего русскаго самымъ гнуснымъ и самымъ позорнымъ разбойнымъ режимомъ, какой человѣчество когда либо знало.

Исключительная жестокость и терроръ насильниковъ, наши собственныя тягчайшія ошибки и вины передъ Родиною, наша преступная рознь и партійная междуусобица передъ единымъ фронтомъ нашего общаго врага, распадъ Антанты и раздоры между союзниками, изъ которыхъ иные насъ предали, — всѣ эти благопріятныя для большевиковъ условія побѣды имъ, однако, этой побѣды не дали.

Три силы, три русскія силы оказались вѣрными непобѣдимыми стражами Родины и отстояли ее отъ бѣшенныхъ и свирѣпыхъ натисковъ разбойнаго большевистскаго режима.

Спасли нашу Родину отъ гибели наша Церковь, наше крестьянство, наша культура, — на фронтонѣ которой сіяютъ безсмертныя имена нашихъ Святителей, нашихъ Царей-Реформаторовъ, нашихъ писателей, мыслителей, художниковъ и представителей всѣхъ родовъ науки и искусства: мы ихъ не называемъ — ихъ много, и всѣ они запечатлѣлись въ нашихъ сердцахъ и нашей благодарной памяти.

Эти три силы и будутъ нашимъ путеводнымъ маякомъ.

И на ихъ призывный кличъ, который мы безпрерывно слышимъ втеченіе всѣхъ этихъ 8 лѣтъ: КЪ РОДИНѢ, ЗА РОДИНУ! мы отвѣчаемъ:

— За русскую Церковь, за русскій Народъ, за русскую Культуру!

РЕДАКЦІЯ.

На путяхъ къ освобожденію.

Со временъ совѣтскаго Нэпа, въ которомъ многіе прозрѣвали и предсказывали своеобразную идиллію совѣтскаго термидора, а потомъ жестоко въ этой идилліи обманулись, прошло всего четыре года.

Хотя до Термидора дѣло не дошло, однако, Нэпъ для совѣтскаго обывателя, для его будничнаго быта — дата историческая. Совѣтскій обыватель отъ самой мелкой сошки въ какомъ нибудь Главмылѣ или Главсахарѣ до крупнѣйшаго спеца, вродѣ проф. Ломоносова, Кутлера или Мануилова, — совѣтскій бюрократъ, отъ сановнаго Фамусова и Скалозуба до скромнѣйшаго и тишайшаго

Молчалина, совѣтскій работникъ, публицистъ, журналистъ, беллетристъ, — всѣ, кто такъ или иначе пытается жить, дышать и даже работать въ современной Россіи, — всѣ они со времени Нэпа преобразились.

Матеріала въ доказательство этой животворческой роли Нэпа накопилось сейчасъ не мало. И матеріала прелюбопытнаго. Почитайте за эти четыре года "Правду" или даже "Извѣстія". Послѣдите за совѣтской беллетристикой.

До 1921 г. говорили, заклинали и апеллировали только къ революціи, къ ея радостямъ, цвѣтамъ и огнямъ, а сейчасъ робко и осторожно, но настойчиво вдругъ всѣ разомъ заговорили о будняхъ жизни, объэкономикѣ, о "хозяйственности". Эта экономическая возня съ буднями, этотъ все время расползающійся, несмотря на страшныя усилія, бытъ — наслѣдіе каждой политической и общественной катастрофы. "Хлопочи, чтобы завтра не умереть. Вози, суетись!" — вотъ лозунги наступившихъ буденъ Россіи послѣ кроваваго похмѣлья.

Замѣчается явленіе странное. Повылѣзли откуда-то, какъ залежавшіеся въ дѣдовскихъ сундукахъ, чуть тронутые молью, искривленные какой-то гримасой пережитаго, всѣ старые типы, давно намъ знакомые типы, огромной русской жизни.

Совѣтская беллетристика прямо захлебывается этими неожиданными встрѣчами съ Чичиковыми, Мармеладовыми, даже Чацкими и Рудиными новой, пряной уродствами, жизни. Почитайте Пильняка, Никитина, Зощенко, Леонова, Зорича, Аросева, Сейфуллину хронику провинціальныхъ нравовъ, — страницы глухого звѣринаго быта деревни, — и вы убѣдитесь, съ какой желѣзной настойчивостью, оглядываясь и крадучись, подкрадывается и грозитъ коммунизму ножомъ какойто новый, милліонноголовый, неутомимый и неумолимый врагъ.

Этотъ врагъ — бытъ, тоска о бытѣ, тоска о жизни.

Какъ дички въ заглохшемъ саду, какъ затоптанная на лугу трава въ солнечные дни ранней весны, — такъ робко пробиваются и тянутся кверху, къ солнцу, къ возможностямъ дышать и жить, новыя бытовыя клѣтки и ткани новой русской жизни!

Говорятъ, жизнь повторяется. Да, она безсмертна и неистребима. И пусть она повторяется, пусть оживаетъ все вновь, и дички, и смятая трава въ русскомъ саду вновь оживутъ, вновь дышатъ и глотаютъ воздухъ!

Когда живешь на чужбинѣ, то нѣтъ болѣе трогательнаго, когда изъ страшной, почти непобѣдимой, дали стараешься уловить эти далекіе звуки съ родины. Хочется припасть къ землѣ ухомъ и послушать, не скачетъ-ли кто, не пылитъ-ли дорога, и хочется крикнуть:

"Другъ мой, другъ далекій, вспомни обо мнѣ!"

И вотъ, когда уловишь ухомъ слабый гулъ на родной сторонѣ, то чувствуешь, *что тамъ еще живы.* И шорохи, слабые вздохи жизни, кажутся отсюда необыкновенными, значительными и несказанно радостными. И жадно ищешь и жадно рвешься, чтобы каждый день узнать что-нибудь новое. И эти наблюденія за жизнью въ Россіи изощряешь и стараешься расширить и углубить каждый день. Конечно, эти наблюденія не полны и не легки. Онѣ требуютъ большого терпѣнія, коллекціонированія, систематизаціи, группировки. Много надо и умѣнья, и терпѣнья!

Сердце переполняется тоской, нетерпѣніемъ. Мучительно рвешься къ освобожденію. Радостно отмѣчаешь, что всякая новая побѣда буденъ надъ кровавымъ праздникомъ, быта надъ безвоздушнымъ существованіемъ, приближаетъ насъ къ цѣли.

Одна изъ этихъ великихъ побѣдъ бытотворчества уже прошла передъ нами. Самая большая и самая великая побѣда русскаго народа! Это — побѣда русской церкви, слава православія въ самой глухой, самой затерявшейся и дикой глуши. Побѣда эта — первое начало освобожденія Россіи.

Но было бы ошибкой оцѣнить эту побѣду только съ ея моральной, религіозной стороны. Это было бы нравтсвеннымъ квіэтизмомъ, своего рода несопротивленчествомъ. . .

Русскій народъ уже не разъ испытывалъ религіозный расколъ. Онъ притянулъ къ себѣ душу народа, потрясъ весь его нравственный міръ и сталъ тѣмъ бродиломъ національнаго единства, о которомъ большевики сначала не подозрѣвали и спохватились, когда уже было поздно.

Отъ Москвы до Кіева и Могилева, отъ Одессы до Урала и Сибири борьба со смутой красной церкви носила однѣ и тѣ же формы, будила и волновала однѣ и тѣ же нравственныя чувства. Въ своемъ религіозномъ, православномъ единствѣ нашъ народъ *опять почувствовалъ себя единымъ и великимъ.*

Если позволительно здѣсь употребить афоризмъ, то надо сказать, что изъ Смуты красной церкви русскій народъ вновь вер-

нулся въ Россію! Вернулась къ Россіи вмѣстѣ съ народомъ, горько оплакала и сурово осудила свои ошибки и наша интеллигенція, которая за эти годы отжила и свой былой безкрайній романтизмъ, и революціонныя легенды и вѣру въ того Великаго Инквизитора, тайной силѣ котораго она поклонялась.

Эти глубочайшіе обвалы и потрясенія въ народной психикѣ, эти четыре послѣднихъ года, начавшіеся Нэпомъ и законченные побѣдой надъ Смутой красной церкви — первые этапы на путяхъ нашего освобожденія. Не менѣе разительны и тѣ наблюденія, которыя, по даннымъ совѣтской политической и экономической публицистики, по даннымъ провинціальной хроники, по картинамъ административныхъ нравовъ и т. п., можно сдѣлать въ области матеріальныхъ, грубо матеріальныхъ, сторонъ жизни.

Мы наблюдаетъ небывалое въ русской исторіи перемѣщеніе удѣльнаго вѣса жизни изъ городовъ въ деревню. Перемѣщеніе по удѣльному вѣсу матеріальныхъ интересовъ и ихъ экономически - политическому значенію. Жизнь уходитъ изъ города, отъ городского пролетаріата и разночинца все болѣе къ мужику, отъ совѣтскаго Фамусова и Чичикова ея бытовой, реальный вѣсъ, уходитъ въ деревню, къ Хорю, Калинычу, Ивану Босыхъ.

Раскройте скобки и значеніе лозунга современной совѣтской бюрократіи: "Лицомъ къ деревнѣ", и вы это почувствуете.

Въ этомъ круто повернутомъ "лицомъ къ деревнѣ" положеніи совѣтская дѣйствительность находится сейчасъ и, вѣроятно, удержитъ свое положеніе.

Географическій коэффиціентъ русской исторіи, питавшій нашими гигантскими пространствами пафосъ нашей революціи, сейчасъ становится источникомъ той мелко буржуазной стихіи, того консерватизма и неподвижности, бороться съ которымъ не по силамъ даже большевикамъ. Коммунистической бюрократіи ничего не остается сейчасъ, какъ начать подходъ къ какому то новому народничеству, къ какому то оффиціальному и боязливому ухаживанію за таинственнымъ мужичкомъ. Совѣтская пресса и административная практика сейчасъ въ угарѣ этого своеобразнаго народничества. Коммунизму предстоитъ борьба съ деревней. Борьба эта только что началась. Но уже самое ея существованіе говоритъ о томъ, что въ этой борьбѣ намѣчаются какіе-то новые пути къ освобожденію. Наблюденія за этой борьбой однѣ изъ самыхъ интересныхъ и глубокихъ въ современной русской дѣйствительности.

П. Никашинъ.

Заявленіе Вел. Кн. Николая Николаевича.

Редакторъ "Возрожденія", П. Б. Струве былъ принятъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, доблестнымъ вождемъ славной Русской Арміи, сдѣлавшимъ своему собесѣднику знаменательное первостепенной важности заявленіе.

Мы, къ сожалѣнію, лишены возможности воспроизвести это историческое заявленіе цѣликомъ, и вынуждены ограничиться лишь извлеченіями изъ него.

Ихъ глубокое государственное значеніе будетъ понято и принято всѣми національно и государственно настроенными русскими гражданами, какъ руководящіе приципы власти въ возрожденной Россіи:

"...Положеніе въ Россіи, когда на него смотришь издали, кажется безъ перемѣнъ, но если вглядѣться ближе въ то, что тамъ совершается, то чувствуется, что каждый годъ, каждый мѣсяцъ приближаетъ насъ къ развязкѣ. Основныя черты совѣтскаго строя — удушеніе всякой личной свободы и иниціативы, безбожіе и деморализація, наконецъ, ставка на міровую революцію, безъ которой совѣтскій режимъ осужденъ на паденіе, — всѣ эти черты остаются тѣ же, что и въ началѣ, и довели общее состояніе до крайняго напряженія. Россія не перестаетъ жить въ ожиданіи развязки.

Насколько я могу судить, признаніе совѣтской власти иностранными государствами имѣло отрицательныя для нихъ послѣдствія...

...Отъ признанія совѣтской власти ожидались чудеса въ смыслѣ оживленія торговыхъ сношеній.

Въ результатѣ — торговыя связи не возрасли или возрасли ничтожно, но въ каждой столицѣ появились пользующіеся дипломатической неприкосновенностью очаги смуты и революціи. Что смуты прибавилось въ Европѣ и во всемъ мірѣ за истекшій годъ — этого никто не можетъ отрицать.

...Весь этотъ печальный опытъ имѣетъ одну положительную сторону: въ Европѣ стали, наконецъ, понимать истинную природу большевизма.

Это повліяло и на переоцѣнку нашего прошлаго. Не такъ

давно, когда въ печати говорили про очередное возмутительное злоупотребленіе совѣтской власти, то добавляли шаблонъ: "это напоминаетъ худшія времена царизма". По счастью, всякая пошлость имѣетъ свой срокъ, и теперь такія утвержденія становятся рѣдки. Наоборотъ, заграницей все больше приходятъ къ правильной оцѣнкѣ той огромной культурной работы и положительныхъ достиженій, которыми міръ обязанъ былъ Россіи до революціи, не говоря о томъ обезпеченіи общаго мира, которое утрачено въ международныхъ отношеніяхъ съ тѣхъ поръ, какъ Россіей правятъ коммунисты.

Правда, рано или поздно, но восторжествуетъ. Одновременно съ этимъ, какъ будто блѣднѣютъ страхи передъ воображаемой реакціей, которую почему-то считаютъ неизбѣжной, когда пробьетъ часъ освобожденія Россіи...

Никто не можетъ задаваться мечтой, будто можно повернуть колесо исторіи. Не возстановленіе стараго порядка, а возсозданіе самой Россіи въ живомъ преемствѣ съ лучшими завѣтами прошлаго — вотъ наша задача.

Умиротвореніе нашей измученной родины, лѣченіе ея глубокихъ ранъ — вотъ наша главная и единственная забота. Національная власть можетъ быть страшна только тѣмъ, кто строитъ свое благополучіе на хронической гражданской войнѣ, на классовомъ господствѣ, на партійной диктатурѣ.

Возстановленіе и возрожденіе Россіи — вотъ единственная цѣль нашихъ стремленій. Что тутъ можетъ кого либо тревожить, что можетъ зѣбезпокоить нашихъ бывшихъ друзей и бывшихъ враговъ? На прошломъ ставится крестъ. Я пользуюсь случаемъ, чтобы рѣшительно отклонить приписываввшіяся мнѣ недавно какія-то предвзятыя симпатіи и антипатіи во внѣшней политикѣ. Рѣшенія русскаго народа не могутъ быть никѣмъ предвосхищены здѣсь заграницей. Ясно одно: никакая національная власть не можетъ ставить себѣ иной задачи кромѣ той, которая формулируется лозунгомъ: Россія для Русскихъ; истинные друзья познаются въ несчастьи.

Никто не собирается посягать на самостоятельность окраинныхъ государствъ, выдѣлившихся изъ состава Россіи. Возрожденіе Россіи, религіозное, нравственное, культурное и экономическое — вотъ задача, выполненія которой хватитъ на поколѣніе.

Она требуетъ напряженія всѣхъ силъ и свободнаго соревнованія на этомъ поприщѣ всѣхъ національностей.

Здоровый государственный порядокъ не можетъ быть основанъ ни на власти какихъ-либо національныхъ меньшинствъ, ни на ихъ притѣсненіи. Съ государственной точки зрѣнія какіе бы то ни были акты самоуправства и, тѣмъ паче, насилія недопустимы и власть не должна останавливаться передъ самыми рѣшительными мѣрами для ихъ предотвращенія.

Для власти, главной задачей которой будетъ умиротвореніе Россіи, не можетъ быть ничего тягостнѣе племенной розни, недовѣрія и ненависти. Она первая будетъ рада устраненію этой розни, которое поможетъ скорѣйшему утвержденію общаго гражданскаго правопорядка въ Россіи, столь нужнаго для экономическаго и культурнаго ея возрожденія.

Посягательствъ на жизнь и имущество кого-бы то ни было сильное, подлинно національное Правительство допустить не можетъ, ибо такія посягательства означали бы колебаніе самыхъ основъ государственнаго порядка, который зиждется на обезпеченіи всѣмъ гражданамъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, жизни, собственности и условій преуспѣянія.

Для того, чтобы вступить на этотъ путь мирнаго преуспѣянія, всѣ безъ исключенія національности, населяющія Россію, должны положить свои силы и энергію на безпощадную борьбу съ ея поработителями - коммунистами. Эта единодушная борьба съ общимъ врагомъ и стремленіе къ единой общей цѣли — воскрешенію Россіи будетъ больше всего способствовать угашенію племенной вражды и расчиститъ путь для грядущаго государственнаго строительства Россіи.

Я по прежнему не берусь устанавливать времена и сроки, но я съ вѣрою смотрю въ будущее и призываю всѣхъ и каждаго, работая на своемъ поприщѣ, всегда связывать эту работу съ памятью о Россіи и ея возрожденіи.

Свое послѣднее слово я обращаю къ русской молодежи:

Помните свой долгъ передъ родиной; набирайтесь знаній и опыта заграницей, но оставайтесь русскими, гордитесь тѣмъ, что вы дѣти великаго народа. Будьте вѣрны ему въ несчастьѣ, тогда вы раздѣлите и его славу. И будьте каждую минуту готовы отдать отечеству всѣ свои силы, а, если нужно, то и жизнь, искупить всѣ страданія. Это будетъ день воскресенія Россіи".

Привѣтъ Русской Арміи и Русскимъ Рабочимъ.

Редакція *Русской Недѣли,* вступая въ ряды борцовъ за Родину, шлетъ свой привѣтъ чинамъ и организаціямъ Русской Арміи, защищавшимъ Свободу и неприкосновенность Родной Земли на поляхъ брани, и продолжающихъ вмѣстѣ съ русскими рабочими въ мирномъ трудѣ на чужбинѣ высоко держать знамя достоинства и чести Россіи и русскаго народа. Честь и слава русскимъ воинамъ и русскимъ рабочимъ.

Политическое обозрѣніе.

30 іюня 1870 г. — всего 16 дней до франко-прусской войны, самъ Тьеръ съ высоты парламентской трибуны говорилъ: "Если мы пользуемся миромъ, если намъ никто не грозитъ, такъ это потому, что знаютъ, что мы готовы къ войнѣ: это ясно, какъ Божій свѣтъ... Можно быть спокойнымъ: наша армія достаточна, чтобы остановить врага. За нею страна будетъ имѣть время вздохнуть и спокойно организовать свои резервы. Развѣ у васъ не будетъ во всякомъ случаѣ два-три мѣсяца — т. е. больше, чѣмъ надо, чтобы организовать національную гвардію?"

Такъ пророчествовалъ самъ Тьеръ. Не одинъ маршалъ Лебэфъ оказался плохимъ пророкомъ.

Представитель тогдашней лѣвой оппозиціи, Эженъ Пельтанъ, требовалъ даже разоруженіи пожарныхъ: "Я понялъ бы еще вооруженіе пожарныхъ въ случаѣ нашетсвія, но возможно ли нашествіе? Я вызвалъ бы вполнѣ заслуженное негодованіе, если бы я высказалъ такую возможность".

А черезъ двѣ недѣли Франція подверглась нашествію!...

То, что произошло въ 1914 г., еще въ памяти у всѣхъ. Въ большемъ масштабѣ, въ худшихъ условіяхъ Тьеры, Пельтаны и, конечно, Лебэфы всѣхъ странъ дѣлали свое дѣло слѣпыхъ и большей частью наивныхъ слюнтяевъ - миролюбовъ, обезоруживавшихъ свои страны передъ готовившимся къ *нашествію* на нихъ и ихъ порабощенію безпощаднаго врага.

Россія не была готова къ войнѣ, Англія и не готовилась къ ней, Сербія и Бельгія оказались застигнутыми врасплохъ жер-

твами дикаго нападенія Австріи и Германіи. И даже Франція, которая болѣе всѣхъ находилась въ опасности *съ 1870 г.,* оказалась неготовой къ войнѣ не только вслѣдствіе непредусмотрительности своего правительства, но и вслѣдствіе слѣпоты и наивности ея современныхъ Пельтановъ, которые въ это время назывались Жоресъ, Гэдъ, Семба.

Когда наканунѣ войны Жоресъ на Амстердамскомъ Конгрессѣ узналъ отъ самихъ нѣмцевъ (Зингера и, кажется, Ледебура) въ частной бесѣдѣ въ концѣ послѣдняго засѣданія, что въ случаѣ войны они, нѣмецкіе соціалъ-демократы, будутъ на сторонѣ своего правительства противъ Франціи, онъ пришелъ въ ужасъ. Онъ понялъ свою слѣпоту, непониманіе политическихъ событій и невозможность ими управлять однѣми программами и умозрительными положеніями. Онъ поспѣшилъ въ Парижъ и заявилъ своимъ ближайшимъ друзьямъ: "Надо готовиться къ войнѣ!"

Но было уже поздно. Врагъ стоялъ уже у воротъ!

Гораздо отвѣтственнѣе роль и политика Эдуарда Эрріо, его правительства и стоявшаго за нимъ его парламентскаго большинства. У нихъ былъ опытъ двухъ нашествій, величайшей войны и послѣвоеннаго разгрома не только побѣжденныхъ, но и побѣдителей, для которыхъ — особенно для самой Франціи — послѣдствія войны оказались наиболѣе тяжкими. Они видѣли ростъ и укрѣпленіе "побѣжденной" Германіи, готовящейся къ *реваншу.* Они знали, они должны знать, что война затянулась на лишній годъ изъ-за измѣны большевиковъ, которые были союзниками Германіи въ 1917 и 18 г.г. и останутся ими во всякой войнѣ *противъ* Франціи. Ихъ предупреждали и убѣдительно доказывали существованіе большевистской опасности. Но Эрріо упорно смотрѣлъ направо, отворачиваясь *отъ лѣвой опасности* и не признавая ее.

Какъ Тьеръ и Пельтанъ въ 1870 г., онъ въ 1924 и 5 г.г. съ высоты трибуны утверждалъ: "Нѣтъ большевистской опасности, я изъ Лондона привезъ вамъ миръ!"

И еще не отзвучали его рѣчи, какъ грянули событія въ Марокко и въ Шанхаѣ.

Что дѣлалъ бы сейчасъ на мѣстѣ Пенлевэ Эрріо, бывшій во власти соціалистовъ и дѣйствовавшій по ихъ указкѣ, можно только догадываться по его рурской политикѣ, женевскимъ рѣчамъ

и признанію совѣтской власти — три проявленія интернаціональнаго пацифизма, шедшія въ разрѣзъ съ національными интересами. Болѣе національная и разумная политика Пенлевэ сказалась въ патріотически государственномъ отношеніи и къ внѣшнимъ врагамъ, которыхъ надо побѣдить, и къ внутреннимъ врагамъ — измѣнникамъ коммунистамъ, агентамъ Зиновьева, повторяющимъ уроки и брестъ-литовскій примѣръ Ленина и братіи съ цѣлью предать Францію, какъ послѣдніе предали Россію. Пенлевэ и Бріанъ вышли съ честью изъ испытанія, и національные интересы и патріотизмъ, благодаря ихъ усиліямъ, побѣдили соціалистическія попытки французской керенщины и коммунистическую предательскую игру въ руку Абдъ-эль-Криму и Москвѣ. Но насколько *принципы* и престижъ *власти* расшатались соціалистами, видно изъ того, что въ порядкѣ дня, которымъ Палата Депутатовъ выразила почти единогласно (исключая коммунистовъ) довѣріе правительству за его національную политику въ марокканскомъ вопросѣ, говорится о "мирѣ", "о рифахъ, ихъ свободномъ развитіи"... и подобныхъ прекрасныхъ вещахъ, но ни слова о французскихъ интересахъ, ни (какъ это констатируетъ сенаторъ де Кувенель въ газетѣ "Матэнъ") о необходимости побѣды, ни привѣтствія борцамъ за Францію, — и все это, чтобы угодить соціалистамъ!...

Объ этомъ кризисѣ власти не въ одной только Франціи намъ придется еще не разъ говорить, хотя бы по поводу попытки почтовой забастовки.

Въ часы заката.

Какъ откликъ далеко ушедшаго читаю послѣдній, вышедшій въ печати за границей томъ писемъ А. П. Чехова. Это письма къ женѣ.

Еще давно вдова писателя, О. Л. Книпперъ-Чехова, читала мнѣ многія изъ этихъ писемъ. Я помню ихъ содержаніе, но это не мѣшаетъ мнѣ читать ихъ какъ новое, вѣрнѣе — воспринимать совсѣмъ по-новому. Рядомъ съ послѣдней книгой Чеховскихъ писемъ, встаетъ въ памяти и вся его переписка и эти милые въ сѣренькихъ обложкахъ томики полнаго собранія сочиненій Чехова, встаетъ онъ самъ — писатель и человѣкъ.

Кажется, смотрю на старую давнишнюю фотографію, цѣлый альбомъ фотографій:

— Какъ странно! Неужели это мы?... Облики, выраженіе лицъ — все иное.

Двадцать только лѣтъ прошло со дня кончины Чехова; еще недавно его пьесы мы воспринимали со сцены какъ наше настоящее, а теперь кажется, что вся та эпоха, которая выростила Чехова и которую онъ отразилъ въ своихъ произведеніяхъ — эпоха отдаленныя, не наша, а дѣдовская или прадѣдовская.

Можетъ быть, за всю исторію человѣчества не было ни одного поколѣнія, которое бы, подобно намъ, имѣло трагическую возможность жить *въ двухъ жизняхъ, дважды родиться* и носить въ себѣ свое прошлое, какъ нѣчто почти отрѣзанно - законченное, по удаленности своей нѣчто буквально "лѣтописное".

Я, какъ и всѣ, читалъ и воспринималъ Чехова *въ той жизни*, теперь воспринимаю *въ этой жизни* и Чехова, и его героевъ и насъ самихъ: какой путь пройденъ, какая даль разстилается позади насъ! Это совмѣщеніе двухъ жизней въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ и въ цѣломъ поколѣніи дѣлаетъ то, что мы до какой-то степени стали своими собственными потомками, совмѣщающими два лица, двѣ психологіи "отцовъ" и "дѣтей" одновременно.

Это даетъ намъ право и возможность быть историками самихъ себя, при вдумчивоѣ добросовѣстности достаточно безпристрастными и уже во всякомъ случаѣ очень хорошо освѣдомленными и оріентированными.

Новое поколѣніе, которое рождается и вырастаетъ духовно *уже въ этой жизни*, подъ положительнымъ или отрицательнымъ вліяніемъ, можетъ совершенно не понять нашего прошлаго: одни отвернутся отъ него со злобно невѣжественнымъ пренебреженіемъ, другіе не проникнутъ въ него до глубины просто въ силу огромнаго духовнаго различія между внутреннимъ содержаніемъ вчерашняго и сегодняшняго дня. Только мы одни лучше всего знаемъ сами о себѣ: мы помнимъ, *что у насъ болѣло и какъ болѣло*. Теперь уже многіе начинаютъ понимать или даже совсѣмъ поняли, *почему болѣло*.

Все пережитое даетъ возможность поставить новый и, смѣю думать, настоящій, правильный діагнозъ. Говоря о прошломъ въ связи съ Чеховымъ, такъ сказать, въ рамкахъ Чехова, я имѣю въ виду русскую интеллигенцію предпослѣдняго, предреволюціоннаго

періода. Интеллигенцію еще не дожившую до такъ называемаго "разсвѣта", начавшагося приблизительно съ 1905 года. Чеховъ для нея очень характеренъ, ибо въ преобладающей, въ общей своей части, она вся въ немъ и онъ весь въ ней.

Чеховъ на рѣдкость яркій, полный и цѣльный образъ русскаго интеллигента той поры. И, что еще важно, — онъ, если можно такъ выразиться, *нейтральный интеллигентъ*. Онъ не примыкалъ близко ни къ какому крайнему лагерю; подлинный литературный талантъ, сообщивъ всей его жизни и творчеству извѣстное равновѣсіе, удержалъ его приблизительно на серединѣ теченія тогдашней жизни. Онъ миновалъ всѣ "затоны", всѣ "заливы", не попалъ ни въ какой водоворотъ, но существо интеллигенціи, стихію ея носилъ въ себѣ, переполнившись ею до краевъ. И Чеховъ былъ пѣвцомъ интеллигенціи и интеллигентности по преимуществу. Хотя перомъ своимъ онъ широко охватилъ современный ему русскій бытъ въ самыхъ разнообразныхъ его оттѣнкахъ, но въ изображеніи этого быта, почти вездѣ, гдѣ не появляются любимые его и близкіе ему по душѣ герои, онъ (кромѣ, напр., повѣстей "Въ оврагѣ", "Мужики", разсказа "Архіерей" и немногихъ другихъ), главнымъ образомъ юмористъ. Пусть юморъ его часто переплетается съ печалью, пусть улыбка его грустна, но она не исчезаетъ. Улыбка эта сходитъ съ лица Чехова безслѣдно лишь только онъ приближается къ своему родному, кровному. Чеховъ послѣдняго періода самый серьезный и углубленный, самый сосредоточенный, своимъ человѣческимъ нутромъ больше всего связанъ со своими пьесами. Пусть въ художественномъ отношеніи онѣ (откинувъ мастерство Художественнаго театра и взявъ ихъ только литературно) ниже его повѣстей и разсказовъ, но онѣ для Чехова, какъ представителя интеллигенціи, воплотителя интеллигентскаго типа, гораздо характернѣе всего его остального творчества.

Здѣсь попутно нужно отмѣтить, что всѣ его пьесы, хотя внѣшне и разыгрываются главнымъ образомъ въ рамкахъ помѣщичьей жизни ("Чайка", "Дядя Ваня", "Ивановъ", "Вишневый Садъ"), но съ этой жизнью, съ глубинной ея психологіей и бытомъ ничего общаго не имѣютъ. Я думаю, я не очень ошибусь, если скажу, что отъ дворянскаго быта въ драматическихъ произведеніяхъ Чехова взята только декорація усадьбы съ аксесуарами деревенскаго быта и второстепенными персонажами. Что же каса-

ется главныхъ героевъ, то они помѣщики лишь по мѣсту жительства, а по духу, по существу, по всему своему укладу внутреннему — типичные интеллигенты.

Ничего въ чеховскихъ герояхъ отъ дворянской культуры, отъ ея содержанія и крѣпкихъ традицій не осталось, кромѣ развѣ того шкафа, передъ которымъ Гаевъ въ "Вишневомъ Садѣ" произноситъ ненужную рѣчь. Съ мѣстомъ, съ обстановкой этихъ людей связываетъ просто привычка долгихъ лѣтъ, и потому слуга новой формаціи, лакей Яша, гораздо имъ нужнѣе и удобнѣе стараго Фирса, котораго они оттого такъ легко и позабываютъ, уѣзжая безъ особенной драмы изъ своего родового гнѣзда, купленнаго новымъ владѣльцемъ. Изображая своихъ помѣщиковъ интеллигентами чистой воды, Чеховъ до нѣкоторой степени, пожалуй, и былъ правъ. Въ то время "оскудѣніе" дворянства и дробленіе и распыленіе дворянской культуры уже близилось къ своему завершенію. Огромное большинство того сословія, которое дало Россіи изумительный качественный расцвѣтъ ея блестящей творческой культуры, уже выходило изъ своего быта и изъ своей сословно-бытовой психологіи "непомнящихъ родства" въ иной бытъ и иную психологію. Чеховъ писалъ въ самый разгаръ перерожденія дворянина въ интеллигента. Но была еще и другая причина, почему всѣ обитатели усадебъ въ Чеховскихъ пьесахъ въ сущности такъ одноцвѣтны и однотипны: Чеховъ, будучи самъ представителемъ безсословной общественной категоріи, не могъ чувствовать, видѣть, любовно подмѣчать, а слѣдовательно и изображать то, что чувствовали и изображали его литературные предшественники и немногіе изъ его младшихъ современниковъ, какъ напр., И. А. Бунинъ и въ первомъ періодѣ А. Н. Толстой.

Вообще появленіе Чехова во всѣхъ отношеніяхъ знаменуетъ новую эпоху и въ жизни и въ литературѣ — эпоху заката. Конецъ Толстого - художника замыкаетъ не только русскую классическую литературу, но и русскую дворянскую культуру въ ея наиболѣе крупныхъ и типичныхъ проявленіяхъ.

Чеховъ приноситъ съ собой не только новое содержаніе литературы, новыя въ смыслѣ преобладанія формы ея и новый темпъ творчества, но въ немъ намѣчается и новый захватъ жизни, гораздо меньшей глубины и ширины. Романъ — эпопея умираетъ вмѣстѣ съ Толстымъ. Исчезаетъ то медленно мощное, я бы сказалъ художественно - органическое созиданіе литературныхъ тво-

ренія, которое зависѣло не только отъ индивидуальной одаренности автора, но еще отъ какой то его *укорененности* въ жизни, которая давала ему возможность не носиться щепкой по волнамъ, а съ крѣпкой и твердой позиціи охватывать жизненныя дали. Иначе говоря, исчезъ въ какомъ-то смыслѣ *покой творчества.* Покой я понимаю не какъ отсутствіе движенія и динамики творчества, а какъ наибольшую внутреннюю полноту его и независимость; полноту, которая не расплескивается отъ мелкихъ толчковъ жизни и сосредоточиваетъ въ себѣ всю силу углубленнаго созерцанія. Покой не Ильи Ильича Обломова, а его творца и изобразителя. Въ состояніи такого покоя возможно было созданіе изумительнаго Гончаровскаго "Обрыва", своевременно преступно неоцѣненнаго русскими читателями. Въ состояніи покоя былъ сотворенъ въ своей геніальности необъятный, какъ сама Россія, романъ "Война и Миръ". И въ этихъ прежнихъ масштабахъ творчества укладывались не только кусочки человѣческихъ дней, кусочки душъ и чувствъ, частицы суетливо и нервно мелькающихъ мыслей, но укладывался весь человѣкъ въ его психологическомъ и бытовомъ разнообразіи, укладывалась не только земля, но и разстилающееся надъ ней небо, таинственное и влекущее загадкой бытія, то самое небо, въ которое и взоромъ и всѣмъ существомъ своимъ смотритъ раненый князь Андрей Болконскій, лежа на Аустерлицкомъ полѣ...

Князя Андрея увелъ за собой его творецъ, великій мастеръ слова - откровенія. На смѣну Болконскому художникъ иной эпохи, иного склада и не только иного творческаго размѣра, но совершенно иного міровоспріятія — Чеховъ выводитъ тоже (по странному совпаденію) русскаго полковника уже не Болконскаго, а Вершинина... И, если то, что волнуетъ Андрея Болконскаго, можно назвать и вопросами его собственной жизни и вопросами бытія, то у Вершинина нѣтъ вопросовъ, а только *вопросики* (выскочившіе въ разговорѣ случайно) и не волнуютъ они его, а такъ только вызываютъ нервную вибрацію...

Меня прервутъ и скажутъ: "неумѣстное и нелѣпое сравненіе Толстого и Чехова, мірового генія и просто очень талантливаго писателя... Я буду настаивать не только на возможности, но на необходимости для насъ такого сравненія. Я не таланты сравниваю въ ихъ объемѣ, я сравниваю съ одной стороны качество эпохъ и порожденныхъ ими людей, а, съ другой стороны, міроощущеніе, міровоспріятіе двухъ эпохъ. Если я Гаршинскаго героя изъ раз-

сказа "Четыре дня" поставлю рядомъ съ Андреемъ Болконскимъ, то до очевидности Гаршинъ явится, какъ художникъ, маленькимъ передъ громадой Толстовскаго генія, но герой Гаршина отнюдь не покажется *пошлымъ*, тогда какъ полковникъ Вершининъ изъ "Трехъ сестеръ" именно невыносимо, *до неловкости* пошлъ и убого провинціаленъ не только около Андрея Болконскаго, но даже около очень ограниченнаго Николая Ростова. А между тѣмъ, надъ Вершининымъ Чеховъ ни минуты не смѣялся и читатели,и зрители "Трехъ сестеръ" не только не улыбались, а даже трогались и плакали даже, когда Вершининъ въ великолѣпномъ изображеніи Станиславскаго задумчиво говорилъ на сценѣ: "Черезъ двѣсти-триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасна!" Эта фраза Вершинина, это чаяніе Вершинина - Чехова была чаяніемъ всей интеллигенціи русской, символомъ той вѣры, которая носила по тогдашнему необычайно гордое наименованіе "прогресса". И эта вѣра въ непремѣнное качественное превосходство завтрашняго дня надъ сегодняшнимъ, вѣра въ то, что "дѣти наши и внуки наши будутъ жить гораздо лучше насъ" вмѣщала въ себѣ всю философію и Чехова и чеховской интеллигенціи. Завтрашній день лучше вчерашняго, потому что завтра будутъ проложены новыя желѣзныя дороги и открыты новыя школы и всѣмъ мужикамъ привита оспа, и эти мужики, подъ вліяніемъ разнообразныхъ благъ цивилизаціи, въ родѣ просторныхъ и чистыхъ избъ, спанья на постеляхъ съ бѣльемъ не будутъ такъ мрачно пить, какъ пьетъ Кирьякъ въ чеховскомъ разсказѣ "Мужики", и не станутъ бить своихъ женъ, и въ свободное время научатся читать газеты и толково разсуждать о своихъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ нуждахъ...

Правда, эту только что мной изложенную программу "завтрашняго дня "совсѣмъ не излагаетъ полковникъ Вершининъ, лишь туманно упоминающій о всеобщемъ блаженствѣ черезъ два три вѣка, но программа эта напрашивается, какъ выводъ изъ всего творчества Чехова и не только художественныхъ произведеній его, но и всей его переписки. Чеховъ весь пропитанъ этой вѣрой въ прогрессъ, онъ и его герои прогрессомъ себя утѣшаютъ въ горькія минуты своей личной жизни. Идеалъ Чехова и его героевъ (а онъ съ ними органически спаянъ) — высшая степень интеллигентности, т. е. идейнаго труда, идейно - развитыхъ людей, образованныхъ, общественно и лично порядочныхъ, терпи-

мыхъ, высокогуманныхъ. И герои его почти всѣ трудятся или хотятъ трудиться, другъ друга къ этому призываютъ, или смиренно, покаянно сожалѣютъ о своей праздности. Въ "Трехъ сестрахъ" баронъ Тузенбахъ выходитъ въ отставку, чтобы послѣ женитьбы на Иринѣ свою праздную и "не идейную" военную службу замѣнить идейной работой въ школахъ, Ольга поступаетъ въ гимназію; трудятся и дядя Ваня и Соня, и докторъ Астровъ, который не только лѣчитъ и оперируетъ мужиковъ, но еще "идейно" сажаетъ лѣса и даже неудачникъ студентъ Петя Трофимовъ, который никакъ не соберется съ силами кончить университетъ, о благородномъ значеніи труда произноситъ цѣлыя рѣчи... Я не помню текстуально всѣхъ этихъ разговоровъ — у меня совсѣмъ нѣтъ подъ руками Чехова, да и размѣры статьи не позволяютъ приводить подлинные отрывки, но общій смыслъ, ихъ тонъ, духъ неистребимы изъ памяти тѣхъ, кто не только читалъ, но *пережилъ* Чехова въ эту эпоху.

Я позволилъ себѣ упомянуть о пошлости Вершинина, которая чувствуется при сопоставленіи его съ Андреемъ Болконскимъ. Въ чемъ же она ощущается и почему ощущается? Почему ощущается именно *теперь,* сегодня или, какъ я говорилъ, въ *этой жизни,* и не ощущалась вчера, *въ той жизни?*

Въ отвѣтѣ на эти вопросы и есть главная наша оглядка насъ — "дѣтей" на насъ — "отцовъ".

М. А. Каллашъ (М. Курдюмовъ).

(Продолженіе слѣдуетъ)

Степная сказка.

(Казаки - джигиты въ Парижѣ)

На кругу Буффало и на окраинномъ плацу Шанъ де Марсъ, у подножія Эйфелевой башни, подъ чужимъ небомъ казаки-джигиты воскресали нашу степную сказку. Я видѣлъ этихъ удальцовъ донскихъ и кубанскихъ степей.

Передо мною ипподромъ въ Буффало. Около 10 ч. вечера. Ослѣпительно яркій кругъ, а надъ нимъ парижское небо, робкія, чуть видныя звѣзды, покрытыя отблескомъ парижскаго ночного зарева.

И вотъ передо мной вдругъ развернулся праздникъ степей, все очарованіе степной сказки. На мгновенье — казалось, видишь необозримую степь, широкіе шляги, бѣлыя хаты, высокіе тополя, которые важно качаютъ свои вершины въ степной лазури.

Я все смотрѣлъ,а жадная память, неумолкая шептала мнѣ о томъ, что не вернется, и чего не увидишь болѣе.

Вспомнилъ я Пасху 1918 г. въ Новочеркасскѣ. Звонили колокола, зацвѣтала бѣлая акація, и воздухъ былъ нѣжный, тоскующій. И было жутко тогда и тревожно. Со всѣхъ сторонъ изъ-за Дона наступали большевики, и аэропланы носились надъ степью, какъ ястреба...

И вотъ чудо случилось. Дрогнула вдругъ степь. Раздался свистъ казачій, и вереницы кубанскихъ и донскихъ коней, на которыхъ всадникъ сидитъ такъ, какъ умѣетъ сидѣть на конѣ только нашъ казакъ, потянулись на сѣверъ. Они шли всю ночь. Цвѣли акаціи. Воздухъ былъ нѣжный, тоскующій. И помню, какъ проходила молодецкая колонна, и пѣлъ молодой тоскующій голосъ:

"Засвистали казаченки въ походѣ съ полуночи.
Заплакала Марусенька свои ясны очи!"

И вдругъ я въ Буффало, и слышу тотъ же голосъ и ту же пѣсню.

Въ красныхъ черкескахъ и бѣлыхъ шапкахъ, молодецъ къ молодцу, проходила по кругу колонна и пѣла. И дрожалъ, казалось, Буффало, и все притаилось. Вѣдь, нѣтъ на свѣтѣ ничего, чтобы равнялось по силѣ и страсти пѣснѣ казачьей! Кругомъ меня сидѣли французы. Маленькіе буржуа, рантье, приказчики, мидинетки, рабочіе. Типичные парижане, гдѣ прилавокъ, магазинная стойка, бистро, метро и такси, кажется, опутали людей нескончаемой петлей - удавомъ гигантскаго города.

Я обернулся. Я видѣлъ, какъ они вдругъ всѣ притаились, и какъ казачья удаль, казачій свистъ, какъ наша степная сказка ихъ заворожила!

Скачка джигитовъ — настоящее чудо для француза, для Парижа, гдѣ такой ловкости, быстроты и удали еще не видали.

Надо удивляться, какъ въ 2-3 недѣли казаки выдрессировали простую французскую лошадь и сдѣлали изъ нея лихаго казачьяго скакуна! Это самое большое чудо степной сказки. Ви-

дишь, какъ бѣшено мчится конь, какъ человѣкъ слился съ нею въ одно безумное, какъ вихрь, смѣлое и жадное существо!

Непередаваемы по красочной игрѣ казачій таборъ и казачья свадьба, когда красные, желтые, синіе, золотистые цвѣта сливаются въ бурю красокъ. Все это сверкаетъ, сіяетъ и переливается въ лучахъ электрическаго свѣта. А надо всей этой бурей красокъ несется пѣсня и слышится лихой свистъ казачій!

Скачка чрезъ костеръ — прямо огненная феерія. Весь Буффало дрожалъ отъ рукоплесканій, когда потухли костры, и колонна джигитовъ съ пѣсенниками впередъ обходили въ послѣдній разъ кругъ Буффало.

Спасибо вамъ, казаки! На далекой чужбинѣ вы воскресили передъ нами степную сказку. На мгновенье открылась передъ нами родина — и такъ жадно рвешься къ ней и такъ хочешь видѣть и обнять далекаго, далекаго друга!

Платонъ Каратаевъ.

Начало Корниловскаго движенія.

(Изъ неизданныхъ воспоминаній)

Втеченіе цѣлаго мѣсяца уже работала демагогія и германская пропаганда. Бездарное правительство Львовъ-Керенскій сдавало имъ позицію за позиціей. Правыя партіи сошли на нѣтъ. Кадеты, въ свою очередь, почти изолированные и ежечасно предаваемые своими коллегами по *коалиціи* — Керенскими и Ко — и даже своими быв. собственными членами (въ родѣ Некрасова), стали вскорѣ объектомъ усиленной клеветнической пропаганды демагоговъ и ихъ союзниковъ, нѣмцевъ, какъ потомъ и все Временное Революціонное Правительство, когда выяснилось, что оно — за доведеніе войны до конца. Слово "кадетъ" стало ругательнымъ словомъ, какъ потомъ стали слова "соціалъпатріотъ", "соціалъпредатель". Стряхнуть съ себя дьявольское навожденіе демагогіи и поднять противъ нея здоровое движеніе протеста и активной борьбы не было очевидно ни умѣнія, ни силъ.

А остальныя лѣвыя партіи — чѣмъ лѣвѣе тѣмъ больше — по уши увязли въ демагогіи, стараясь перещеголять другъ друга: кто побольше и поближе станетъ по революціонности къ "то-

варищамъ" - большевикамъ. Это была настоящая безшабашная оргія, вѣрнѣе — изо дня въ день безумные бѣга — увы, безъ препятствій!...

Безпартійная масса публики, по крайней мѣрѣ, наиболѣе сознательные ея элементы, увидѣли, что Россія идетъ къ гибели и что партіи и партійность только ускоряютъ эту гибель.

Приходилось этимъ — увы! — разрозненнымъ элементамъ приниматься за дѣло, которое лежало на обязанности Парвительства и въ сущности на партіяхъ, которыя оно представляло и которыя его должны были поддерживать.

Безъ политическаго воспитанія, безъ организаціи и безъ правительственнаго аппарата, которые были въ рукахъ Вр. Пр. и партій, что могли эти элементы дѣлать среди быстронесущихся головокружительныхъ событій? Къ тому же надо принять во вниманіе, что съ разрушеніемъ всей административной и правительственной машины стараго режима масса безпартійныхъ людей по разнымъ побужденіямъ — въ такой моментъ это вполнѣ естественно — устремилась на службу и правительству, и партіямъ. "Одинокихъ" партійные комитеты, или главари не подпускали къ работѣ!... Несмотря на такія неблагопріятныя обстоятельства, попытка создать ядро, вокругъ котораго могла бы сгруппироваться организація людей съ единственной цѣлью спасти Россію отъ анархіи и разложенія на почвѣ національнаго объединенія и возрожденія страны, была сдѣлана уже въ перой половинѣ марта, когда съ В. С. Завойко (вмѣстѣ съ нѣсколькими крупными безпартійными промышленниками и представителями либеральныхъ профессій) мы стали обсуждать вопросъ о созданіи такой организаціи.

Въ первыхъ числахъ апрѣля мы условились съ В. С. Завойко собрать у него поервое собраніе болѣе или менѣе одинаково настроенныхъ людей съ положеніемъ, искренно любящихъ Россію и готовыхъ сдѣлать все возможное для ея спасенія.

Мы оба намѣтили нѣсколько человѣкъ, которыхъ мы согласились пригласить, и 5 апрѣля вечеромъ (Ленинъ пріѣхалъ наканунѣ) мы собрались въ первый разъ на квартирѣ у В. С. Я пригласилъ извѣстнаго писателя Б. С. и полковника проф. В. Д. П. (П. Б. Струве и В. А. Маклакова, которыхъ я долженъ былъ пригласить, я не успѣлъ разыскать и объяснить, въ чемъ дѣло: такъ они, кажется, и не узнали, что и они намѣчались нами въ числѣ

общественныхъ дѣятелей - иниціаторовъ организаціи Національнаго Возрожденія).

В. С. Завойко пригласилъ извѣстнаго промышленнаго и финансоваго дѣятеля В. Н. Троцкаго-Сенятовича и двухъ-трехъ другихъ.

Я сдѣлалъ докладъ о положеніи вещей, о неминуемой анархіи, къ которой Россія докатится, если нынѣшнее двоевластіе, или вѣрнѣе безвластіе будетъ продолжаться. Участники собранія одинаково смотрѣли на вещи и всѣ сошлись на томъ, что надо создать центръ, который объединилъ бы всѣхъ такъ же настроенныхъ людей и сталъ бы работать съ цѣлью организаціи національныхъ силъ, борьбы съ анархіей и предательствомъ и воздѣйствія въ этомъ смыслѣ на общественное мнѣніе при помощи печатной и устной пропаганды.

Вопросъ тутъ же былъ поставленъ о томъ, что было бы хорошо объединиться вокругъ крупнаго популярнаго дѣятеля, пользующагося всеобщимъ довѣріемъ и необходимымъ авторитетомъ въ глазахъ общества, арміи и народа.

Всѣ мы сошлись на генералѣ Корниловѣ, котораго кажется, первый назвалъ В. Д. П., его ученикъ и въ то время адъютантъ, много поработавшій въ первые дни революціи противъ демагогіи и большевизма. Тутъ же были собраны первые 5 тысячъ рублей для созданія издательскаго фонда. Рѣшено было начать дѣятельность издательства выпускомъ популярныхъ біографій извѣстныхъ "патріотовъ" всѣхъ партій и, въ первую голову, генерала Корнилова, Г. Плеханова и другихъ. Біографію Корнилова взялся написать В. Д. П. Біографію Плеханова предполагалось попросить написать Л. Дейча. П. же было поручено обо всемъ этомъ переговорить съ ген. Корниловымъ, спросить его мнѣнія о нашемъ начинаніи и его согласія на совмѣстную съ нами работу.

Я былъ избранъ тутъ же отвѣтственнымъ редакторомъ и завѣдующимъ будущимъ издательствомъ (упомянутый писатель долженъ былъ вскорѣ вернуться на фронтъ, а В. Д. былъ очень занятъ агитаціонной работой, при чемъ уже въ это время большевистская печать его травила, грозя самосудомъ).

Всѣ мы признавали, что надо создать большой безпартійный національный органъ печати для пропаганды государственныхъ идей въ странѣ. Вопросъ сводился къ деньгамъ: можно ли будетъ ихъ собрать для созданія такого органа...

7 апрѣля я выѣхалъ въ Выборгъ навстрѣчу франц. министру Альберу Тома, пріѣзжавшему въ Россію съ спеціальной миссіей, 8 апрѣля вечеромъ я съ нимъ вернулся въ Петроградъ — объ этомъ я разскажу дальше. 9 апрѣля я узналъ отъ Завойки и П., что ген. Корниловъ согласенъ съ нашей программой дѣятельности и готовъ съ нами работать. И мы отдались этой работѣ всецѣло.

Корнилова избрали своимъ вождемъ собравшіеся у В. С. Завойко граждане, руководимые одной только любовью къ родинѣ, одной только мыслью, однимъ только желаніемъ спасти ее отъ начавшагося уже разложенія.

Л. Г. Корниловъ въ этотъ моментъ имѣлъ за себя не одну только "біографію", которую въ своей брошюрѣ разсказалъ В. Д. Плетневъ. Это былъ нашъ національный герой, прославившійся воинъ, любимѣйшій вождь, доблестный гражданинъ, вѣрный сынъ отчизны, человѣкъ желѣзной воли и великаго сердца.

Эти свои качества онъ ярко обнаружилъ въ первыя же недѣли своего командованія войсками Петроградскаго военнаго округа, борясь съ разрушителями воинской дисциплины, съ истинными и моральными авторами "Приказа № 1-й" и съ плетворной работой перваго совдепа, который возглавлялъ "товарищъ" Н. С. Чхеидзе.

Ген. Корниловъ боролся, какъ могъ, съ поползновеніями сов. раб. и сол. деп. наложить свою лапу на армію. Корниловъ съ первыхъ же дней видѣлъ, что этотъ совдепъ является орудіемъ въ рукахъ сознательныхъ агентовъ Германіи и демагоговъ - ленинцевъ и безсознательныхъ болтуновъ — ихъ пособниковъ.

Е. Семеновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Среди печати.

Прежде всего отмѣтимъ появленіе среди нашей зарубежной печати газеты "Возрожденіе" подъ ред. П. Б. Струве. Въ газетѣ принимаетъ участіе рядъ очень крупныхъ научныхъ и литературныхъ силъ. Академикъ И. А. Бунинъ, завѣдующій въ газетѣ литературнымъ отдѣломъ, уже далъ въ ней рядъ отрывковъ изъ Дневника "Окаянные дни".

Между "Возрожденіемъ" и "Послѣдними Новостями", по иниціативѣ П. Н. Милюкова, возникла ожесточенная полемика.

Въ ном. 18 "Возрожденія" появилась бесѣда П. Б. Струве съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, на которую читатели прочитали нашъ откликъ выше.

Эта бесѣда Велик. Князя съ П. Б. Струве и его статья "Вождь", появившаяся въ "Возрожденіи" одновременно, вызвала на страницахъ "Послѣднихъ Новостей" передовую статью подъ заголовкомъ "Миѳологія". Передовая эта окончательно и чрезвычайно рѣзко отмежевываетъ республиканско - демократическую фракцію Партіи Народной Свободы отъ нашихъ зарубежныхъ теченій, не пріемлющихъ демократическаго піетизма и національнаго квіэтизма. Къ полемикѣ "Возрожденія" съ "Послѣдними Новостями", помѣрѣ ея интереса, мы будемъ возвращаться.

Одновременно съ появленіемъ "Возрожденія" прекратились двѣ газеты въ Парижѣ: "Вечернее Время" и "Русская Газета"; ихъ редакторы, Б. А. Суворинъ и А. И. Филипповъ, издаютъ вмѣстѣ новую вечернюю газету "Русское Время".

Мы въ "Рус. Вр." прочитали сообщеніе о предположеніи созвать *два* конкурентныхъ національныхъ съѣзда.

Намъ кажется созывъ двухъ національныхъ съѣздовъ совершенно дикимъ: неужели еще мало той розни, которая разъѣдаетъ нашу общественность? Неужели кому-то нужно эту рознь еще усугублять?

"Право и Хозяйство", ежемѣсячникъ подъ ред. проф. бар. Нольде, Шацкаго, М. Брайкевича, И. А. Кистяковскаго, А. Михельсона и др. выйдетъ ном. 3 въ концѣ іюня. Первые два номера этого журнала, посвященнаго вопросамъ права и хозяйства, съ обширными комментаріями права и хозяйства совѣтской Россіи, дали очень много интересныхъ и продуманныхъ статей. Журналу этому, конечно, предстоитъ интересная задача дать синтезъ и анализъ современной правовой и экономической дѣйствительности, какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи.

"Кинотворчество". Театръ, журналъ кинематографическаго искусства подъ ред. А. А. Морского вышелъ ном. 13-мъ. Въ журналѣ рядъ очень интересныхъ статей и снимки новой фильмы О-ва "Альбатросъ" — "Двойная Любовь". Не лишены интереса интервью съ Мозжухинымъ и др. дѣятелями кино.

По слухамъ, циркулирующимъ здѣсь, въ Парижъ переводится изданіе газеты "Дни", выходящей въ Берлинѣ подъ ред. Керенскаго и Зензинова. Парижъ становится центромъ политической жизни нашей эмиграціи. По числу русскихъ газетъ и журналовъ, Парижъ будетъ выше Берлина, гдѣ сейчасъ издаются три газеты. Опытъ изданія періодической печати въ Парижѣ, однако, ясно доказалъ, что техническія средства Парижа во много разъ ниже берлинскихъ, гдѣ имѣется болѣе десяти типографій, оборудованныхъ для русскихъ изданій по послѣднему слову техники. Вѣроятно, и "Днямъ" придется считаться съ этими почти не преодолимыми техническими затрудненіями.

По выставкамъ.

Декоративная выставка оживила лѣтній сезонъ Парижа въ этомъ году. Около декоративной выставки создался уже свой промышленный и художественный интересъ. Парижъ съумѣлъ проявить здѣсь свой традиціонный блескъ, шумъ, тотъ рекламный, сіяющій красками и огнями ансамбль, который такъ характеренъ для здѣшнихъ художественно - промышленныхъ выставокъ.

Выставка съ 15-го іюня уже во всемъ разгарѣ. Лучше всего итти къ мосту Александра III часакъ къ 5-6 вечера. За аркой Этуаль громоздятся облака, позолоченныя предвечерними красками.

Въ эти часы аллея Елисейскихъ Полей залита безконечными верениицами автомобилей. Отъ площади Согласія до Этуаль все охвачено бѣшенымъ порывомъ движенія. На панеляхъ въ тѣни каштановъ, прячась отъ жгучаго солнца, перпѣливо ждутъ пѣшеходы, чтобы перейти въ опредѣленныхъ для пѣшеходовъ мѣстахъ аллею Елисейскихъ Полей. Взмахиваетъ бѣлая палочка ажана, и мы спѣшимъ къ Гранъ-Палэ, куда толпы гуляющихъ и верениицы такси безъ конца льются другъ за другомъ.

Демократизмъ и соціализмъ, видимо, отразились и на современной архитектурѣ. Наша эпоха, пожалуй, не знаетъ своего "политическаго стиля". Не знаетъ своего стиля и архитектура эпохи. Особенно это чувствуется здѣсь, въ Парижѣ, рядомъ съ сѣдой громадой Инвалидовъ, старыми, сѣдыми фрон-

тонами Лувра, Палаты Депутатовъ и еле видными отсюда сѣрыми силуэтами кварталовъ вдоль набережной Вольтера и Собора Парижской Богоматери. Невольно вспоминаешь въ этотъ мигъ печальную фразу Мопассана въ его "На водѣ", гдѣ этотъ влюбленный въ красоту стараго Парижи художникъ "бѣжалъ, по его словамъ, отъ несносной, надоѣвшей своимъ назойливымъ мѣщанствомъ, Эйфелевой башни".

И вотъ прошло съ тѣхъ поръ четверть вѣка, всего одно поколѣніе смѣнило другое, а Эйфелева башня и Трокадеро на фонѣ современной безпокойной, тусклой и бездарной архитектуры, гдѣ демократія и соціализмъ приложили свой штампъ, кажутся прекрасными и величавыми въ краскахъ угасающаго дня...

Уже около 6 час. вечера, и мы спѣшимъ, чтобы успѣть осмотрѣть выставочные павильоны.

Мы идемъ влѣво ко входу съ Площади Согласія, чтобы взглянуть на замѣчательный павильонъ "Вилль де Пари", садоводство Мозеръ изъ Версаля и кіоски "Альпъ Маритимъ". Газоны и тихіе каскады, обвитые розами и роскошными магноліями и рододендронами садоводства Мозера поражаютъ своими деталями. Садишься на скамью, забываешь гулъ выставки и на мгновенье чувствуешь себя въ саду, гдѣ нибудь на югѣ Италіи. Кругомъ азонсъ и цвѣточныхъ клумбъ могучіе каштаны, пронизанные солнечнымъ блескомъ. Тихо журчитъ и лепечетъ о чемъ-то струйка воды, сбѣгающая внизъ...

Запахъ юга, очарованіе старинныхъ колоннъ, завитыхъ гирляндами розъ, передаетъ и кіоскъ "Альпъ Маритимъ.

Вы идете дальше и невольно подчиняетесь очарованію деталей того старательнаго декоративнаго мастерства (о нѣтъ, не искусства!), которое ралито среди этой безхарактерной и шумной архитектурной суеты Всемірной выставки.

Среди выставочныхъ павильоновъ "Вилль де Пари" бѣлое зданіе, простой и спокойной архитектуры замѣчательно по своему содержанію. Павильонъ этотъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ и говоритъ объ огромныхъ техническихъ богатствахъ профессіональныхъ школъ и мастерскихъ Парижа.

Отъ картонажей и графики, до чудесъ туалетнаго шика, отъ слесарныхъ инструментовъ до элегантныхъ мебелей "гостиныхъ и столовыхъ" — все здѣсь заботливо и тщательно пронумеровано, описано. Школы имени Дидро, школа Доріанъ, Булль, школа

"де з-аръ аппликe", муниципальныя школа съ ул. Манэнъ, школа Эмиля Дюбуа, Элизы Лимоннье, городская торговая школа съ ул. д-Аббевилль выставили здѣсь работы своихъ учениковъ и ученицъ. Рисунки, вышивки, куклы, декоративные макеты — все это говоритъ о блескѣ профессіональнаго образованія въ школахъ прикладного искусства въ Парижѣ.

Павильоны Чехословацкой республики, Польши, Японіи, Бельгіи -- одинъ за другимъ по берегу Сены отъ пл. Согласія къ мосту Александра III. Между ними тяжелый, какъ какая-то архитектурная загадка, павильонъ Голландіи. Чехословацкій павильонъ по своимъ архитектурнымъ мотивамъ и декоративнымъ усиліямъ — типичное проявленіе того отсутствія стиля, что такъ характерно для странъ, переживающихъ самодовольное празднество своей демократіи. Тутъ нѣтъ ни искусства, ни исканій. Простая выдумка и хитрая претенціозность разлиты и въ декоративной мебели чехословацкаго павильона.

Въ области художественныхъ исканій — современная Чехія поражаетъ своей творческой бѣдностью. Эта печать и на ея павильонѣ. То же впечатлѣніе даетъ и павильонъ Бельгіи. Но мотивы павильона Польши, гдѣ на гобеленахъ по стѣнамъ взяты сюжеты изъ жизни старой Польши, гдѣ образы изъ романовъ Генриха Сенкевича, польскіе пани и паны, пестрыя ткани одеждъ, грація танцевъ, весь польскій историческій жанръ и пейзажъ, какъ бы вырванъ изъ Галиціи и Волыни, — волнуютъ своей красочной силой. Хороша и тяжелая мебель изъ моренаго дуба и краснаго дерева съ бронзой. Все это своеобразно величаво и передаетъ тотъ психологическій сдвигъ, который въ націяхъ со старой культурой, уже замѣтенъ среди сумерекъ современнаго демократизма.

Очень счастливая мысль выпала на долю японскихъ художниковъ, давшихъ изъ дерева копію японской усадьбы гдѣ-нибудь въ Токіо или Кіото. Пахнущій деревомъ и полировкой, этотъ тихій японскій деревянный особнячокъ съ крошечнымъ дворикомъ, карликовой мебелью, карликовыми цвѣтами въ крошечномъ палисадникѣ, — очень хорошъ своимъ національнымъ своеобразіемъ.

Мимо павильона съ модами Парижа, куда зазываютъ какъ въ дорогой ресторанъ, и гдѣ на верху какое-то таинственное и эле-

гаптнѣйшее кабаре и "саль де дансъ" — мы идемъ къ мосту Александра III.

Мы у моста Александра III. Странное чувство охватываетъ душу всякій разъ, какъ переходишь этотъ монументальный мостъ черезъ Сену. Его мраморъ и тяжелая бронза львовъ и фигуръ на парапетахъ какъ бы передаютъ былое величіе старой Россіи. Съ моста незабываемый видъ. Хорошо постоять здѣсь вечеромъ въ часы заката, когда за Трокадеро величаво умираетъ день надъ гигантскимъ Парижемъ. Стальная игла Эйфелевой башни на фонѣ вечерней зари то розовѣетъ, то голубѣетъ, то дѣлается лиловой, а потомъ снова пріобрѣтаетъ цвѣтъ стали и сливается съ мглой вечера. Налѣво видно Тюльери, вдали маячатъ вершины НотрЪ-Дамъ, мосты свѣсились надъ Сеной. Подъ мостами повисла вечерняя тѣнь. Закатный блескъ, то вспыхивая, то угасая, лоснится на шелковистой Сенѣ, и вѣковые каштаны вдоль набережной какъ бы погружены въ вечернія мечты...

Нигдѣ не чувствуется съ такой силой обаяніе Парижа,какъ въ эти часы надъ Сеной. Огромная историческая жизнь вѣетъ здѣсь всѣми чарами глубокой старины, а автобусы, вереницы такси,толпы пѣшеходовъ и гулъ, отъ котораго глухо дрожитъ мостъ, держатъ васъ въ какомъ то тревожномъ напряженіи настоящей, не знающей пощады, жизни города-гиганта.

Уже идя мимо Гранъ Палэ, видишь за мостомъ Александра III всю амфиладу выставочныхъ зданій. Васъ поражаетъ безхарактерная архитектура линій, башенъ, крышъ, кіосковъ. *"Всемірности"*, говорящей о величіи міровыхъ усилій въ области декоративной архитектуры, здѣсь не чувствуется. Это впечатлѣніе пестрой, кричащей и манерной безхарактерности все увеличивается, чѣмъ болѣе вглядываешься и ближе знакомишься съ выставкой.

За монументальнымъ зданіемъ Итальянскаго павильона изъ камня въ романскомъ стилѣ съ гербами города Рима, полнаго суроваго величія, вдругъ очутишься передъ павильономъ СССР.

Около этого павильона, въ связи съ открытіемъ и скандаломъ, устроеннымъ Красинымъ и его клевретами г-ну де Монзи, уже обширная литература. Около павильона, какъ величайшаго курьеза, вопросительно поглядывая то вверхъ,то внизъ,то сбоку,— бродитъ толпа.

Твореніе архитектора Мельникова — нѣчто въ родѣ садовой

оранжереи или холернаго барака. Изъ стекла и дерева, сколоченный на живую нитку, уже съ облѣзающей отъ солнца кровавой окраской свое й единственной деревянной стѣны, — павильонъ этотъ горькое напоминаніе о томъ, что стало сейчасъ съ Россіей.

Поднимаетесь по деревянной лѣстницѣ и входите на площадку, гдѣ вертится и ломаннымъ французскимъ языкомъ даетъ объясненія совѣтская барышня. Налѣво дверь въ отдѣленіе рекламъ, книгъ и пропаганды. Здѣсь царитъ Госиздатъ и Ленинъ. Видимо, отборный товаръ. Нѣкоторыя изданія, напр., юбилейныя изданія Пушкина, альбомы юбилеевъ Малаго и Большого театра, монографія Художественнаго театра — недурны. Если бы не залихватскій совѣтскій стиль виньтокъ, то книги эти были бы прямо хороши. Много пропагандной литературы, еще больше Карла Маркса и Ленина. Внизу двѣ комнаты, напоминающія расхищенный этнографическій музей. Здѣсь костяныя издѣлія "крестьянъ Сибири", текинскіе и бухарскіе ковры, чувашскія и малороссійскія вышивки, кружева, портсигары, чашки, Матрешки, лакированныя лукутинскія коробки, два-три мѣха изъ Сибири — вотъ и все. Этикетки: "камчадалы", "алеуты", "чуваши", черемисы, крымскіе татары, украинцы, текинцы, азербейджанцы и т. д. Тщетно ищешь слово: "Россія" или "русскій". Этихъ словъ здѣсь нѣтъ.

Плотный господинъ въ роговыхъ очкахъ, въ сопровожденіи какого-то бѣдно одѣтаго и забитаго интеллигента съ бородкой и молодого человѣка въ кожаной курткѣ, — озабоченно и подозрительно слѣдитъ за публикой и бѣгаетъ по павильону и его коллекціямъ. У служащихъ видъ забитый, запущенный, немытый... Бѣдная, несчастная Россія!

Съ тяжелымъ чувствомъ идешь по мосту Александра III, застроенному безвкусными кіосками модъ и парфюмеріи грязно желтаго цвѣта. Между кіосками и парапетомъ моста дорожки. Облокотясь о перила, толпится публика и любуется закатомъ...

П. Н.

ХРОНИКА.

БЕЛЬГІЯ И КРАСИНЪ

Бельгія отказала Красину въ транзитной визѣ, когда онъ уѣзжалъ изъ Парижа въ Москву. Вотъ почему совѣтскій полпредъ вынужденъ былъ выѣхать изъ Парижа на сутки позже совѣтскихъ финансистовъ и не на Бельгію, а на Страсбургъ.

Мы узнаемъ, что Бельгія рѣшила не давать болѣе транзитной визы всѣмъ совѣтскимъ дипломатическимъ курьерамъ.

Курьезный результатъ совѣтско-бельгійскихъ переговоровъ о признаніи Совѣтовъ. Передаютъ, что даже соціалистъ Вандервельде заявилъ по поводу такого рѣшенія своего правительства: «Я горжусь, что моя страна первая, какъ и 10 лѣтъ назадъ, даетъ отпоръ варварамъ»...

НОВЫЙ ДѢТСКІЙ ПРІЮТЪ

Въ день Петра и Павла въ окрестностяхъ Парижа открывается дѣтскій пріютъ имени звѣрски убіеннаго Великаго Князя Павла Александровича.

Пріютъ этотъ созданъ трудами дочери Великаго Князя и княгини Палей, Ирины Павловны, супруги князя Ѳеодора Александровича. Мы поговоримъ особо объ этомъ прекрасномъ дѣлѣ благородныхъ любящихъ русскихъ сердецъ.

ВЪ ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОМИССІИ ПО РУС. ДѢЛАМЪ

Въ среду собралась въ Палатѣ депутатовъ парламентская комиссія по русскимъ дѣламъ подъ предсѣдательствомъ депутата Филипото для выслушанія доклада *"Комитета Дѣйствія* держателей русскихъ бумагъ", бюро котораго было спеціально приглашено для этой цѣли комиссіей. Делегатъ Комитета, г. Филиппъ сдѣлалъ обстоятельный докладъ о положеніи вопроса о русскихъ долгахъ, объ ошибкахъ оффиціальныхъ комиссій, разговаривавшихъ съ Совѣтами, и наконецъ о программѣ дѣятельности 400 обществъ, сгруппировавшихся вокругъ *Комитета Дѣйствія* держателей русскихъ цѣнностей.

Предсѣдательствующій на засѣданіи, спеціально завѣдующій въ комиссіи вопросомъ о долгахъ, депутатъ Баретти, выслушавъ докладъ г. Филиппа, поблагодарилъ докладчика и делегацію за сообщенныя свѣдѣнія (исторію, цыфры и методы работъ Комитета) и завѣрилъ делегацію въ желаніи Парлам. Комиссіи по рус. дѣламъ оказать полное содѣйствіе *Комитету Дѣйствія.*

PAGE FRANÇAISE

Vaux mieux tard que jamais

Il a fallu les événements sanglants du Maroc, ceux de la Chine, la propagande effrénée de Moscou partout jusque — et y compris — l'armée, la marine, les administrations gouvernementales de France pour ouvrir enfin les yeux des « optimistes », comme M. Herriot, sur le danger bolcheviste qu'ils persistaient à nier, malgré l'évidence.

A quoi se réduisent toutes les dénégations des Tchitchérine, Rakovsky, Krassine et leurs amis bolchevisants — aveugles ou intéressés? Après la déclaration et les révélations de M. Painlevé à la tribune de la Chambre des Députés sur le rôle du **Kmintern** et de son gouvernement des Soviets de Moscou dans la propagande communiste en France, dans les troubles, grèves et soulèvements partout — en Chine, aux Balkans, dans la guerre au Maroc —, il n'y aura plus que les criminels eux-mêmes et leurs complices conscients qui seront hostiles à la **défense active** de la Patrie, de la Société et de la civilisation contre le danger bolcheviste et communiste-léniniste.

Ces mesures de défense nationale et sociale seront certainement prises par le gouvernement de M. Painlevé qui a clairement annoncé qu'en face des événements déchaînés par Moscou il sera un gouvernement national et non pas celui d'un parti ou d'un **Cartel des gauches.** Ici, dans cette **revue,** nous n'avons pas à nous mêler de la politique intérieure de ce pays. Mais nous sommes libres d'apprécier la politique internationale de Notre Chère France et, notamment, sa politique envers les Soviets et de donner notre avis sur l'action destructrice de ces derniers et sur les mesures à prendre contre eux.

Nous sommes, peut être, plus qualifiés de donner des avis et même des conseils à nos amis de France et à nos alliés de la veille de l'Entente que nos affirmations, nos prédictions, toute notre campagne depuis huit ans dans le **Vetchernée Vrémia, l'Entente** (de Petrograd), le **Morning Post** de Londres, le **Figaro,** etc., se trouve entièrement justifiée par les événements qui ne nous ont jamais donné de démenti. (Suite p. 31.)

Изъ объясненій г. Филиппа и другихъ делегатовъ выяснилось, что Красинъ повезъ съ собою въ Москву нѣкоторыя предложенія урегулированія вопроса о долгахъ, предложеніе г.г. Путилова и Гордона объ уступкѣ *Ропита* Совѣтамъ и т. п. Выяснилось также, что правительственная комиссія Доссэ (быв. де Монзи) попала въ тупикъ, изъ котораго не можетъ выбраться, и что г. Доссэ слагаетъ съ себя званіе ея предсѣдателя.

Et quelle serait la première mesure à prendre en face de ces événements?

Tout simplement rappeler l'ambassadeur français de Moscou et demander aux bolcheviks le rappel de leur ambassadeur avec toute son organisation tche-kiste de conspirateurs du № 79 de la rue de Grenelle et de ses succursales à Paris et en province.

Le gouvernement français est à tous les points de vue en droit de faire enfin ce nettoyage qui s'impose.

L'aveu de Voline — secrétaire de l'ambassade soviétique, expulsé de France pour sa participation au meeting révolutionnaire et anti-français des Chinois à Paris —, à lui seul suffit pour demander le rappel de Krassine. Voline dans les journaux soviétiques avoua, en effet, qu'il avait pris part au meeting chinois, comme **remplaçant de Krassine** sur la demande de ce dernier et avait prononcé son discours d'accord avec Krassine.

Cet aveu se passe de commentaires, surtout après ce que nous avons appris depuis sur l'origine des troubles de Shanghaï, les circulaires de Zinovieff, le rôle de Tchitchérine et de Litvinoff dans les événements de Sofia et celui de Moscou au Maroc.

Les Belges ont refusé, la semaine dernière, à Krassine même le visa de transit, et « l'ambassadeur » bolcheviste fut obligé de retarder son départ de Paris de 24 heures et de prendre la voie de Strasbourg au lieu de Liége et Cologne.

Les Belges ont eu raison d'agir ainsi comme ils ont raison de ne plus donner de visas aux bolcheviks.

Krassine, à présent démasqué, par Voline lui-même, comme chef de la propagande bolcheviste et antifrançaise en France, ne doit et ne peut plus revenir à Paris!

E. Semenoff.

Vu le silence gardé par la presse sur les travaux du **Comité d'Action** des porteurs français, nous croyons de notre devoir d'en donner tous les documents qui ont un intérêt primordial pour la France et pour la Russie.

3e Congrès des Créanciers Français de la Russie

Associations des Porteurs Français de Titres émis ou garantis par le Gouvernement Russe de Sociétés ayant leurs exploitations en Russie et des Intérêts Privés.

MEMBRES DE LA GRANDE FAMILLE FRANÇAISE,

qui avez placé **sans distinction d'aucun Parti politique,** à la demande des **divers Gouvernements** et des **entreprises financières de la France, votre laborieuse épargne** pour assurer la reconstitution de la Russie.

Nous vous convions à venir **en masse** à la **Manifestation Imposante** de tous les **Intérêts Français** lésés par la Révolution Russe, à **LUNA-PARK** (Porte Maillot) **le 5 juillet 1925 à 14 heures et 20 heures.**

Votre 2e Congrès à l'Hôtel des Sociétés Savantes à Paris a compris le 29 novembre 1924, 2.000 présents et 20.000 mandats.

Votre 2e Congrès, au Palais du Trocadéro le 28 février 1925 a compris 6.000 présents et 80.000 mandats.

pour, que par votre **nombre inoubliable,** vous signifiiez aux **Pouvoirs Publics Français** et au **Gouvernement des Soviets** que vous entendez faire cesser toutes les **tergiversations** et que vous voulez **enfin** être **réglés.**

Malgré les obstacles de toute nature qui lui ont été suscités, votre **Comité Central Exécutif** a dénoncé **sans défaillance** toutes les spéculations, a empêché votre Créance **privée** de **32 milliards,** d'abord d'être réduite **à néant,** puis d'être vérifiée pour être négociée, compensée et ainsi diminuée. Il a déféré à la **Justice, vos débiteurs récalcitrants** et poursuit inlassablement **la restitution de vos avoirs et la revalorisation de vos titres.**

M. le Président du Conseil, Ministre des Affaires Etrangères, a fixé dans sons discours du 28 janvier 1925, **affiché dans toutes les Communes de France, votre nombre à 4.000.000**

Il faut venir **tous,** approuver la gestion de vos mandataires autorisés, et **par vos effectifs considérables,** assurer **la représentation nationale** qui fera aboutir tous leurs efforts.

Affichez donc cet apel dans toutes vos Mairies!

Que les Membres du **« Comité d'Action pour le Réglement** des Intérêts Français en Russie » ainsi que vos **Chefs de Section** ou **votre Bureau permanent,** 22, avenue Montaigne à Paris, vous assurent vos billets collectifs pour que vous puissiez arriver **le 5 juillet à Paris!**

Vos élus sauront vous y réserver l'accueil que méritent votre **longue détresse** et **l'expression inébranlable** de **vos volontés.**

Si un tel **appel** vous semble digne d'être répandu partout autour de vous, nous nous tenons à votre disposition pour vous le faire parvenir autant que vous le désirerez.

Nous avons réalisé **l'union** et constitué **le front unique des créanciers Français de la Russie.**

A vous maintenant de faire connaître, dans la Capitale, **la Force Irrésistible de vos Droits et de vos Intérêts.**

Les Présidents des Associations.

Directeur-Gérant : E. SEMENOFF.
Imp. d'Art Voltaire (O. Zeĭuk, Directeur), 4, Passage Alexandrine, Paris (11e)

Условія подписки

ВО ФРАНЦІИ:

6 фр. въ мѣсяцъ; — 16 фр. за 3 мѣсяца; — 28 фр. за 6 мѣс.

ЗАГРАНИЦЕЮ:

8 фр. въ мѣсяцъ; — 22 фр. за 3 мѣсяца; — 40 фр. за 6 мѣс.

КАЛИНА

ПОРТНОЙ

Téléphone : Gutenberg 52-71. 25, av. de l'Opéra, Paris I

Ресторанъ „БОГАТЫРЬ“ Métro : Glacière. Tramway : 91. Aut. : H, U, A1 *bis*, K.

-:- 33, Boulevard Arago -:-

Завтраки и Обѣды. — Прекрасная Русская кухня.

ЦѢНЫ ДОСТУПНЫЯ — Во время обѣда Цыганск. и Русск. пѣсни въ исполненіи извѣстныхъ артистовъ. — ЦѢНЫ ДОСТУПНЫЯ

Сдаются немедленно двѣ большихъ прекрасныхъ меблированныхъ комнаты для бюро около Оперы на бульварахъ. Обращаться:

34 Bd des Italiens Н. В. Горленко.

По случаю отъѣзда отдается

Барская квартира

въ районѣ IV arrond. на набережной, въ 1 эт. состоящая изъ передней, шести жилыхъ комнатъ, прекрасно меблированныхъ съ помѣщ. для прислуги, ванной со всѣми удоб., тел., садъ. Обращаться 34, Bd des Italiens И. В. Горленко.

Imprimerie d'Art Voltaire, 4, Passage Alexandrine, Paris (XIe)

№ 2. Парижъ, 4 Іюля 1925 г. №

РУССКАЯ НЕДѢЛЯ.

(LA SEMAINE RUSSE)

ЖУРНАЛЪ
Политики, Литературы и Искусства.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ :

А. И. ГРАММАТИКОВА, М. А. КУРДЮМОВА, В. Н. ЛОДЫЖЕНСКАГО, П. А. НИКАШИНА и Е. П. СЕМЕНОВА

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА :

Банковская Панама ..... ФРАНКОРУССА.

Около Наслѣдства Петра Великаго .. П. НИКАШИНА.

Порванная цѣпь ..... В. Н. ЛОДЫЖЕНСКАГО.

Начало Корниловскаго движенія .... Е. СЕМЕНОВА.

Часы заката ..... М. КАЛЛАШЪ.

Политическое Обозрѣніе.

Среди печати.

Хроника.

Page française

Объявленія.

ВЫХОДИТЪ ПО СУББОТАМЪ.

Цѣна 1 фр. 50 с.

РЕДАКЦІЯ : 47, Rue Brancion, Paris (15e)

КОНТОРА : 27, Rue Claude-Lorrain, Paris (16e)

Voir page française à la fin

РУССКАЯ НЕДѢЛЯ

(La semaine Russe)

ЖУРНАЛЪ

Политики, Литературы и Искусства.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Во Франціи

6 франковъ въ мѣсяцъ—16 франковъ за 3 мѣсяца—28 фр. за 6 мѣсяцевъ

Заграницей

8 франковъ въ мѣсяцъ - 22 франка за 3 мѣсяца—40 фр. за 6 мѣсяцевъ

Адресъ конторы: «**La semaine Russe**» **27, Rue Claude Lorrain Paris (XVIe).**

Открыта подписка

НА 1925 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

«РУССКОЕ ВРЕМЯ»

подъ редакціей БОР. СУВОРИНА и АЛЕКСАНДРА ФИЛИППОВА

Условія подписки:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.
Во Франціи	**10 фр.**	**27 фр.**	**50 фр.**
За границей	**12 фр.**	**33 фр.**	**60 фр.**

Подписка съ 1-го и 16-го кажд. мѣс. и объявленія принимаются въ конт. газ.

40, Rue de Trévise, 40 — PARIS (IXe)

Газета выходитъ въ Парижѣ въ 4 часа дня

„Возрожденіе“

Пріемъ подписки и объявленій производится въ Парижѣ:

Въ конторѣ газеты 5, Rue des Gobelins и 4, rue de Sèze; у M. I. Schneider, 27, Rue Tronchet и въ книжныхъ магазинахъ:

«A la Joie du Bibliophile», 6, Rue Godot-de-Mauroy;

«Aux Vieux Livre», 3, Rue d'Anjou, Téléph.: Élysées 62-90

Т-ва «Н. П. Карбасниковъ» (S-té N. P. Karbasnikoff), 9, rue Dupuytren;

«Москва», (Moskwa), 9, rue Dupuytren «Маякъ» (Mayak) 22, Av. des Ternes

Условія подписки:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	12 мѣс.
Во Франціи	8 фр. 50 с.	24 фр.	45 фр.	85 фр.
За границей	10 фр. 50 с.	30 фр.	55 фр.	100 фр.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА 25 САНТ.

Банковская панама.

"Лукавый рабъ и лѣнивый! ты зналъ, что я жну, гдѣ посѣялъ, и собираю, гдѣ не разсыпалъ; посему надлежало тебѣ отдать серебро мое торгующимъ, и, пришедъ, получилъ бы свое съ прибылью...."

(Ев. Отъ Матѳея. Гл. XXV, с. 26 и 27).

Мы имѣемъ цѣлью установить, куда ушло *русское золото* и что сталось съ *русскимъ достояніемъ* загр. Разоблачая хищниковъ, мы нисколько не бьемъ по нашей эмиграціи и не играемъ въ руку совѣтскимъ ворамъ и грабителямъ. Наоборотъ, мы этимъ разоблачаемъ ихъ грабежи и преступленія, въ которыхъ имъ помогаютъ съ самого начала лихолѣтія ихъ первые партнеры и соумышленники — все тѣ же пираты, которыхъ мы поименно притянемъ къ суду общественнаго мнѣнія въ ожиданіи ихъ отвѣта передъ законнымъ судомъ сначала Франціи, а затѣмъ и возрожденной Россіи.

Нѣтъ! Эмиграціи — какъ таковой — честнымъ представителямъ въ ней банковъ, торговопромышленныхъ учрежденій и др. — наши статьи не задѣнутъ, а наоборотъ очистятъ, отгородятъ ее отъ большевиковъ, большевизановъ и грабителей.

На собраніи общества акціонеровъ Русско-Азіатскаго Банка бывшій и нынѣшній директоръ этого Банка г. Верстратъ недавно заявилъ, что вклады Банка превышали милліардъ зол. р. Гдѣ 700 милл. фр., которые были заграницею? Мы спрашиваемъ Правленіе Банка (незаконно распоряжающееся и понынѣ его дѣлами): "куда дѣли вы этотъ милліардъ?"

И мы добьемся отвѣта, что бы гг. Путиловы, Езерскіе, Рэндры, Гинзбурги не предпринимали, чтобы скрыть правду.

Мы можемъ сообщить нашимъ читателямъ, что Общество французскихъ акціонеровъ Банка уже подало жалобу въ судъ на незаконныя и неправильныя дѣйствія преступныхъ членовъ Правленія.

И если въ СССР-іи нѣтъ суда, то во Франціи онъ есть.

Мы можемъ также подтвердить нашимъ читателямъ то, что

мы писали въ "Веч. Вр.", а именно: Гг. Путиловъ, Гордонъ и Ко продолжаютъ переговоры съ Совѣтами о сдачѣ послѣднимъ, *цѣною новаго преступленія, РОПИТ*-а и всего его имущества.

Мы въ слѣдующихъ номерахъ *Русской Недѣли* дадимъ документальное подтвержденіе нашихъ обвиненій.

Что касается *Русскаго Золота,* то несмотря на упорное молчаніе гг. Езерскаго и Ко, мы доберемся до истины и въ этомъ дѣлѣ.

Уже чехословацкая печать обратила вниманіе на нашу кампанію. Уже внесенъ въ чехословацкій парламентъ запросъ о *колчаковскомъ золотѣ.* Честь и достоинство Чехословакіи теперь находится въ достойныхъ рукахъ и ея правительства, и ея національной оппозиціи, во главѣ которой стоитъ неизмѣнный благородный другъ Россіи, славный К. Крамаржъ.

Правда восторжествуетъ!

Франкоруссъ.

P. S. — Въ послѣднюю минуту мы узнаемъ, что по жалобѣ акціонеровъ Русско - Азіатскаго банка, о которой мы говоримъ выше, произведенъ, по распоряженію прокуратуры, обыскъ въ Русско - Азіатскомъ банкѣ, и члены его Правленія приглашены находиться въ распоряженіи слѣдственныхъ властей и не отлучаться изъ Парижа.

Около наслѣдства Петра Великаго.

Въ текущемъ году мы ознаменовали одну изъ величайшихъ годовщинъ русской исторіи. Минуло 200 лѣтъ со дня смерти Петра Великаго.

Мы — провели эту годовщину вдали отъ родины. Надо отдать честь нашей зарубежной общественности и нашей русской печати на чужбинѣ. Этотъ день, мы какъ умѣли и какъ могли, сдѣлали не только годовщиной русской, но годовщиной всю цѣнность и всю историческую важность которой понялъ и Западъ. Этотъ день русской колоніи въ европейскихъ и другихъ міровыхъ центрахъ, какъ Берлинъ, Варшава, Парижъ, Прага, Бѣлградъ, Нью-Іоркъ и даже Шанхай, всюду, гдѣ еще живетъ и бьется русская мысль и въ мукахъ изгнанія влачитъ свой искупительный путь русская національная совѣсть — было настоящимъ русскимъ днемъ. По глубинѣ настроенія и по силѣ выраженія развѣ Пуш-

кинскую горовщину, прошедшую на-дняхъ, мы справили, какъ годовщину Петровскую.

На мгновенье мы почувствовали могучее дыханіе этихъ двухъ столѣтій, преобразившихъ Россію, и на мгновеніе, по выраженію Чаадаева, "тяжкія складки плаща Петра Великаго" какъ бы прикрыли всю сиротъ, всю жалость и всю безпомощную наготу нашихъ страданій.

Дѣти, внуки и правнуки Великаго Петра, мы вдругъ поняли, что морально и идейно являемся наслѣдниками его Великаго наслѣдства.

Отпраздновали Петровскую годовщину и въ Совѣтской Россіи. И тамъ палачи и гонители русской политической мощи и культуры, убійцы и растратчики петровскихъ традицій, — били себя въ грудь и увѣряли и себя и Западъ, что они, большевики, суть преемники Петровскаго наслѣдства.

Итакъ, кто же правъ, мы или они? Они-ли, отторгнувъ Россію отъ Европы, продолжатели и преемники наслѣдства Петра Великаго, или мы, заброшенные силою событій на Западъ, хранимъ завѣты Великаго преобразователя?

Вопросъ этотъ отнюдь не праздный. Я бы сказалъ, что сейчасъ это самый глубокій и самый роковой вопросъ русской совѣсти и русскаго ума. И несомнѣнно весь смыслъ нашего изгнанія и все значеніе искупительныхъ жертвъ, которыя русскій народъ несетъ сейчасъ, какъ расплату за революцію, — есть рѣшеніе вопроса о томъ, *выдержимъ ли мы тяжесть наслѣдства Петра Великаго, или не выдержимъ*. Подломятся русскія силы, воспрянутъ ли онѣ, или замутится навсегда петровскій геній, и мы вновь переживаемъ историческіе уроки Чингисъ-Хана?

При рѣшеніи этого вопроса наша совѣсть въ тревогѣ. Уже мысли и думы многихъ отчаялись въ былыхъ нашихъ традиціяхъ, уже отъ европеизма насъ влекутъ туманы безвременья на Востокъ, въ Азію. Послѣднія событія на Востокѣ какъ бы подчеркиваютъ, что большевизмъ влечетъ Россію къ Чингисъ-Хану.

Вопросъ этотъ не праздный и не легкій. Невозможно обнять всю широту идей и настроеній, которыя при его рѣшеніи могутъ встрѣтиться. Рѣшить его во всей глубинѣ было бы не по силамъ намъ, наблюдающимъ событія, какъ зрители въ театрѣ.

Задача наша — намѣтить лишь эскизъ или схематическій разрѣзъ одной части этого вопроса, касаясь лишь политическихъ

традицій наслѣдства Петра Великаго, *разумѣя его, какъ преемство монархіи.*

Весь смыслъ и все содержаніе той идейной распри, которую сейчасъ, во имя борьбы съ большевизмомъ и во имя будущаго Россіи, мы ведемъ среди нашей зарубежной общественности, въ нашей печати, въ нашихъ культурныхъ центрахъ, органахъ нашей эмиграціи, сводится только къ разрѣшенію этого политическаго смысла Петровскаго наслѣдства.

Будущее Россіи въ монархіи, ея историческія судьбы будутъ продолженіемъ традицій русской монархіи, или Россія превратится, какъ предсказываютъ наши лѣвые , демократически - соціалистическія теченія, въ Великую федеративную республику?

Этотъ вопросъ становится какъ бы *идейнымъ содержаніемъ нашего изгнанія.* И разрѣшеніе этого вопроса — есть одинъ изъ роковыхъ вопросовъ настоящаго момента.

Сейчасъ вопросъ этотъ чрезвычайно обострился, но борьба только что разгорается, и идейныя силы той и другой стороны напряжены до величайшаго напряженія.

Я не буду указывать содержанія и идейной аргументаціи той и другой стороны. Наши читтели, конечно, въ курсѣ этого состязанія и каждый по своему оцѣнитъ и взвѣситъ силу аргументацій и правыхъ и лѣвыхъ.

Оставляя лѣвыя теченія въ сторонѣ, мы перейдемъ къ теченіямъ правымъ, исповѣрующимъ традиціи Петровскаго наслѣдства, какъ вѣрность русской монархіи. Въ этомъ только и назначеніе настоящей статьи.

II

Исторія русской общественной мысли этихъ двухъ столѣтій, а особенно послѣдняго вѣка передъ революціей, даетъ одинъ разительный фактъ русскаго самосознанія. Этотъ фактъ — слабый арсеналъ русской монархической мысли. Еще А. Н. Пыпинъ въ своей "Исторіи общественныхъ движеній при Александрѣ I" (СПБ. 1885) отмѣтилъ этотъ разительный фактъ. На протяженіи цѣлаго столѣтія (1817-1917), бывшаго золотымъ вѣкомъ великой русской мощи,создавшаго настоящія Пропилеи славы рус-

ской монархіи, мы почти не видимъ, чтобы идейное содержаніе русскихъ политическихъ теченій въ нашихъ общественныхъ движеніяхъ *было на уровнѣ великихъ достиженій монархіи.*

Уже со временъ Сперанскаго , декабристовъ и Чаадаева начинается бурный приливъ идей антимонархическихъ, и отливъ идей монархическихъ. Декабристы, Герценъ, Бакунинъ, Тургеневъ, Толстой, вся романтическая плеяда 40-хъ годовъ, эпоха великихъ реформъ, годы гр. Витте и Государственной Думы до февраля 1917 года — были отрицаніемъ русской монархической идеи, а не ея утвержденіемъ. Русская монархическая мысль за эти годы могла противопоставить этому натиску имена только Аксаковыхъ, Хомякова, Достоевскаго, М. Каткова, Н. Данилевскаго, К. П. Побѣдоносцева, Л. Леонтьева, Л. Тихомірова и еще, пожалуй, В. Розанова.

Вотъ и все.

Даже русская высшая бюрократія, даже Дворъ и Великіе Князья, какъ это сейчасъ видно изъ архивныхъ данныхъ, опубликованныхъ въ Россіи при большевикахъ, какъ Вертеръ въ романѣ Гете,переживали какую то постоянную безудержную и страстную мечту отрицанія настоящаго и стремленіе въ романтическую даль.

Опубликованный въ прошломъ году въ Москвѣ "Архивъ К. П. Побѣдоносцева", который въ молодости тоже былъ русскимъ Вертеромъ и отрицателемъ, содержитъ въ себѣ огромный матеріалъ въ видѣ писемъ и замѣтокъ, которыми Побѣдоносцевъ при Александрѣ III и Николаѣ II обмѣнивался съ огромной массой лицъ по вопросамъ административной практики. Этотъ "Архивъ" — цѣннѣйшій историческій документъ. Въ рукахъ враговъ русской монархической идеи "Архивъ" Побѣдоносцева доказательство историческаго безсилія русской монархіи и ея обреченности. Въ рукахъ болѣе искренняго наблюдателя — этотъ "Архивъ" свидѣтельство того, что русская монархія даже первыхъ годовъ Александра III не была консервативнѣе общества. Письма извѣстнаго русскаго либерала и философа - государствовѣда Б. Н. Чичерина, русскаго земца и городского дѣятеля, человѣка, котораго даже современные отрицатели русской монархіи не могутъ заподозрить и упрекнуть въ консерватизмѣ, въ "Архивѣ" К. Н. Побѣдоносцева полны упрековъ по адресу Александра III и Побѣдоносцева, что они *"слиш-*

комъ либеральны" въ вопросахъ земельной и земской реформы, тогда намѣчавшейся.

Если отъ "Архива" К. Н. Побѣдоносцева оглянуться назадъ къ эпохѣ 40-60-хъ годовъ, то мы найдемъ любопытнѣйшій документъ въ видѣ "Архива гр. А. И. Кушелева", извѣстнаго русскаго аристократа временъ Герцена и Огарева. Мемуары гр. Кушелева (1812-1883 г.), изд. въ Берлинѣ въ 1884 г., мало кому доступны и извѣстны. Гр. А. И. Кушелевъ былъ типичнѣйшимъ русскимъ безпочвеннымъ отрицателемъ, проведшимъ жизнь среди великосвѣтскихъ и придворныхъ знакомствъ. Его мемуары даютъ картины изъ жизни русскихъ монархическихъ придворныхъ круговъ отъ Александра I до Александра III. Содержаніе этихъ мемуаровъ, какъ и факты въ книгѣ А. П. Пыпина объ эпохѣ Александра I, такъ и "Архивъ К. Н. Побѣдоносцева" — яркое доказательство, что на протяженіи вѣка русская монархія отнюдь не являлась крѣпостнической и деспотической цитаделью консерватизма. Мы беремъ только эти 3-4 интересныхъ документа: мемуары русскаго аристократа, историческое изслѣдованіе русскаго либерально мыслящаго публициста, какъ А. Н. Пыпинъ, и переписку самого консервативнаго представителя царской бюрократіи К. Н. Побѣдоносцева. Документы эти захватываютъ по содержанію своему цѣлое столѣтіе. Между авторами нѣтъ ни малѣйшаго сходства. По своему объективному вѣсу, по своей внутренней искренности, документы эти, какъ доказательство, внѣ спора.

Что говорятъ они?

Они говорятъ прежде всего о томъ, что русская монархія въ прошломъ, *вѣрная завѣтамъ Петра Великаго,* была проводникомъ европеизма, культурнаго и политическаго, въ толщу русскаго общества и въ этой свей исторической работѣ шла *всегда впереди, а не позади общества.* Враги и отрицатели русской монархической идеи въ этомъ вопросѣ непримиримы только въ силу традиціоннаго отрицанія, каковымъ эти отрицатели заражены съ самой колыбели. Факты русской исторіи и лучшія работы по исторіи русскаго самодержавія, какъ Ключевскій, Пыпинъ, С. Соловьевъ, Н. Данилевскій ("Россія и Европа"), Вл. Соловьевъ въ его статьяхъ о Петрѣ Великомъ, позднѣйшіе работы русской зарубежной мысли, и глубокое паденіе русской жизни при большевикахъ, — представляютъ изъ себя неисчерпываемый арсеналъ самыхъ объективныхъ доказательствъ того, что русская монархія продѣлала съ

изумительнымъ блескомъ національный историческій путь Россіи. Начинаютъ склонять:ся къ этой мысли и западно - европейскіе умы, зараженные со временъ гр. Кушелева и Герцена предразсудками противъ русской монархіи. Опубликованная недавно ст. проф. Саролеа въ "Англійскомъ Обозрѣніи", къ сожалѣнію, не попавшая на столбцы нашей печати, работы нѣмецкихъ ученыхъ, какъ проф. Мартина ("Россія и Японія") и Освальда Шпенглера, автора самой глубокой книги современности "Гибель Запада", — пробили брешь въ глухой стѣнѣ этихъ вѣковыхъ подозрѣній противъ русской монархіи.

Не смотря на всѣ усилія лѣвой печати и лѣвой общественности, легенда объ идейномъ консерватизмѣ русской монархіи рушится все болѣе и болѣе.

Не смотря на все это, все таки слѣдуетъ признать, что идейный арсеналъ русской монархической традиціи чрезвычайно скуденъ. Сейчасъ, въ изгнаніи, когда концентрація русскихъ монархическихъ настроеній достигла наивысшаго напряженія, особенно чувствуется необходимость въ идейномъ обоснованіи монархической Россіи.

Особенно нужно это нашей молодежи. Кромѣ извѣстнаго К. Н. Леонтьева и мало авторитетнаго Льва Тихомірова, пожалуй, изъ прошлаго идейной орнаментаціи монархіи, мы не укажемъ ничего. Наряду съ отрицателями монархической идеи, мы видимъ сейчасъ почти сплошную стѣну отрицателей и нашей революціи. Даже лѣвые склонны признать, что наше 27 февраля 1917 года далеко не духовный наслѣдникъ 14 іюля 1793 г., и что Бастилія 14 іюля, куда какъ бы во главѣ Франціи шелъ Камилъ Демуленъ, вовсе не похожа на нашу, павшую подъ свистъ пулеметовъ и гиканье пьяныхъ матросовъ, Петропавловскую крѣпость.

Отрицая идейное значеніе революціи, наша общественная мысль все-таки *не находитъ въ себѣ нравственнаго мужества утверждать*, что продолженіе наслѣдства Петра Великаго обязываетъ къ открытому утвержденію и идейному обоснованію монархіи.

Наша революція еще не нашла своихъ Ламартина и Шатобріана. Наше идейное богатство послѣ роволюціи увеличивается очень медленно, и за 7 лѣтъ изгнанія мы, мы русскіе изгнанники, далеко уступаемъ французской эмиграціи Великой революціи, создавшей такіе вѣчные памятники человѣческой мысли и совѣсти,

какъ "Записки" Шатобріана и его "Геній Христіанства", какъ "Германія" г-жи де Сталь или "Вечера въ С.-Петербургѣ" Ж. де Местра. Мы еще не поднялись до высоты міровой и общечеловѣческой совѣсти. Мы еще *слишкомъ русскіе, только русскіе и міръ еще* не понялъ и не воспринялъ мірового и общечеловѣческаго значенія крушенія русской монархіи, какъ наслѣдства Петра Великаго.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. Никашинъ.

Порванная цѣпь.

Русская эмиграція, — совершенно необычное и невѣдомое доселѣ явленіе въ исторіи человѣчества. Милліоны людей оставили родину, ушли на тяжелую и непривычную работу потому, что не могли принять коммунистическаго воззрѣнія, не могли примириться съ неизбѣжнымъ для него воплощеніемъ въ насилія, грабежи и убійства. Значеніе нашей эмиграціи далеко выходитъ за предѣлы простого бѣгства отъ меча. Это значеніе прекрасно выражено И. А. Буниномъ, прозрѣвшимъ въ эмиграціи ея назначеніе.

"Есть еще нѣчто, что присваиваетъ намъ нѣкое назначеніе. Ибо это *нѣчто* заключается въ томъ, что поистинѣ мы нѣкій грозный знакъ міру и посильные борцы за вѣчныя, божественныя основы человѣческаго существованія, нынѣ не только въ Россіи, но и повсюду пошатнувшіяся".

Борьба съ коммунизмомъ — это борьба за вѣчныя, божественныя основы человѣческаго существованія, а его признаніе — измѣна этимъ основамъ. И оставшееся на родинѣ огромное большинство русскихъ людей не измѣнило подъ пятой коммунизма этимъ основамъ, а эмиграція своей борьбой и уходомъ запечатлѣла имъ свою вѣрность.

Эмиграція ушла нищей, оставивъ на родинѣ все, что было ей дорого вплоть до родныхъ и близкихъ. И если есть у нея теперь сокровище, то это ея дѣти, бѣдныя, бѣженскія дѣти... Грустныя и страшныя вѣсти идутъ съ родины, прорываются въ частныхъ письмахъ и открыто печатаются въ совѣтскихъ газетахъ. Торжествующій коммунизмъ пытается посвоему поставить воспитаніе русскихъ дѣтей, пытается ихъ заставить забыть божественныя основы

человѣческаго существованія и замѣнить ихъ основами человѣконенавистничества.

Такая попытка, къ счастью,, не можетъ имѣть окончательнаго и даже, вѣроятно, значительно крупнаго успѣха. Попытка нашла и будетъ находить себѣ все больше и больше противовѣса въ совѣсти народа, на что имѣются указанія и въ совѣтской печати. Да и моральныхъ и матеріальныхъ средствъ, опять таки къ счастью, не хватаетъ у насильниковъ для организаціи въ огромной странѣ всѣхъ этихъ "піонеровъ и комсомоловъ". Развалившаяся школа всѣхъ разрядовъ представляетъ собой жалкое зрѣлище въ рукахъ коммунизма, оставляя за собой накипь невѣжества, разнузданнаго разврата и эгоизма.

И не изъ этой среды создается молодая русская интеллигенція. А между тѣмъ старая интеллигенція на Руси доживаетъ свой вѣкъ. Да и въ лучшія времена не велика была численно интеллигенція. Не помню, кто то въ этомъ смыслѣ сравнивалъ Россію съ караваемъ хлѣба, по отношенію къ которому интеллигенція занимаетъ мѣсто даже не корки, а только глянца, который бываетъ на хорошо выпеченномъ караваѣ. И этотъ незначительный слой распылился теперь и временемъ, и изгнаніемъ, и разстрѣлами. Тѣмъ съ большей и нетерпѣливой радостью встрѣтитъ Россія новую, молодую интеллигенцію. И если ужъ нужно непремѣнно отыскать положительную сторону въ кровавой смутѣ, то она въ томъ, что уже впредь въ Россіи не будетъ соціалистической интеллигенціи, каковой она была если не въ большей, то въ значительной своей части. По отношенію къ ней правъ Е. Н. Чириковъ.

"Въ страшномъ завершеніи идей Бѣлинскаго о зловредности національности, отечества, религіи, права собственности, семьи, родины нашла свой конецъ и старая русская интеллигенція съ опустошенной интернаціоналомъ душой".

Завершился въ Россіи длительный процессъ формаціи и расцвѣта соціалистической интеллигенціи, порвавшей съ національной традиціей, наложившей свою печать на современную ей литературу и въ свое время издѣвавшейся даже надъ Пушкинымъ. Связь съ національной традиціей, невозможная въ современной Россіи подъ нагайкой чекиста, возстанавливается въ эмиграціи, разгорается и теплится словно та пасхальная свѣча, огонекъ которой нужно бережно донести до дому. А тамъ, на родинѣ, навстрѣчу ей за колючей проволокой коммунизма въ народѣ про-

буждается религіозный подъемъ, уваженіе къ семьѣ и собственности, любовь къ униженной родной сторонѣ, — вѣчныя и божественныя основы человѣческаго существованія. Встрѣча новой русской интеллигенціи съ народомъ естественна и потому неизбѣжна. Неизбѣжна смычка порванной вторженіемъ утопическихъ міровоззрѣній цѣпи традиціи, а съ ней вмѣстѣ сліяніе интеллигенціи съ роднымъ народомъ. Лишь временно этому служатъ препятствіемъ насилія коммунистической власти, находя себѣ союзника въ остаткахъ старой интеллигенціи съ опустошенной интернаціоналомъ душой, о которой говорилъ Е. Чириковъ. Безплодная задача такой интеллигенціи — сѣять въ эмиграціи смуту. И всѣ средства для этой цѣли кажутся ей хорошими. Тутъ и споръ о формахъ государственной власти, и сплошное охаиванье жизни Россіи до коммунистической власти и злобное издѣвательство надъ путемъ въ Дамаскъ людей, прозрѣвшихъ ложь утопическихъ формулъ... А подростающее поколѣніе въ эмиграціи тѣмъ временемъ творитъ свое дѣло. И прежде всего оно учится. Учится наблюденіями надъ окружающей жизнью, учится воспоминаніями и размышленіями о судьбахъ своей родины. Именно ей-то могутъ быть меньше всего страшны усилія смутьяновъ, пытающихся во что бы то ни стало распылить духовное единство эмиграціи. Только имъ, и имъ однимъ могла бы она отвѣтить "насмѣшкой горькою обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ", а не тѣмъ, которые вмѣстѣ съ ней берегутъ для родины огонекъ божественныхъ основъ человѣческаго существованія.

И когда я вижу дѣтей, учащихся въ иностранныхъ школахъ и тѣхъ же дѣтей въ бѣдныхъ семьяхъ, молящихся передъ иконой о родинѣ и о "въ разсѣяніи сущихъ", я думаю, что онѣ и накопленіемъ знаній и молитвой сковываютъ цѣпь традиціи русской культуры. Они дѣлаютъ свое дѣло и исполняютъ свои обязанности. Но они же накладываютъ обязанность и на насъ. Это — безпощадная борьба съ коммунизмомъ во имя родины и божественныхъ основъ человѣческаго существованія и единеніе, единеніе во имя той же борьбы, вопреки какимъ бы то ни было смутьянамъ съ опустошенной душой.

Вл. Ладыженскій.

Начало Корниловскаго движенія.

II

Корниловъ заявилъ и Гучкову, и другимъ, что онъ не дастъ никому изъ статскихъ, кромѣ правительства, вмѣшиваться въ военныя дѣла. Ничтожные министры сами ничего не смѣли, а потому и не могли ничего подѣлась съ совдепомъ. Мы читаемъ у В. Л. Львова - Рогачевскаго въ его книгѣ "Соціалисты о текущемъ моментѣ" слѣдующее:

"Н. С. Чхеидзе и М. И. Скобелевъ у ген. Корнилова".

"13 апрѣля главнокомандующаго Петроградскаго военнаго округа ген. Корнилова посѣтили предсѣдатель совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Н. С. Чхеидзе и товарищъ предсѣдателя М. И. Скобелевъ. Цѣлью свиданія было установленіе контакта между главнокомандующимъ и совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. При этомъ было заявлено, что главнокомандующему, какъ представителю мѣстныхъ военныхъ силъ, будетъ оказана моральная поддержка для возможности проявленія въ полной мѣрѣ дѣйствій этой силы. Въ связи съ этимъ при штабѣ главнокомандующаго будетъ устроено постоянное особое совѣщаніе съ участіемъ комиссара отъ исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ".

На эту послѣднюю уступку Корниловъ пошелъ по настоятельной просьбѣ правительства.

Но когда послѣ апрѣльской попытки германскихъ агентовъ и большевиковъ, совдепъ опубликовалъ распоряженіе, чтобы солдаты "ни въ коемъ случаѣ не выходили безъ письменнаго увѣдомленія исполнительнаго комитета с.р. и с.д. и отправилъ такое же телеграфное распоряженіе въ Кронштадтъ, Царское Село и др. окрестности Петрограда", то Корниловъ ясно увидѣлъ, куда гнетъ совдепъ. Вотъ, между прочимъ, текстъ только что упомянутаго телеграфнаго сообщенія окружнымъ гарнизонамъ:

"Исполнительный комитетъ проситъ товарищей солдатъ вашего гарнизона не отправлять въ Петроградъ воинскихъ частей и отрядовъ безъ письменнаго приглашенія петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исполнительный совѣтъ проситъ прислать представителя исполнительнаго

комитета вашего гарнизоннаго совѣта для взаимнаго освѣдомленія относительно текущаго момента. Предсѣдатель исполнительнаго комитета Чхеидзе".

Такъ совдепъ разваливалъ армію: понялъ ли Чхеидзе, что либо въ событіяхъ 19-21 апрѣля или ничего не понималъ, какъ и другіе члены совдепа — Керенскій, Скобелевъ и др.? Гораздо важнѣе было то, что правительство ничего не поняло и слѣпо и тупо шло за совдепомъ, который, въ свою очередь, ни въ чемъ не желалъ уступить Ленинцамъ въ области демагогіи. И Корниловъ понялъ послѣ апрѣльскихъ дней, что съ этимъ правительствомъ онъ къ тылу ничего не могъ и не можетъ сдѣлать для Россіи и для арміи. И онъ окончательно рѣшилъ уйти изъ Петроградскаго тыла въ дѣйствующую армію, чувствуя, что съ такими политиками, какъ Гучковъ и Керенскій, какъ равно и все правительство, ему не по дорогѣ и дѣлать съ нимъ ему нечего.

Онъ видѣлъ къ тому же, какъ это правительство растерялось въ первый день выступленія. Оно было въ сборѣ въ Маріинскомъ дворцѣ, когда неизвѣстно кѣмъ войска были выведены изъ казармъ и направлены на площадь передъ дворцомъ.

Въ дворецъ явился вызванный главнокомандующій Петроградскимъ округомъ. Говорятъ, что тогда произошелъ такой пассажъ. Нѣкоторые министры бросились къ Корнилову: "генералъ, умремъ вмѣстѣ здѣсь"....

— Я вовсе не собираюсь умирать, а пріѣхалъ воздѣйствовать на развращенныя части и приказать имъ вернуться въ свои казармы"...

Съ этими словами онъ направился къ выходу, чтобы выйти къ войскамъ.

Къ нему бросились нѣкоторые изъ присутствовавшихъ.

— Не выходите къ нимъ, васъ убьютъ.

— Я видѣлъ уже не разъ смерть передъ собою и не боюсь ея, — сказалъ онъ и вышелъ. За нимъ вышло нѣсколько офицеровъ, которые усадили генерала въ кресло, подняли его и понесли къ толпѣ солдатъ. Если память мнѣ не измѣнила, ближайшею частью, пришедшею ко дворцу, чтобы якобы арестовать правительство, оказался финляндскій полкъ.

Корниловъ обратился съ обычнымъ привѣтствіемъ къ солдатамъ, первые ряды которыхъ невольно крикнули: "здравія желаемъ, ваше п-во". Таково было обаяніе генерала въ войскахъ.

Корниловъ обратился къ нимъ съ краткимъ словомъ, напомнивъ имъ, что они революціонныя войска и не захотятъ подтвердить мнѣнія, установившагося о революціонной арміи, какъ о недисциплинированномъ сбродѣ...

— А потому, ребята, на лѣво кругомъ — шагомъ маршъ!...

И полкъ, какъ одинъ человѣкъ, повернулъ на лѣво и пошелъ обратно въ свои казармы...

Такъ спасъ Корниловъ правительство въ апрѣльскіе дни 1917 года.

III

Правительство успокоилось, и "революціонеры" продолжали болтать, сбивая съ толку людей, которыхъ большевики продолжали отравлять ядомъ своихъ демагогическихъ лозунговъ и разрушать устои государства.

Полная безнаказанность позволяла большевикамъ развивать и углублять свою разрушительную дѣятельность. Гучковъ взиралъ спокойно на расшатываніе арміи. Милюковъ, правда, собиралъ свѣдѣнія о нѣмецкихъ деньгахъ, которыя Троцкій получилъ въ Америкѣ, о Робертѣ Гриммѣ, за котораго "ручались" Церетели и Скобелевъ, но ничего изъ этого не вышло. Князь Львовъ ходилъ въ перчаткахъ, а Керенскій говорилъ рѣчи и смотрѣлъ въ ротъ Чхеидзе. Послѣднимъ и въ голову не приходило арестовать г.г. Ленина и К-о не только за преступныя дѣйствія на фронтѣ, въ окопахъ, въ гарнизонахъ, за антигосударственныя ихъ резолюціи и т. п. акты. Одна приводимая въ цитатахъ ниже резолюція противъ Займа Свободы давала поводъ — вѣрнѣе обязывала арестовать ея авторовъ.

Вотъ эта резолюція:

"Политическій кризисъ 19-21 апрѣля, созданный нотой Временнаго правительства показалъ, что правительственная партія к-д., организуя на дѣлѣ контръ - революціонные элементы, какъ въ арміи, такъ и на улицахъ — переходитъ къ попыткамъ разстрѣла рабочихъ. Вслѣдствіе неустойчиваго положенія, вытекающаго изъ двоевластія, повтореніе такихъ попытокъ неизбѣжно, и партія пролетаріата обязана со всей энергіей сказать народу, что необходима организація и вооруженіе пролетаріата, тѣснѣйшій союзъ его съ революціонной арміей, разрывъ съ политикой довѣрія къ Временному правительству для предотвращенія серьезно гро-

зящей опасности такихъ массовыхъ разстрѣловъ пролетаріата, какъ въ іюньскіе дни въ Парижѣ въ 1848 году".

"Мы находимъ, что въ настоящій моментъ, когда германскіе соц.-демократы единодушно вотировали противъ кредитовъ и приняли резолюцію о борьбѣ противъ шовинизма правительства, всякая даже замаскированная поддержка предполагаемаго займа была бы измѣной тому дѣлу, которое мы начали, обратившись съ воззваніемъ къ трудящимся всѣхъ странъ."

"Буржуазіи нужны не деньги рабочихъ, а санкція займа, какъ гарантія выполненія государствомъ обязательствъ о займѣ — гарантія, которую мы дать не можемъ".

Но Керенскій предпочиталъ не трогать "товарища" Ленина и другихъ предателей.

Л. Г. Корниловъ не могъ брать на себя отвѣтственность за такую правительственную дѣятельность и ушелъ сейчасъ же, отпросившись въ дѣйствующую армію; онъ считалъ, что его мѣсто, какъ солдата, только тамъ. Онъ еще надѣялся, что тамъ онъ сможетъ работать на дѣло спасенія Родины, что тамъ работа его будетъ плодотворна.

Онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ юго - западнаго фронта и уѣхалъ. Изъ вышеупомянутой группы общественныхъ дѣятелей В. С. Завойко поступилъ добровольцемъ въ армію, и Л. Г. Корниловъ взялъ его въ армію къ себѣ ординарцемъ. Это назначеніе, какъ и дальнѣйшія, дѣлались правительствомъ, а затѣмъ и Керенскимъ не безъ воздѣйствія упомянутой патріотически настроенной группы.

(проделженіе слѣдуетъ.)

Е. Семеновъ.

Въ часы заката.

"Забудутъ наши голоса, наши лица и сколько насъ было..."

("Три сестры").

II

Вообразимъ на минуту, что въ то время, когда князь Андрей Болконскій лежитъ на Аустерлицкомъ полѣ и, глядя въ вѣчное небо, по новому осмысливаетъ для себя и свое бытіе, и весь міръ,— вообразимъ, что къ нему приближается не Наполеонъ, показавшій-

ся ему тогда такимъ кукольно - маленькимъ передъ необъятностью вѣчнаго неба, а родившійся на полтора вѣка позднѣе Чеховъ. Чеховъ — врачъ, заботливо, умѣло и ласково дѣлаетъ ему перевязку, а Чеховъ - писатель, Чеховъ - интеллигентъ, желая успокоить раненаго, отводитъ его взоръ отъ тревожащихъ небесныхъ глубинъ и говоритъ ему о томъ, какъ "жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасна" въ будущемъ, послѣ "великихъ завоеваній цивилизаціи", послѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ, телефоновъ и изобрѣтенія летательныхъ аппаратовъ!

И не покажется ли умный, добрый, въ высшей степени *гуманный* Чеховъ, воспитанный полутаровѣковымъ, по сравненію съ эпохой князя Андрея, *прогрессомъ,* не покажется ли онъ князю Андрею еще болѣе маленькимъ, чѣмъ ищущій суетной славы среди кровавыхъ завоеваній Наполеонъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не вызоветъ сомнѣній, если читателя вспомнятъ, что говоритъ Толстой о переживаніяхъ князя Андрея на Аустерлицкомъ полѣ, и что говорятъ всѣ самые благородные герои Чехова, и что говорилъ и въ своихъ произведеніяхъ и въ своей перепискѣ ихъ авторъ, стоявшій, несомнѣнно, выше своихъ персонажей.

Одно — исканіе прежде всего вѣчной правды и высшаго смысла жизни, какъ для отдѣльнаго личнаго человѣка, такъ и для совокупности этихъ личностей въ человѣчествѣ. Другое — исканіе временныхъ благъ культуры и цивилизаціи, какъ какой-то цѣлительной примочки для улучшенія временной человѣческой жизни.

Для чеховскихъ героевъ, для чеховской интеллигенціи совершенно закрыто небо. Оно было закрыто уже для цѣлой эпохи, для цѣлаго поколѣнія, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно отрѣзало себя и отъ творческой и бытовой полноты предшествовавшаго періода русской жизни и культуры.

Съ вѣрой въ "прогрессъ" и "свободой" отъ "мистическихъ" и иныхъ предразсудковъ, остался одинокимъ чеховскій интеллигентъ. Оглянулся назадъ: цѣлая груда черепковъ отъ разбитыхъ имъ большихъ и малыхъ цѣнностей прошлаго:

Тутъ и небо князя Андрея, свернутое какъ старый брезентъ, тутъ и цѣлая полѣница срубленныхъ, еще до Чехова и при Чеховѣ, "вишневыхъ садовъ", и благоухаютъ ихъ срѣзанные цвѣты "дѣтствомъ и отрочествомъ", "Дворянскимъ Гнѣздомъ", крѣпкимъ бытомъ бабушки Татьяны Марковны изъ "Обрыва" и тѣмъ

ея клубничнымъ вареньемъ, которымъ она, во исполненіе закона о широкомъ гостепріимствѣ, приказывала своему внуку Борису Павловичу Райскому кормить вольнодумнаго Марка Волохова. Но тутъ не одно бабушкино варенье: вмѣстѣ съ розовымъ платьемъ Марѳиньки, съ трагическимъ померанцевымъ букетомъ Вѣры, съ монастырскимъ молитвенникомъ Лизы Калитиной, лежатъ и молитвенникъ Алеши Карамазова, и, наконецъ, муки самого Достоевскаго, проклинавшаго оспопрививательный прогрессъ Европы во имя отвергаемой этимъ прогрессомъ небесной вѣчности. А около Достоевскаго скорбный ликъ русскаго Іереміи, Гоголя, злобно распятаго своими "прогрессивными" современниками и на многострадальномъ образѣ его, точно кровавыя раны отъ гвоздей, — чернильныя кляксы знаменитаго письма "неистоваго Виссаріона" — основоположника и кумира будущей передовой интеллигенціи.

Надъ этимъ всѣмъ, какъ воспоминаніе о радостно - прекрасной молодости, какъ привѣтъ далекой и забытой весны, какъ отъ звукъ величественно мощной симфоніи, стоитъ Пушкинъ и его созданія — эта "Пѣснь пѣсней" великаго разсвѣта русской культуры.

Нужны ли всѣ эти сокровища идейно - опустошенной интеллигентской душѣ?

Духовно - скопческій позитивизмъ заставляетъ отречься отъ религіозныхъ исканій Достоевскаго и Гоголя, а своеобразный аскетизмъ новой матеріалистической вѣры съ ея уравнительными догматами внушаетъ, если не всегда отвращеніе, то во всякомъ случаѣ идейное отчужденіе отъ многоцвѣтной полноты Пушкинскаго жизневоспріятія.

И оскудѣваетъ содержаніемъ новый интеллигентскій міръ, пришедшій на смѣну старой дворянской культурѣ.

Когда проходятъ медовые мѣсяцы первоначально чисто идейнаго кипѣнія, а затѣмъ и нѣкоторыхъ практическихъ попытокъ переустроить жизнь, начинается періодъ тихой чеховской тоски.

Ея характерная черта — сознаніе своей обреченности и покорность этой обреченности.

Самъ Чеховъ, какъ образъ, какъ типъ, быть можетъ, наиболѣе полное воплощеніе господствующаго настроенія своей (и когда-то нашей) эпохи. Даже самая болѣзнь его — этотъ туберкулезъ, медленно съѣдающій его прежде крѣпкій организмъ, болѣзнь, ко-

торую онъ переноситъ съ грустной покорностью, является какъ бы символомъ духовнаго недуга его современниковъ.

Припомните его біографію, перелистайте его письма. Сначала тяжкая, напряженная борьба выбивающагося на поверхность жизни человѣка. Потомъ поверхность эта достигнута: всѣми признанный и очень любимый писатель. Неизбѣжныя непріятности и обиды въ общемъ покрываются большимъ и широкимъ успѣхомъ. Успѣхомъ спокойнымъ, не крикливымъ и сегодня возносящимъ человѣка на высоту, а завтра выбрасывающимъ его въ обмѣнъ на новаго героя "литературнаго сезона".

И, однако, не трудно подмѣтить въ Чеховѣ вѣчно сосущее его внутреннее безпокойство. Не только необходимость приспособлять больной организмъ къ болѣе благопріятнымъ климатическимъ условіямъ, — а что то еще иное заставляетъ его постоянно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, то по Европѣ, то по Россіи, то пересѣкать Азію и предпринимать сложное путешествіе по океану. Эти перемѣщенія его не удовлетворяютъ: изъ Ялты онъ стремится заграницу куда-нибудь на югъ Франціи, но и тамъ ему не по себѣ и онъ мечтаетъ ѣхать въ Африку, потомъ на подмосковную дачу ловить рыбу, откуда ѣдетъ отдыхать на волжсокмъ пароходѣ, а съ волжскаго парохода опять въ Ялту, которая черезъ двѣ недѣли ему опротивѣетъ и онъ станетъ называть ее своей "теплой Сибирью". Между прочимъ, Чеховъ очень много путеествовалъ, и удивительно слабый слѣдъ впечатлѣній оставили на немъ и бытъ чужихъ странъ и ихъ культура и ихъ природа. По крайней мѣрѣ, по письмамъ его, нигдѣ не видно, чтобы это прикосновеніе къ широкому міру Божьему и человѣческому его глубоко захватывало, радовало, волновало или возмущало, вызывало въ немъ какой-нибудь творческій откликъ. Въ этомъ отношеніи онъ единственный, пожалуй, русскій писатель, который, видя чужую жизнь, совершенно на нее не отозвался: или не нашелъ къ ней ключа, или просто не искалъ его. Его младшій современникъ И. А. Бунинъ, въ своей заграничной поѣздкѣ почерпнулъ одно изъ лучшихъ своихъ произведеній — "Господинъ изъ Санъ-Франциско", у Чехова же только по многочисленнымъ помѣткамъ разнообразныхъ адресовъ на его письмахъ, можно догадаться, что онъ пишетъ не изъ Россіи. Это былъ кочующій русскій интеллигентъ съ крѣпко запаянымъ нутромъ, въ которое не могли войти никакіе чужіе просторы, никакіе иные звуки, кромѣ печально - однообразной мело-

дій русскихъ "сумерекъ". И, если онъ хотѣлъ уйти отъ самого себя, ему это не удавалось, и вѣчная неудовлетворенность томила его душу, которая непрестанно и мучительно рвалась изъ сегодняшняго дня въ завтрашній.

Его герои несутъ на себѣ крестъ не только неудовлетворенности, но и какой-то роковой неудачливости. У каждаго изъ нихъ свой надрывъ, своя жизненная бѣда, свое неизбѣжное "сорвалось" въ той или иной точкѣ ихъ бытія. Андрей Прозоровъ, братъ "трехъ сестеръ", готовится стать профессоромъ и ученымъ, по словамъ автора, имѣя на это всѣ данныя, и погрязаетъ въ пошломъ семейномъ быту, при этомъ не приносящемъ ему даже искорки радости. У него "сорвалось" и такъ и доживетъ свой вѣкъ хроническимъ секретаремъ земской управы. Баронъ Тузенбахъ носитъ военный мундиръ, который его тяготитъ, и почти въ тотъ часъ, когда онъ этотъ мундиръ снимаетъ, чтобы начать новую жизнь, его убиваютъ на нелѣпой дуэли. Сестры Ольга, Ирина и Маша мечтаютъ о Москвѣ и ни одной изъ нихъ не суждено порвать съ надоѣвшимъ имъ городомъ, куда ихъ случайно забросили обстоятельства.

Особенно часты эти "срывы" въ области личнаго счастья. Всѣ герои Чехова любятъ несчастно и почти всегда "не въ попадъ": Соня въ "Дядѣ Ванѣ" любитъ Астрова, который ее не замѣчаетъ, дядя Ваня влюбляется въ Елену Андреевну, играющую въ чувство въ Астровымъ, Тузенбахъ любитъ Ирину, которая никого не любитъ, но соглашается выйти за него замужъ не то изъ жалости ,не то ради "идеи" и желанія приноситъ себя въ жертву. А на дорогѣ благополучія Маши, пользующейся взаимностью Вершинина, стоятъ, съ одной стороны его семья, ненужная ему совершенно, а съ другой — мужъ Маши, настолько карикатурно глупый и пошлый учитель гимназіи, что спрашиваешь себя, какое художественное оправданіе нашелъ Чеховъ, чтобы соединить его, безъ особо роковыхъ причинъ, съ мало мальски неглупой и привлекательной женщиной?

Наконецъ, тамъ, гдѣ уже сама жизнь не ставитъ препятствій и счастливая любовь "учителя словесности" Никитина приводитъ къ, казалось бы, счастливому браку — тамъ внутреннее содержаніе одного изъ этихъ любящихъ оказывается почему-то ничтожнымъ и заурядно - мѣщанскимъ, и у другого любовь разсѣивается, точно дымъ папиросы. При этомъ Чеховъ, изображая разоча-

рованіе своего героя Никитина, очень оскорбившагося на то, что его жена вся утонула въ мелочахъ ихъ супружескаго быта и хозяйства, ни въ самомъ Никитинѣ, ни въ его чувствѣ, кромѣ аксесуаровъ банальной молодой восторженности, не обнаруживаетъ абсолютно никакого яркаго и глубокаго содержанія.

Вообще надо сказать, что любовь, въ изображеніи Чехова, которой посвящено не мало страницъ его произведеній, въ глазахъ его читателей опоэтизированная несчастными обстоятельствами, по существу своему почти лишена всякой поэзіи въ *настоящемъ* смыслѣ этого слова. Она бѣдна, убога, она вся сѣренькая и сжатая въ комочекъ, лишенная той глубокой, захватывающей и обновляющей все существо весенней радости и силы, которая пробуждается, напримѣръ, у Левина, когда раннимъ росистымъ утромъ, въ окнѣ проѣзжающаго по дорогѣ дормеза, онъ видитъ и узнаетъ Кити. Не радостна любовь, не радостенъ и трудъ, даже "идейный" на благо дорогого сердцу Чехова "прогресса", на благо завтрашняго дня. Докторъ Астровъ не только лѣчитъ мужиковъ, но еще сажаетъ съ увлеченіемъ лѣсъ, и это не мѣшаетъ ему и тосковать и пить "съ горя"; Ирина, какъ о добровольной Голгоѳѣ, говоритъ о той школѣ, въ которой она готовится учить на заводѣ простыхъ ребятишекъ; Тузенбахъ же мечтаетъ о работѣ точно о наркозѣ, спасающемъ отъ скучной и томительной жизни; дядя Ваня и Соня, рожденные и выросшіе въ деревнѣ, съ чувствомъ приговоренныхъ къ каторгѣ, принимаются, въ концѣ пьесы, за хозяйственные счеты и дѣла по имѣнью.

Да, жизнь это лишь томленіе и тщетная погоня за вѣчно обманывающими короткими миражами. "Сегодня" — всегда тоскливое и неподвижное; "завтра" — маняще несбыточное: "въ Москву! въ Москву!"

"Свободная отъ всякихъ предразсудковъ", личность чеховскихъ героевъ удивительно не свободна въ самой себѣ. Она рабски прикована къ внѣшнимъ условіямъ жизни, она съ больной напряженностью слѣдитъ за поворотомъ того колеса, на которомъ, какъ въ рулеткѣ, выскакиваютъ выигрышные или невыигрышные номера. Не выпалъ этотъ счастливый номеръ, и вся жизнь человѣка пропала и печально катится къ своему концу безъ смысла, безъ цѣли, безъ единаго луча своей внутренней радости. Душа ничѣмъ не освѣщена изнутри; нѣтъ въ ней неба, нѣтъ и свѣта, не ощущается присутствіе того Великаго и Вѣчнаго, которое тур-

генеѳской калѣкѣ Лукерьѣ ("Живыя мощи") сообщаетъ чувство глубокой гармоніи и высшей правды міра. У чеховскихъ героевъ страданія ихъ ничѣмъ не оправданы. Они всѣ несчастны, они какіе-то попавшіе подъ колеса жизни и у каждаго свой ушибъ, который болитъ ноющей болью. Чувства ихъ тлѣютъ томительно, точно угли засыпанные золой, не вспыхивая яркимъ и мощнымъ пламенемъ. Все ихъ бытіе вообще *тлѣющее,* души у нихъ прищемлены и уязвлены какимъ то прирожденнымъ пессимизмомъ, котораго не разсѣять мечтой полковника Вершинина о "жизни невообразимо прекрасной черезъ двѣсти - триста лѣтъ".

Но у нихъ нѣтъ ропота, ни кипучаго протеста, ни одного сильнаго порыва разорвать сѣренькую паутину жизни какъ бы то ни было и во что бы то ни стало. Они всѣ удивительно интеллигентски благопристойны, послушны обстоятельствамъ и довольствуются, какъ Вершининъ, случайнымъ романомъ съ женой учителя гимназіи, которой онъ мечтательно напѣваетъ: "любви всѣ возрасты покорны" или говоритъ торопливо-страстнымъ шепотомъ: "роскошная, великолѣпная женщина!"

Этотъ романъ ничего не сломаетъ ни въ немъ самомъ, ни въ его жизни, и послѣ разлуки съ Машей онъ пойдетъ за своей батареей изъ города въ городъ, сначала взволнованно печальный, потомъ равнодушно покорный своей сѣренькой участи.

Въ изображеніи Чехова герои его несчастны потому, что неудачна и несчастна сама русская жизнь, въ которой нѣтъ достаточно содержанія, т. е. движущей силы благодѣтельнаго "прогресса", ибо только прогрессъ можетъ кикъ то вывести изъ глухихъ угловъ всѣхъ этихъ Астровыхъ и Вершининыхъ, влить въ нихъ энергію и творческую силу, и тогда они не будутъ опускаться и не сопьются, какъ старый докторъ Чебутыкинъ, который ничего не читаетъ, кромѣ газетъ, и совершенно забылъ все то, чему когда то учился. И чеховскій интеллигентъ живетъ съ сознаніемъ, что онъ всего бы могъ достигнуть, но онъ не виноватъ въ своемъ недѣланіи, а виноваты обстоятельства, или, какъ любили прежде говорить,—"окружающая дѣйствительность" и "среда", которая "заѣла".

Чеховъ былъ глубоко убѣжденъ, какъ и всѣ его современники въ роковомъ вліяніи этой "заѣдающей среды", искренно оправдывалъ своихъ персонажей и ему, какъ и всякому типичному интеллигенту, не приходило въ голову, что люди его поколѣнія вялы,

безвольны, дряблы въ своихъ чувствахъ, лишены инициативы, смѣлости и независимости мысли, лишены вкуса къ творческой жизни и чувства подлинной красоты именно потому, что они несутъ отраву въ самихъ себѣ, что они искалѣчены идолопоклонскимъ почитаніемъ "прогресса", стаднымъ отрицаніемъ прошлаго и всѣхъ его великихъ духовныхъ и культурныхъ сокровищъ.

Пѣвцу интеллигенціи въ то время не могло придти въ голову, что эта самая интеллигенція куда то катится по наклонной плоскости, ибо она "непомнящая родства", сама себя лишившая наслѣдства, равнодушная къ корнямъ и творческимъ основамъ своей исторіи, вся "безъ вчерашняго дня", безъ вѣры, безъ родины, безъ быта.

Она докатилась, упала и "паденіе было великое".

Тихая пора чеховскихъ грустныхъ надеждъ на *чужое "завтра"* смѣнилась потомъ вспышкой жаднаго пожиранія жизни. Прошли Арцыбашевскіе Санины съ проповѣдью разнузданныхъ инстинктовъ, съ призывомъ къ "красотѣ" звѣринаго быта. Но недолго дѣйствовалъ хмѣль: подтачивающій анализъ отравилъ грубую радость животнаго наслажденія и еще глубже вскрылъ жуткую пустоту и безсмыслицу бытія "свободнаго человѣка", въ этой "свободѣ" своей ставшаго рабомъ земли и землѣ обреченнаго. Лицо проповѣдывавшаго религію голыхъ инстинктовъ, на грани "послѣдней черты" вдругъ исказилось отчаяніемъ. Въ рукѣ его сверкнулъ ножъ самоубійцы и загремѣли проклятія, точно камень ударившій по старымъ интеллигентскимъ "скрижалямъ завѣта": Зачѣмъ нужна жизнь, если человѣкъ станетъ достояніемъ червей, на что наука, "строющая кораблики и врачующая волдыри", на что искусство "малюющее картинки", на что вообще вся человѣческая возня и забота о будущемъ міра, если все упадетъ въ черный провалъ небытія?

И въ отвѣтъ не только въ романѣ Арцыбашева, но въ самой русской жизни, въ разныхъ уголкахъ ея захлопали выстрѣлы, закопошились "клубы огарковъ", "клубы самоубійцъ" и не только молодыя, но даже дѣтскія жизни обрывались, какъ тоненькія ниточки одна за другой. Проклятія все громче и громче раздавались во всѣхъ концахъ русской земли и переходили изъ устъ въ уста. Проклиналась страна, проклиналось государство, проклиналась русская жизнь, русская вѣра. Вся Россія стала "проклятой" и, казалось, что какая-то *секта самосжигающихся* въ изступленіи

мчится по лицу великой страны, призывая огненный дождь на свою родину.

Дождь пролился. Содомскимъ пламенемъ попалило Россію. Мы, прошедшіе сквозь огонь, оглядываемся назадъ: по пути грѣха, по пути отрицанія "слѣпые вожди вели слѣпыхъ" и тѣ и другіе "упали въ яму". Можемъ ли мы громко судить и осуждать? Нѣтъ — мы сами въ себѣ несли грѣхъ и умножали его.

На этомъ пути грѣха чеховскій періодъ, быть можетъ, наиболѣе заслуживающій не только снисхожденія, но даже жалостливой любви. Въ немъ не было самоувѣренности и злобы, не было жажды активнаго разрушенія. Была грусть, была неопредѣленная тоска тягостныхъ предчувствій, тоска покорности, уже неутолявшаяся вѣрой въ завтрашній день. Да и была ли настоящая вѣра? Скорѣе, пожалуй, только жажда вѣры, исканіе ее. Самъ Чеховъ, читая символъ этой вѣры, не загорался, однако, ея огнемъ настолько, чтобы оттѣнокъ грусти исчезалъ безслѣдно съ его писательскаго и человѣческаго лица.

Чехову суждено было выйти на творческій путь въ вечерніе часы, *въ часы заката* интеллигентской культуры. И самъ онъ *вечерній писатель* — тихій, задумчивый, безъ рѣзкихъ мазковъ, весь въ полутонахъ, въ мягкихъ краскахъ заката. Все его творчество проникнуто прощальной лаской вечера. Онъ вообще очень ласковъ, искрененъ, правдивъ и простъ, бережно остороженъ къ чужой душѣ, къ чужимъ переживаніямъ даже въ томъ случаѣ, если эти переживанія ему самому чужды. И потому, если бы въ поле его зрѣнія, наряду съ его излюбленными героями, случайно попадаютъ люди другого міра, какъ монахъ Іеронимъ ("Святою ночью") или владыка Петръ въ чудесномъ разсказѣ "Архіерей", онъ не пройдетъ мимо нихъ съ холоднымъ пренебреженіемъ, но освѣтитъ ихъ всѣмъ вниманіемъ своего художественнаго зрѣнія, всей теплотой своей человѣческой симпатіи.

Если Чеховъ въ своемъ творчествѣ нарисовалъ картину интеллигентскаго угасанія, далъ образы душевно - раздробленныхъ и безпомощныхъ людей, теперь кажущихся намъ иногда даже пошлыми въ ихъ духовной усѣченности, то самъ онъ воплотилъ въ себѣ несомнѣнно наиболѣе высокія черты не только своей эпохи, но интеллигентскаго періода русской культуры вообще.

Онъ органически не выносилъ ни хвастливаго самолюбованія, ни крикливой самоувѣренности, ни узко - сектантской нетерпи-

мости и злобы. И потому, оглядываясь изъ нашей теперешней жизни въ *ту* жизнь, мы съ искренной любовью смотримъ на далекій, но милый образъ Чехова, съ чувствомъ полнаго пониманія и примиренія прощаемся съ его героями, почти цѣликомъ сошедшими со сцены, невольно любуясь художественными красками послѣднихъ закатныхъ лучей.

М. Каллашъ (Курдюмовъ).

Политическое обозрѣніе.

Самое крупное событіе въ политической жизни русской эмиграціи за истекшую недѣлю — *Деникинскій обѣдъ* 27 іюня въ залахъ С.-Мандэ. На обѣдѣ были представлены всѣ организаціи стоящей на своемъ посту на чужбинѣ русской арміи, вѣрной завѣтамъ своего славнаго прошлаго: *служить Родинѣ,* и всѣ національныя организаціи Парижа, отъ имени которыхъ привѣтствовали А. И. Деникина: гг. М. Бернацкій, С. Потресовъ, Е. Семеновъ, П. Струве, Б. Суворинъ и М. Федоровъ. Открылъ серію рѣчей предсѣдательствовавшій на обѣдѣ ген. Богаевскій, очень удачно опредѣлившій значеніе торжества, въ которомъ приняли участіе, кромѣ упомянутыхъ только что общественныхъ дѣятелей и маленькаго, украсившаго банкетъ, цвѣтника дамъ, одни только участники Добровольческой Арміи. Наши читатели ознакомились по отчетмаъ ежедневныхъ газетъ съ подробностями этого несомнѣнно историческаго банкета. Историческаго — по значенію самого факта обѣда въ честь Деникина, вокругъ котораго снова *собрались его генералы* и представители всѣхъ частей духовно, идейно сохранившагося состава бѣлой арміи, а равно и по глубокому смыслу рѣчей самого Деникина и доблестнаго Кутепова, къ которымъ мы еще вернемся. Сегодня мы лишь подчеркнемъ рѣчи А. И. Деникина на банкетѣ и на слѣдующій день на поминкахъ ген. Маркова у галиполійцевъ, а равно и рѣчь на банкетѣ ген. Кутепова: изъ этихъ рѣчей до очевидности явствуетъ, что пережившая эти страшные годы Добровольческая Армія осталась вѣрна своему идеалу, своему назначенію и завѣтамъ своихъ первыхъ вождей, Корнилова и Алексѣева: служить только *Родинѣ, а не партіямъ* и бороться только за *Россію, а не за форму правленія.* О послѣдней скажетъ свое послѣднее слово только русскій народъ.

Международныя событія развивались и продолжаютъ идти по тому же безпорядочному пути и тѣмъ же темпомъ, какъ и недѣлю тому назадъ.

Франція бьется въ финансовой неурядицѣ, и новый ея министръ финансовъ ищетъ средствъ и способовъ выбиться изъ неурядицы, которая, по мнѣнію внѣшнихъ и внутреннихъ ея враговъ, грозятъ странѣ финансовымъ крахомъ, какой пережила Германія. Разрѣшеніе Парламентомъ новаго выпуска бумажныхъ денегъ и новаго *золотого* займа въ 6 милліардовъ пока курса франка не улучшило. Результаты обѣихъ мѣръ еще не видны. Мы о нихъ поговоримъ въ свое время.

На этомъ жизненномъ вопросѣ, какъ впрочемъ, и на вопросѣ о Мароканской войнѣ, можно видѣть и судить о гибельномъ вліяніи партійной розни и о безсиліи современнаго парламентаризма разрѣшать національныя задачи первостепенной важности. Партіи въ лицѣ своихъ комитетовъ и вожаковъ *въ большинствѣ* ставитъ на первое мѣсто *свои,* а не *національные* интересы. Болѣе всего это доказываютъ соціалисты, которые въ двухъ капитальнѣйшихъ для судьбы страны вопросахъ, финансовомъ и Мароканскомъ, предлагаютъ: для разрѣшенія перваго — налогъ на капиталъ, который окончательно разоритъ страну, а по второму являются пособниками измѣнниковъ - коммунистовъ, требуя скорѣйшаго мира съ Абдъ-эль-Кримомъ, которому это на руку.

Имъ помогаютъ англійскіе соціалисты, которые въ Палатѣ Общинъ выразили заботу о томъ, чтобы — не дай Богъ — не объявить блокаду Рифскихъ разбойниковъ!

Такое ослѣпленіе является лишь въ панданъ къ общему ослѣпленію народовъ и особенно правительствъ, не желающихъ видѣть, что всѣ неурядицы современности въ Европѣ, въ Марокко, въ Китаѣ, на Балканахъ и вездѣ имѣютъ одну главную причину: большевистскій режимъ въ Москвѣ, который создаетъ и питаетъ эти неурядицы. Одинъ только консервативный великобританскій кабинетъ понимаетъ это и пытается объединить цивилизованныя страны для борьбы съ московскимъ "парвительствомъ". Но пока ему это не удалось...

А Америка вполнѣ резонно намѣревается собрать международную Конференцію для разрѣшенія китайской неурядицы. Но вмѣсто общей борьбы съ главнымъ виновникомъ этой неурядицы — большевиками, она ставитъ во главу угла программы предполагаемой конференціи: Освобожденіе Китая отъ нѣкоторыхъ привиллегій иностранныхъ правительствъ, т. е. предоставленіе полной свободы дѣйствій Карахану, Зиновьеву и братіи!

Среди печати.

Полемика "Возрожденія" съ "Послѣдними Новостями" продолжается. Стороны совершенно откровенно высказались. П. Б. Струве, въ "Дневникѣ политика" и рядѣ передовыхъ статей, открыто защищаетъ историческую русскую государственность, созданную монархіей. Рядомъ примѣровъ изъ нашего прошлаго Струве доказываетъ Милюкову, что русская монархія еще не закончила свой историческій путь, и что республиканско - демократическія позиціи "Послѣднихъ Новостей" подъ ударами разложенія современной демократіи.

"Послѣднія Новости", устами Милюкова, отвѣчаютъ Струве, что русская монархія отжила свой вѣкъ, и что будущее Россіи въ демократизмѣ республики.

Видимо, полемика еще затянется. Въ послѣднихъ номерахъ "Послѣднихъ Новостей" помѣщена статья "Отъ освобожденія къ Возрожденію", гдѣ авторъ, цитируя статьи Струве въ "Освобожденіи" за 1902 годъ, ставитъ ему въ упрекъ его защиту монархіи и стыдитъ тѣмъ, что Струве былъ принятъ Велик. Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и напечаталъ его "Заявленіе", помѣщенное въ выдержкахъ въ "Русской Недѣлѣ, ном. 1.

Сообщеніе, напечатанное нами въ ном. 1 "Рус. Недѣли", о закрытіи въ Берлинѣ газеты "Дни", подтверждается. Говорятъ, что г. "Руль" перемѣнитъ Берлинъ на Парижъ.

ХРОНИКА.

СЪѢЗДЪ МОЛОДЕЖИ

Около года тому назадъ, съ 26 по 30 іюля, въ Нормандіи состоялся первый съѣздъ Русскаго христіанскаго студенческаго движенія во Франціи. Эпоха, переживаемая нами, можетъ быть охарактеризована вообще какъ начало религіознаго подъема. Послѣ его постепеннаго угасанія подъ ударами раціонализма, приведшаго къ тожеству матеріализма съ его звѣриными, исключительно животными принципами жизни, міръ оказался въ тупикѣ, передъ лицомъ той пропасти,куда его толкаютъ"безбожныя"соціалистическія ученія. Исчезаетъ въ этихъ условіяхъ самый смыслъ человѣческой жизни, и къ этому вѣчному смыслу жадно потянулся разумъ и чувство людей. Какъ растенія къ солнцу тянутся люди къ вѣч-

ной любви и правдѣ, къ человѣчности отъ звѣринаго одичанія. Естественнымъ являются ихъ союзы для достиженія общей цѣли и борьбы съ разсѣянными вокругъ соблазнами. "Одинокій человѣкъ съ трудомъ противостоитъ имъ, — говоритъ П. Евдокимовъ, — но насколько болѣе сильнымъ является онъ, когда стремится и живетъ вмѣстѣ съ другими, когда его связываетъ съ ними единство вѣры и подвига, единство дисциплины и духовныхъ упражненій".

Такъ возникали и возникаютъ христіанскія братства и на этой же почвѣ возникли они среди студенчества русской эмиграціи. Въ первомъ съѣздѣ въ Нормандіи, въ Аржероннѣ, приняли участіе всѣ члены парижскаго кружка, члены кламарскаго кружка, делегаты г.г. Марселя, Ниццы, Лиля, Страсбурга, представителя кружковъ Бѣлградскаго, Берлинскаго и Пражскаго и французской федераціи. Этотъ простой перечень уже въ достаточной мѣрѣ показываетъ насколько великъ религіозный подъемъ въ разныхъ пунктахъ разсѣянія русской учащейся молодежи. Участіе въ съѣздѣ Митрополита Евлогія и такихъ руководителей и профессоровъ кружковъ, какъ о. Сергій Булгаковъ, о. А. Калашниковъ, архимандритъ Софроній, Н. А. Бердяевъ, А. В. Карташевъ, Б. П. Вышеславцевъ, В. В. Зѣньковскій, А. В. Ельчаниновъ, Л А. Зандеръ, Л. Н. Липеровскій и Г. Г. Кульманъ, — сдѣлало глубоко интереснымъ то разрѣшеніе христанскихъ проблеммъ, которыя ставилъ передъ собою съѣздъ. 25 іюля тамъ же соберется 2-й Съѣздъ.

Такъ недавно начавшаяся жизнь христіанскихъ кружковъ и братствъ вся еще въ будущемъ. Но, говоря словами докладчиковъ съѣзда, "однако нельзя отрицать того, что теперь изъ нихъ уже выросла общая большая семья, которая разбросана по всей Европѣ. Такъ изъ скромныхъ начинаній могутъ вырости большія достиженія". Въ докладѣ В. А. Калашниковой можно прочитать слѣдующее: "Какъ отдѣльные огоньки загораются теперь по всему свѣту, куда попадаютъ волею Божіей русскіе люди, небольшіе кружки учащейся русской молодежи, и какъ одинокія лампады мерцаютъ онѣ среди языческаго по своему складу міра. Пусть же всѣ вмѣстѣ загорятся они огромнымъ огнемъ, яркимъ, свѣтлымъ, освѣщающимъ и согрѣвающимъ душу. Пусть засвѣтятъ они по примѣру древнерусскихъ братьевъ, одну общую неугасимую свѣчу передъ престоломъ Божіимъ въ храмѣ своихъ душъ".

Чтобы побѣдить окружающее насъ зло надо побѣдить его прежде всего въ себѣ. Путь самосовершенствованія и есть путь

побѣды. И нѣтъ на этомъ пути остановки, ибо онъ безграниченъ. Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный, завѣщано людямъ...

И нашъ журналъ шлетъ горячій привѣтъ христіанскимъ братствамъ русской учащейся молодежи.

СОВѢТНИКЪ ЕЛАНСКІЙ

Отъѣздъ 2-го секретаря совѣтскаго посольства Еланскаго въ Москву еще болѣе знаменателенъ, чѣмъ вынужденный отъѣздъ Волина. Еланскій, единственный не-чекистъ въ притонѣ ном. 79, счелъ невозможнымъ для себя оставаться въ этой «мерзости и запустѣніи», какую представляютъ собою всѣ «дипломатическія» совѣтскія учрежденія, и попросилъ свое начальство «отозвать его изъ Парижа».

— Надо или ихъ всѣхъ убрать отсюда — говорилъ Еланскій своимъ друзьямъ французамъ, — или «убраться» самому.

Онъ могъ сдѣлать только послѣднее.

НАШЕЛСЯ СЛѢДЪ

Нашелся слѣдъ Лукьянова. Этотъ профессоръ», изобрѣтатель смѣновѣховства и журналистъ, выкинутый за бортъ неблагодарными большевиками, принятъ на службу Каменевой и Коганомъ на Выставкѣ. Его, впрочемъ, не нашли годнымъ къ службѣ въ художественномъ отдѣлѣ, а опредѣлили въ товарный отдѣлъ — по продажѣ кустарныхъ издѣлій.

Тѣ, кому не противно его видѣть, могутъ его найти въ баракахъ совѣтскаго отдѣла.

ЛУКОМСКІЙ

Художникъ Лукомскій, наконецъ, взысканъ своими новыми хозяевами: онъ служитъ въ экспортномъ отдѣлѣ Торгпредства, на улицѣ Тэтбу, въ Парижѣ. Интересно знать, какой отраслью экспорта онъ вѣдаетъ: не экспортомъ ли распродаваемыхъ «хозяевами» художественныхъ цѣнностей Россіи?!

Г. С. ПЕТРОВЪ
(КЛОЧКИ ПРОШЛАГО)

Лѣтомъ 1920 г. Феодосія была оживлена, какъ никогда. Здѣсь была одна изъ базъ арміи ген. Врангеля. Превосходный Феодосійскій портъ, набережныя, улицы были вѣчно полны суеты, ожиданій, слуховъ.

Работать приходилось въ нервной обстановкѣ, и только чудесная Суворинская дача, необыкновенное купанье, вечера и огненные закаты въ морской дали, казалось, скрашивали нервную и тяжелую жизнь.

Въ Коктебелѣ, близь Феодосіи, на дачѣ проживалъ тогда покойный Г. С. Петровъ. Мы встрѣтились какъ то на улицѣ. Съ своимъ характернымъ русскимъ лицомъ, съ сѣдой бородкой и шевелюрой, плотный и крѣпкій, Г. С. Петровъ одѣвался въ поддевку, фуражку и высокіе сапоги и былъ похожъ на южнаго помѣщика. Тогда онъ не писалъ уже, и читалъ публичныя лекціи по городамъ Крыма. Лекторъ онъ былъ живой, энергичный, возбужденный.

Репутація лекцій была либеральная, и публика на лекціи «бывшаго

священника» Григорія Петрова валила валомъ. Лекціи были источникомъ заработка, и Г. Петровъ относился къ своей репутаціи лектора очень нервно и ревниво.

Насколько въ своихъ лекціяхъ Г. С. Петровъ былъ мало простъ и начиненъ литературой и либеральными авторитетами, настолько онъ запросто, въ разговорѣ, за чаемъ былъ задушевенъ, занимателенъ и остроуменъ. Онъ прекрасно зналъ провинцію и въ психикѣ провинціала разбирался прекрасно. Вообще онъ былъ замѣчательный «бытовикъ» нашего провинціальнаго быта. Это знаніе провинціи и были основой его талантливой публицистики въ «Русскомъ Словѣ» въ началѣ 900-хъ годовъ.

Какъ-то въ іюлѣ, когда успѣхи ген. Врангеля въ Мелитополѣ, закончившіеся разгромомъ 7.000-наго коннаго отряда Жлоба, внесли какое-то успокоеніе и окрылили всѣхъ надеждой, мы пріѣхали въ Коктебель къ Г. С. Петрову.

Дорога въ Коктебель очаровательна. Южная степь, хутора, овраги, холмы, изъ-за которыхъ сверкаетъ вдали синее море, пирамидальные тополя среди желтаго жнивья — все это привольно, широко, гостепріимно. Весь пейзажъ и Коктебельскія горы окутаны лиловато - синей дымкой. Эта окраска характерна для Коктебеля, а тихія вершины горъ полны невыразимой вѣковой думы. Что то библейское, вѣчное чудится въ горахъ Коктебеля.

Лиловыя горы подошли къ синему морю. Здѣсь дачи, деревушка татарская, тихая бухта.

Когда смотришь съ горы въ синюю даль, то понимаешь тѣ пейзажи Айвазовскаго, гдѣ морская тишина и ласковый шопотъ волнъ, тихо набѣгающихъ на прибрежный песокъ, переданы съ такой силой. Вѣдь Айвазовскій родился и выросъ на Феодосійскихъ берегахъ и дышалъ синимъ воздухомъ Коктебеля.

Не забуду никогда вечера и ночи въ Коктебелѣ. Мы гуляли и сидѣли на берегу. Свѣтила луна, и немолчно звенѣли цикады. О, этотъ крикъ цикады въ лунную ночь на морскомъ берегу! А море тихо шепчетъ о чемъ-то безконечно далекомъ, невозвратимомъ... Всѣ мы тогда мучительно устали. Хотѣлось только молчать. Думы о прошломъ, тоска о будущемъ, надежды и страхи, мечты и тревоги — все это слилось въ одну тихую пѣсню безъ словъ.

Подперевъ голову рукой, сидѣлъ и тяжко задумался Г. С. Петровъ. Такимъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ на родинѣ...

Потомъ я видѣлъ его бѣженцемъ въ Константинополѣ. Онъ осунулся, постарѣлъ, усталъ...

На-дняхъ онъ отошелъ въ вѣчность. Миръ его праху, а покой его усталому безпокойному сердцу!

П. Н.

PAGE FRANÇAISE

LES CREANCIERS DE LA RUSSIE A LA CHAMBRE

La Délégation du Comité Central Exécutif du 2e Congrès des Créanciers Français de la Russie, a été reçue par le Groupe Parlementaire Franco-Russe, à la Chambre des Députés.

M. Philippoteaux, Président du Groupe Parlementaire, a reçu la Délégation au nom des cent Membres qui la composent, puis a cédé à M. Barety, Président de la Section du règlement de la Créance Française, la Présidence de la Réunion. Il était assisté de M. Bellamy, Simon Reynaud, Fougère, Jacquy, Rillart de Verneuil, Sclafer, Députés, Membres du Bureau.

M. E. Ch. Philippe, Délégué général a exposé, avec tous les documents officiels, comment la Créance des valeurs émises ou garanties par l'ancien Gouvernement Russe, s'élevait au minimum, d'une façon indiscutable à 17.290.596.945 francs, contrairement aux informations des Délégations Officielles à la Conférence de la Haye qui l'avait fixée à 8.831.274.650 francs.

Il a indiqué que le système du Ministère des Affaires Etrangères, puis du Comité Consultatif, nommé par les Décrets des 27 février et 23 mai 1925, avait eu le tort de transformer cette Créance Privée, provenant des conventions d'émissions entre les Nationaux Français et l'ancien Gouvernement Russe, en Créance d'Etat, en excluant les Porteurs ou leurs Délégués de toutes discussions, d'aboutir à l'expropriation de leurs droits, à la violation de leurs propriétés, à une sorte de nationalisation de leurs Créances, permettant au surplus au Gouvernement des Soviets d'opposer sa Créance d'Etat, résultant des occupations Wrangel, Koltchak et Denikine, et de demander un moratorium, alors que les conventions d'émission portent un paiement par amortissements pendant près de 50 années; anéantissant ainsi le système des Porteurs, le seul conforme à la Loi des contrats qui ne rend exigibles que les arrérages et amortissements échus, soit 3 milliards, faciles à répartir entre la France, dépositaire des avoirs russes;; les Etats détachés de l'ancienne Russie (Pologne, Lithuanie, Esthonie, Lettonie, Esthuanie, Finlande, Roumanie par la Bessarabie) et le Gouvernement de l'U.R.S.S., réduisant ainsi la part de ce dernier à une somme dont le peu d'importance ne pouvait lui permettre d'en esquiver le règlement. Il a ajouté que ce dernier système permettait la revalorisation rapide des titres russes, augmentait en France la matière imposable, et rétablissait, pour l'avenir, l'équilibre économique Européen, et la reprise des relations commerciales entre la France et le Gouvernement de l'U.R.S.S.

Abordant la question des Sociétés ayant leurs exploitations

en Russie, il a indiqué que leur avenir était entre les mains des 397 Associations légales des Porteurs, dont la nécessité était d'autant plus indiscutable qu'elles se trouvaient devant une Jurisprudence mal établie en ce qui concernait la question des Séquestres et la protection des droits des Actionnaires, très gravement lésés par les Administrateurs Russes qui se refusaient à rendre des comptes et évitaient de réunir des Assemblées Générales des Actionnaires.

Parlant ensuite de la question de la spéculation, il a établi comment, depuis le 27 mars 1923, à la suite de la décision de la Chambre Syndicale des Agents de Change, et aussi depuis la Reconnaissance des Soviets, la Bourse de Paris avait été ouverte à la négociation des titres russes non estampillés, dont un grand nombre avaient été volés dans les Régions libérées, ou « nationalisés » par les Soviets, et comment ces ventes souvent massives avaient abouti à une baisse savamment organisée par la Finance Internationale, provoquant la panique chez les Porteurs Français; de telle sorte que si l'action du Comité Central Exécutif, en conjurant les Porteurs de ne pas vendre leurs titres, n'était pas intervenue, ainsi que sa plainte au Ministère de la Justice, plainte, d'ailleurs, non instruite, ces Financiers seraient arrivés déjà à anéantir la Créance Française.

Enfin, il a précisé, dans quelles conditions avait été créé le « Comit d'Action pour le règlement des Intérêts Français en Russie », comment il avait établi: 1° ses organes de propagande avec des milliers de sections 2° ses organes délibérants, les deux Congrès des 29 novembre 1924 et 28 février 1925, qui avaient eu un si légitime succès et qui étaient arrivés à faire l'Union entre tous les Créanciers Français de la Russie; leurs émanations, c'est-à-dire le « Comité Central Exécutif » et le Bureau Permanent de ce Comité, opposant à une campagne de Financiers débiteurs des Porteurs et à des millions de circulaires, son travail opiniâtre dont la Presse en France et à l'Etranger a bien voulu rendre compte; 3° ses organes légaux de représentation des Porteurs et d'action judiciaire par plus de 400 Associations légales ayant pour but de grouper par nature de titres les 4 millions de Porteurs, soit le 1/10e de la population Française.

MM. Augustin Rey, Philouze et de Gueydon, ont pris la parole pour indiquer la nécessité de l'intervention parlementaire afin d'éviter que la Créance Française ne soit plus longtemps discutée par des organismes sans responsabilité et complètement étrangers aux Porteurs.

M. le Président Barety a alors demandé au Délégué Général de préciser le montant des avoirs russes. Le Délégué Général a indiqué comment ces avoirs russes se composaient, de 62.500.000 dollars déposés en vertu du Protocole de Spa à la

Banque de France, ce qui étant donnée la valeur du dollar et des intérêts de ces sommes, donnaient un chiffre bien supérieur à 1 milliard de francs, des résultats des comptes de 3 milliards de francs des Marchés russes de la guerre et de 165 millions de la récupération des stocks russes, dans les Etablissements de Crédit, dans les Banques, de 46 millions bloqués par le Ministère des Finances en 1919; de plus de 45 millions non contestés figurant aux mains d'Industriels Français, etc..., etc... Il a ajouté qu'il y avait d'autres avoirs en France, en Angleterre, en Amérique et dans d'autres pays, notamment dans ceux qui avait receuilli les millions du Gouvernement Koltchak.

M. Philippoteaux, a très vivement remercié M. le Délégué Général, au nom de tout le Groupe Parlementaire Franco-Russe, des très importantes indications qu'il venait de fournir et qui permettaient au Parlement de discuter utilement de la situation. Il a indiqué que le Groupe Parlementaire se ferait un devoir d'assister au 3e Congrès des Créanciers Français de la Russie, le 5 juillet.

M. Simon Reynaud, a demandé à M. le Délégué Général, qu'il se tint à la disposition de la Commission des Marchés pour examiner s'il n'y aurait pas lieu de reviser les marchés de la guerre des anciens Gouvernements Russes.

3e Congrès des Créanciers Français de la Russie

Mon cher Collègue,

Le soir du **3e Congrès** doit se tenir à 20 h. 30, à **LUNA-PARK,** la **3e Assemblée Générale** du **Comité d'Action pour le Règlement des Intérêts Français en Russie.**

Vous devez faire ce qui sera en votre pouvoir pour y assister.

Il s'agit en effet de délibérer sur l'action et la propagande nécessaires pour vaincre notamment un Comité Consultatif et institué par Décret, composé de non porteurs et d'irresponsables, qui, ayant sacrifié aux Soviets en 1922, **plus de la moitié de la Créance Française** composée d'Emprunts et d'Obligations de Chemins de Fer, émis ou garantis par l'ancien Gouvernement Russe a aujourd'hui la prétention. en évinçant à nouveau les Porteurs, de préparer, au bénéfice de l'U.R.S.S., cette scandaleuse **spoliation** par le **Parlement Français.**

En ce qui concerne les Sociétés, « l'Association des Porteurs de Valeurs Mobilières », 5, rue Gaillon, recommence à retarder toute restitution des avoirs pour empêcher les Administrateurs de Sociétés Russes qu'elle protège, d'être comptables des avoirs à récupérer.

Il va être indispensable de créer partout où nous le pour-

rons, **un plus grand nombre de Sections,** d'organiser des **Conférences** et de tenir la main à ce que **la Presse** défende avec encore plus de force les Intérêts Français.

L'Assemblée du 5 juillet aura pour but **d'organiser dans toute la France,** des Sections et leurs moyens d'être régulièrement **renseignés,** pour faire enfin **triompher** les intérêts des Porteurs si gravement **trompés** dans les souscriptions qui ont été **sollicitées d'eux par les Gouvernements Français** et par la **Finance Internationale** qui ne cesse de vouloir **réduire à néant** la Créance Française.

Nous aurons enfin à vous soumettre dans quelles conditions nous adhérerons aux proprositions des Porteurs Italiens qui sont soutenues par l'Odre du jour, défendu par le **Président du Conseil M. Mussolini,** voté par le **Parlement Italien** à la date du 5 juin et qui est ainsi conçu:

« La Chambre des Députés, consciente des grave dommages soufferts en Russie par les Citoyens Italiens du fait de la nationalisation et du vol de la propriété mobilière et immobilière; que la rétention de ces biens et le retard dans le règlements des réparations est particulièrement douloureux et onéreux pour les nombreux petits créanciers Italiens représentés par les commerçants, entrepreneurs, artisans, intellectuels, paysans, travailleurs privés de leurs biens et de leurs économies patiemment amassées et provenant de leur labeur infatigable et dont ils ont été frustrées ainsi que du prix de leur travail; invite le Gouvernement Italien à entreprendre sans retard toutes les négociations directes avec le Gouvernement Russe, pour obtenir prompte et complète solution et règlements des dommages et préjudices causés. »

Il nous est demandé en conséquence d'établir à Paris, avec **la majorité des voix françaises** un **Comité Central International** assurant **l'Union** de tous les Créanciers de la Russie de **18 Etats** et établissant **un front unique** pour aboutir aux règlements par la Russie de **ce qu'elle doit payer.**

Il est donc indispensable que vous assitiez à cette Assemblée, car plus vous serez nombreux, plus notre Gouvernement devra tenir compte de votre manifestation.

Veuillez agréer, Mon cher Collègue, l'expression de nos sentiments tous dévoués,

Pour le Conseil de Direction
F. LE SCORNET
Conseiller honoraire à la Cour d'appel.

Directeur-Gérant : E. SEMENOFF.
Imp. d'Art Voltaire (O. Zeluk, Directeur), 4, Passage Alexandrine Paris (II)

Условія подписки

ВО ФРАНЦІИ:

6 фр. въ мѣсяцъ; — 16 фр. за 3 мѣсяца; — 28 фр. за 6 мѣс.

ЗАГРАНИЦЕЮ:

8 фр. въ мѣсяцъ; — 22 фр. за 3 мѣсяца; — 40 фр. за 6 мѣс.

КАЛИНА

ПОРТНОЙ

Téléphone : Gutenberg 52-71. 25, av. de l'Opéra, Paris I

Ресторанъ „БОГАТЫРЬ“ Métro : Glacière. Tramway : 91. Aut. : H, U, A1 *bis*, K.

-:- 33, Boulevard Arago -:-

Завтраки и Обѣды. — Прекрасная Русская кухня.

ЦѢНЫ ДОСТУПНЫЯ — Во время обѣда Цыганск. и Русск. пѣсни въ исполненіи извѣстныхъ артистовъ. — ЦѢНЫ ДОСТУПНЫЯ

Сдаются немедленно двѣ большихъ прекрасныхъ меблированныхъ комнаты для бюро около Оперы на бульварахъ. Обращаться:

34 Bd des Italiens Н. В. Горленко.

По случаю отъѣзда отдается

Барская квартира

въ районѣ IV arrond. на набережной, въ 1 эт. состоящая изъ передней, шести жилыхъ комнатъ, прекрасно меблированныхъ съ помѣщ. для прислуги, ванной со всѣми удоб., тел., садъ. Обращаться 34, **Bd des Italiens** И. В. Горленко.

Imprimerie d'Art Voltaire, 4, Passage Alexandrine, Paris (XIe)

№ 3. Парижъ, 11 Іюля 1925 г. № 3.

РУССКАЯ НЕДѢЛЯ.

(LA SEMAINE RUSSE)

ЖУРНАЛЪ
Политики, Литературы и Искусства.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ :

А. И. ГРАММАТИКОВА, М. А. КАЛЛАШЪ (КУРДЮМОВЪ),
В. Н. ЛОДЫЖЕНСКАГО, П. А. НИКАШИНА и Е. П. СЕМЕНОВА

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА :

Къ подписчикамъ.	
Непомнящимъ родства	М. КУРДЮМОВА.
Церковь за рубежомъ	і. НИКОНОРОВА.
Противъ клеветниковъ національной Россіи	П. НИКАШИНА.
Религіозное воспитаніе	В. ЛОДЫЖЕНСКАГО.
Судьба русскаго золота	РІОДЗИ.
Давыдовъ	А. ПЛЕЩЕЕВА.
Начало Корниловскаго движенія	Е. СЕМЕНОВА.
Политическое обозрѣніе.	
Page française	
Объявленія.	

ВЫХОДИТЪ ПО СУББОТАМЪ.

Цѣна 1 фр. 50 с.

РЕДАКЦІЯ : 47, Rue Brancion, Paris (15e)
КОНТОРА : 27, Rue Claude-Lorrain, Paris (16e)

Voir page française à la fin

РУССКАЯ НЕДѢЛЯ

(La semaine Russe)

ЖУРНАЛЪ

Политики, Литературы и Искусства.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Во Франціи

6 франковъ въ мѣсяцъ—16 франковъ за 3 мѣсяца—28 фр. а 6 мѣсяцевъ

Заграницей

8 франковъ въ мѣсяцъ - 22 франка за 3 мѣсяца—40 фр. за 6 мѣсяцевъ

Адресъ конторы: «**La semaine Russe**» **27, Rue Claude Lorrain Paris (XVIe).**

Открыта подписка

НА 1925 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

«РУССКОЕ ВРЕМЯ»

подъ редакціей БОР. СУВОРИНА и АЛЕКСАНДРА ФИЛИППОВА

Условія подписки:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.
Во Франціи	**10 фр.**	**27 фр.**	**50 фр.**
За границей	**12 фр.**	**33 фр.**	**60 фр.**

Подписка съ 1-го и 16-го кажд. мѣс. и объявленія принимаются въ конт. газ.

40, Rue de Trévise, 40 — PARIS (IXe)

Газета выходитъ въ Парижѣ въ 4 часа дня

„Возрожденіе“

Пріемъ подписки и объявленій производится въ Парижѣ :

Въ конторѣ газеты 5, Rue des Gobelins и 4, rue de Sèze; у M. I. Schneider, 27, Rue Tronchet и въ книжныхъ магазинахъ :

«A la Joie du Bibliophile», 6, Rue Godot-de-Mauroy;

«Aux Vieux Livre», 3, Rue d'Anjou, Téléph.: Élysées 62-90

Т-ва «Н. П. Карбасниковъ» (S-té N. P. Karbasnikoff), 9, rue Dupuytren;

«Москва», (Moskwa), 9, rue Dupuytren «Маякъ» (Mayak) 22, Av. des Ternes

Условія подписки:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	12 мѣс.
Во Франціи	8 фр. 50 с.	24 фр.	45 фр.	85 фр.
За границей	10 фр. 50 с.	30 фр.	55 фр.	100 фр.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА 25 САНТ.

Къ нашимъ читателямъ подписчикамъ.

Читателей, уже получившихъ первые три номера «Русской Недѣли», просимъ сообщить, на какой срокъ они желаютъ подписаться, и одновременно высылать подписную плату, иначе контора прекратитъ высылку журнала.

Не помнящимъ родства.

"Когда слѣпые вожди ведутъ
слѣпыхъ, тѣ и другіе падаютъ въ яму".—

Проходятъ годы. Плещется сѣрой будничной паутиной бѣженское существованіе. Изо дня въ день.

Изо дня въ день хлопоты, и напряженныя усилія какъ нибудь зацѣпиться за вращающееся колесо чужой жизни, чтобы не соскользнуть внизъ, туда, гдѣ безпомощность, нищета и одиночество, туда, гдѣ колесо это переѣдетъ и раздавитъ.

Тяжело, трудно. Большинству тяжело и трудно и не только отъ борьбы за существованіе, и еще, главнымъ образомъ, оттого, что и самая борьба и самое существованіе являются чисто механическими.Мы не у себя, а потому органически никакъ не участвуемъ въ томъ, что происходитъ около насъ, даже въ томъ, что дѣлаемъ мы сами.

Помню, давно, въ Россіи, я одно лѣто жилъ неподалеку отъ линіи строющейся желѣзной дороги. Дѣлали насыпь, подвозили камни и песокъ въ тачкахъ. Рабочіе были, по правдѣ сказать, всякій сбродъ, — большею частью арестанты изъ мѣстной городской тюрьмы, — и все же, когда, бывало, подойдешь къ нимъ въ тотъ часъ, когда послѣ обѣда сидѣли они, закуривали трубки и цыгарки, въ разговорахъ чувствовалось, что дѣлаютъ они нужное дѣло, *для своей страны нужное,* и это даетъ имъ извѣстную долю удовлетворенія. Обмѣниваются замѣчаніями.

— Черезъ годъ, пожалуй, машина пойдетъ!

— Отъ города до Волги въ три часа докатишь, а то было сутки съ лишнимъ воза тянутся...

— Благодать будетъ! И мужику удобство: грузи и отправляй.

На сумрачныхъ лицахъ бродягъ, видавшихъ виды, мелькала улыбка.

Слабо и плохо мы чувствовали прежде свою страну, а всетаки какъ то чувствовали...

И вотъ еще вспоминаю, уже изъ послѣднихъ моихъ впечатлѣній, другую артель на работѣ. То же русскую артель и при этомъ отборную. Казаки 5-ой Кубанской дивизіи строили шоссе въ Сербіи въ непроходимо дикихъ горахъ на протяженіи пяти сотъ верстъ. Работники — молодецъ къ молодцу. Работа тяжелая, условія жизни ужасныя — въ земляныхъ норахъ жили, — но превозмогали все. Сила, ловкость, энергія, крѣпкая спайка казачья, прирожденная дисциплина и привычка къ строю и стройности во всемъ. Сербы удивленно любовались. Работа кипѣла. Верста за верстой, покрывая мостами пропасти, взрывая или обходя утесы, ровной лентой пролегало шессе.

И сами, невольно любуясь созданіемъ своихъ рукъ, и казаки и руководители работъ говорили не разъ:

"— Кабы въ Россію это шоссе унести, да тамъ разостлать. Чужимъ строимъ, а *дома свое* послѣднее разваливается".

Да, очень тяжело, внутренно не участвуя въ чужой жизни, механически вертѣться въ ней маленькими второстепенными винтиками. Каждаго *настоящаго русскаго* не можетъ покинуть тоскливое сознаніе, что тамъ, позади, остался у него свой домъ, любимый и родной, хотя и полуразрушенный, хотя и осквернненный, но *свой*, и этотъ огромный общій нашъ домъ называется Россіей.

У многихъ русскихъ бѣженцевъ протянуты къ нему, черезъ всѣ загражденія, личныя свои ниточки: остались тамъ семьи, близкіе, и по этимъ ниточкамъ, какъ по живымъ нервамъ живого организма, оттуда сюда переливаются и боль и тоска и каждый ударъ сердца, то бьющагося надеждой, то замирающаго въ молчаливомъ отчаяніи. И эти русскіе люди, не утратившіе связи съ родиной, прекрасно знаютъ и ощущаютъ, что подлинная борьба за Россію *за спасеніе ея духа* ведется именно тамъ. Здѣсь мы строимъ чужія дороги, здѣсь, карабкаясь по чужимъ тропинкамъ, сохраняемъ себя, какъ нѣкій резервъ, ибо мы, при всѣхъ тяготахъ нашего изгнанія, все же живемъ внѣ линіи обстрѣла, внѣ страшной совѣтской досягаемости. Тамъ же строится подъ огнемъ дьявола *подлинный русскій путь* и каждая пядь его выстрадана, каждый камень, на него положенный, облить слезами и кровью.

Нужно быть слѣпыми до конца, чтобы не сознавать какую цѣнность для насъ представляютъ нынѣшняя Россія. Не совдепія, а именно Россія. Совдепія, всѣ эти молоты и серпы и вся вообще мерзкая декорація — это оправа только, отвратительный грязный сундукъ, снаружи окованный (ржавыми теперь) комму-

нис ческими обручами, въ которомъ заперта Россія. Но она есть и существуетъ и въ этомъ сундукѣ (хотя и задыхается въ немъ), какъ существовала вчера, оправленная въ блескъ и величіе своей силы. Лишь иногда кажется, что старая русская сказка "о мертвой царевнѣ", которую такими чудесными стихами пересказалъ Пушкинъ со словъ своей няни, была пророчествомъ о нашей странѣ и о томъ, что ею переживается теперь. Въ сказкѣ царевна называется мертвой, но мертвой лишь по виду, по внѣшней своей неподвижности. Лежитъ она заколдованная, чѣмъ то отравленная, но не тлѣнная и, когда разбирается гробъ, то, на удивленіе всѣхъ, встаетъ она во весь ростъ свой.

"Какъ же долго я спала!"

Спала, но не умерла и не умирала ни на секунду, ибо невидимыя внутреннія силы боролись съ разрушительнымъ дѣйствіемъ отравы и колдовства.

И королевичъ этотъ, который ее ищетъ, можетъ помочь ей подняться изъ гроба, только потому, что *ни на минуту не хочетъ повѣрить ея смерти, ни на минуту не перестаетъ ее любить и стремиться къ ней.* А вѣдь, ему было сказано нѣчто такое, что убиваетъ всякую надежду и всякую мечту:

Есть высокая гора,
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тьмѣ печальной
Гробъ качается хрустальный
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ничьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустого мѣста;
Въ томъ гробу твоя невѣста".

Самъ собой встаетъ вопросъ:

Можемъ ли мы какъ нибудь, въ какой нибудь мѣрѣ измѣнить Россіи?

Можемъ ли мы, хотя временно, отречься отъ нея, отдѣлиться и сказать — такая, какъ теперь, вся въ ранахъ и въ крови, она намъ не нужна, ибо она "во тьмѣ печальной", а мы на широкомъ просторѣ свободной жизни?

Если мы это не только скажемъ, но даже подумаемъ, мы станемъ "непомнящими родства", "бездарными бродягами", утратившими право когда нибудь войти въ отчій домъ.

А, между тѣмъ, безумная мысль объ измѣнѣ родинѣ, объ отдѣленіи отъ нея, кое гдѣ вспыхиваетъ въ тѣхъ кругахъ русской эмиграціи, которые, неизвѣстно почему, считаютъ себя сугубо призванными создавать и возстанавливать будущую Россію.

Я имѣю въ виду давно возбуждаемые толки о необходимости церковной автокефаліи, т. е. объ отдѣленіи зарубежной русской епархіи отъ единой и великой Всероссійской Православной Церкви.

Безумная мысль, продиктованная безумной самонадѣянностью, абсолютной *нищетой духа,* растраченнаго въ мелко - честолюбивыхъ домагательствахъ, въ партійной суетѣ: "шумимъ, братецъ, шумимъ!"...

Перерѣзать всѣ связывающія нити, всѣ тѣ сосуды, которые соединяютъ насъ съ *сердцемъ,* дающимъ жизнь огромному русскому организму, извергнуть себя добровольно во тьму внѣшнюю, гдѣ будетъ "плачъ и скрежетъ зубовный" несчастныхъ отщепенцевъ, попирающихъ ногами драгоцѣнный бисеръ подвига, мученичества и величайшей духовной красоты. Если подъ окровавленнымъ топоромъ III Интернаціонала все же уцѣлѣла "единая, великая и недѣлимая Россія", то сохранилась она именно въ Церкви, въ ея героическомъ стояніи на стражѣ русской народной души. Истерзанная, искаженная дьяволомъ, лишь въ святынѣ соблюла Россія свой исконный ликъ, свой тысячелѣтній образъ и образъ этотъ, какъ нѣкая чудотворная икона, въ древности написанная и *нынѣ обновленная творческимъ подвигомъ величайшихъ героевъ духа, сіяетъ именно тамъ* въ "глубокой норѣ", "во тьмѣ печальной", "на цѣпяхъ между столбовъ". Именно Церковь русскій путь только и строитъ, именно она жертвенной кровью своей отмѣчаетъ его вѣхи и зоветъ въ "единомысліи исповѣдать самоотверженную любовь къ "многострадальной православной родинѣ нашей".

Мучители Россіи прекрасно поняли, въ чемъ ея непреодолимая крѣпость, и первое, что попытались они сдѣлать — раздробить религіозное единомысліе народа. "Живоцерковничество" не секта и не расколъ, а ножъ, поднятый для того, чтобы цѣлое разнять на части и потомъ поглотить одинъ за другимъ мертные окровавленные куски. Ножъ въ рукахъ палача — это такъ понятно и логично, это его орудіе, его необходимая принадлежность. Но когда ножъ этотъ пытаются заносить люди, претендующіе быть "спасителями своего отечества", то дѣлается страшно и жутко — пахнетъ смрадным дымомъ Каиновой жертвы, которая черезъ кровь брата хочетъ вознестись къ Богу.

"Кипѣнье въ дѣйствіи пустомъ" партійныхъ интригъ, отсутствіе сознанія своей вины передъ Церковью и родиной, злобная мечта войти въ свою страну въ качествѣ карательной экспедиціи, мстящей всѣмъ и вся безъ разбора, самоувѣренная переоцѣнка

своего "бѣженства" и самозванное устремленіе къ первенству — вотъ что можетъ натолкнуть на преступный замыселъ раздѣлить единый народъ на двѣ націи или единую націю на два народа.

Но нѣтъ сомнѣній въ томъ, что подавляющее большинство невольныхъ русскихъ изгнанниковъ, какими бы лозунгами ихъ не соблазняли, не пойдетъ на это самоотлученіе отъ Церкви и родины.

Трудна и печальна наша жизнь на чужбинѣ. Сѣры наши будни, тяжелъ механическій трудъ на чужой зежлѣ. Если мы находимъ мужество переносить нашу внѣшнюю отторгнутость отъ страдающей и борющейся Россіи, то только потому, что не теряемъ чувства спаянности съ ней. И намъ особенно должны быть дороги тѣ звенья, которые соединяютъ живую душу русскаго "бѣженца" съ великой душой подлиннаго нашего отечества.

А тѣмъ, которые въ тиши готовятъ свой замыселъ, хочется сказать слова Евангелія, обращенныя къ Іудѣ: "То что задумалъ дѣлать — дѣлай скорѣе". Ибо въ Россіи всѣ уже прошли черезъ испытаніе и испытаніе отдѣлило "плевелы" отъ "пшеницы". Не надо и намъ отъ него уклоняться. Въ той пестрой массѣ, которая называется русской эмиграціей, не слѣдуетъ бояться провести разграничительную линію, дабы, когда придетъ часъ, Россія знала, кому открыть свои двери.

М. Курдюмовъ.

Церковь за рубежемъ.

I

Въ путяхъ разрушенія Россіи, въ исторіи разрушенія ея государственности, разительный примѣръ непоколебимой стройкости дала Православныя Церковь. Внѣдренная въ духъ народный, органически слитая со всѣмъ кругомъ жизни, имѣющая свою внутреннюю силу и свои законы, она все болѣе и болѣе выходитъ на первый планъ, все отчетливѣе осознается не какъ придатокъ или сопутствовавшая сила, а какъ корень и истокъ жизни. Революціонныя разрушенія Россіи всегда и неизмѣнно било по Церкви. Наносило ли ударъ высокомѣрное вольтерьянство, чиновничій нигилизмъ, соціалистическое просвѣщенство или интернаціональное хамство коммунизма — это по существу все равно. Суть оставалась всегда одинаковой: подорвать моральный корень — христіанскую вѣру, использовать церковный огранизмъ, какъ

орудіе для насыщенія похоти власти, которою бездарно страдаютъ всѣ пресвѣщенцы и политики освободители.

Въ процессѣ разрушенія Россіи противъ Церкви велась бѣшенная пропаганда по существу ея бытія и постоянныя попытки разрушить ея организмъ, разорвать цѣлость тѣла церковнаго.

Характернѣйшимъ явленіемъ этого послѣдняго порядка представляются автокефаліи, этотъ отвратительный по формѣ, преступный по существу сепаратизмъ, всегда вызванный политическими расчетами, чаще политическимъ страхомъ при созданномъ безсиліи, нелѣпой и вредной съ церковно - религіозной точки зрѣнія. Это — порушенное единство, разорванныя связи, ослабленныя силы передъ лицомъ воинствующаго сатанизма, крѣпко завязавшаго узлы и связи, создавшаго единство вопреки государственнымъ дѣленіямъ и національной обособленности.

Передъ нашими глазами прошло созданіе автокефалій — грузинской, украинской, эстонской, польской. Ни одна изъ нихъ не имѣетъ церковно - религіознаго, христіанскаго оправданія. Всѣ родились, какъ политическій замыселъ, какъ судорога страха передъ неизбѣжнымъ возстановленіемъ государственнаго могущества Россіи. Одновременно отколовшіяся части Православной Церкви вышли не на свободу церковнаго бытія, а въ рабство политической зависимости. Независимое существованіе Церкви имъ всегда ненавистно, ея свободный моральный авторитетъ безумно соблазнителенъ для власти, знающей свою слабость.

И церковники, содѣйствовавшіе этимъ автокефаліямъ, никогда не шли во имя интересовъ Церкви и христіанства, а чаще учитывали личныя выгоды, покорялись властолюбивымъ инстинктамъ своимъ.

Но ни силы, ни авторитета не пріобрѣли: гдѣ голосъ автокефальныхъ церквей въ событіяхъ міровой жизни, и чьи глаза устремлены на нихъ съ надеждою найти христіанскихъ борцовъ противъ воинствующаго сатанизна? Сидятъ, молчатъ и ждутъ, что приходится думать, говорить и дѣлать очередное партійное министерство съ министромъ исповѣданій, поклоняющимся невѣдомо какому Богу или Сатанѣ.

Не слышно голоса и неизмѣннаго покровителя автокефальствъ — Константинопольской партріархіи. Она, — вопреки канонамъ и совѣсти церковной, благословляла автокефаліи, подкрѣпляла своимъ авторитетомъ разрывы церковнаго тѣла, а кончила безстыднымъ союзомъ съ врагами Церкви и христіанства — коммунистами.

Отъ похоти власти родилось и живоцерковничество въ

Россіи, кончившее свой путь холопскимъ подчиненіемъ коммунистамъ черезъ оберъ - прокурора изъ чекистовъ.

Тѣмъ съ большею яркостью выступала сила и значеніе единой, нераздѣльной Русской Церкви, тѣмъ съ большею яростью обрушились на нее враждебныя силы, тѣмъ выше сталъ авторитетъ Патріарха Тихона, хранителя единства и свободы церковной, принявшаго въ свои руки вѣру церковную и довѣріе народное, хранящаго ихъ и понынѣ въ сіяніи своей преждевременной могилы, въ чудѣ непоколебленнаго, а новою скрѣпою связаннаго единства церковнаго.

Людской потокъ изъ взбаломученной Россіи хлынулъ за рубежъ. Сразу же и всюду, гдѣ представлялась малѣйшая возможность, началось церковное строительство. Чудо Божіей милости обреченной на разрушеніе Россіи — Московскій Помѣстный соборъ возстановилъ запрещенныя синодально - петровскимъ режимомъ древнія, исконныя формы церковной организованности. Это облегчило путь. Уйдя изъ родной земли, нельзя было не вѣрить по-русски, не молиться со всей Россіей. не создать тѣхъ формъ жизни, надъ которыми безсильны разстояніе и политика.

Строятся убогія — изъ осколковъ и жестянокъ церкви — и поражаютъ чужіе глаза обаяніемъ вѣры и любви, захватываютъ дыханіемъ молитвы, очаровываютъ пѣніемъ.

Около этихъ лампадъ собираются церковныя общины — и не остаются одинокими. Начинается церковная жизнь во всей ея полнотѣ, съ непрерывнымъ ростомъ силы и авторитетности, съ отчетливымъ сознаніемъ неразрывнаго единства се всею Русскою Церковью, съ сыновнею непоколебимою преданностью ея Исповѣднику - Патріарху, высоко держащему церковное знамя среди общаго разрушенія и хаоса.

Чрезвычайно показательнымъ былъ ростъ церковной организованности въ Константинополѣ. Кромѣ двухъ постоянныхъ церквей — въ посольствѣ и на Харбіе (при русскомъ госпиталѣ) было устроено вновь 20 церквей. Около нихъ образовались — приходы по утвержденному соборомъ уставу, начали дѣйствовать три сестричества, а въ конечномъ счетѣ было 29 церковныхъ организацій, оставившихъ замѣтный слѣдъ въ Константинопольской жизни.

Наполнился Константинополь русскими въ 1920 году, и уже лѣтомъ 1921 года состоялось Константинопольское Церковное Собраніе.

Духовенство и выборные отъ приходовъ, возглавляемые рус-

скимъ епископомъ, съ постановленіями Московскаго Собора въ рукахъ — какъ непререкаемымъ руководствомъ, въ изумительномъ единеніи провели они это собраніе, — и родился Константинопольскій русскій церковный округъ, возглавляемый архіепископомъ Анастасіемъ, съ Епископскимъ (епархіальнымъ) совѣтомъ, съ союзомъ приходовъ. Здѣсь же родилась мысль о необходимости созвать всезаграничный русскій церковный соборъ для полной организаціи церковной жизни, для защиты ея отъ всѣхъ поползновеній.

Изъ работы и духа константинопольскаго церковнаго собранія была исключена всякая партійность и политическіе расчеты. Вели его люди, которые видѣли, что единственный путь созданія русской силы и свободы есть Церковь, — и оттого работа была плодотворной и глубокой. Въ декабрѣ того же 1921 г. собрался Карловацкій соборъ.

Его исторія не раскрыта и не освѣщена и понынѣ въ самой важной своей части, въ самомъ корнѣ того, что внесло болѣзненный изломъ въ зарубежную церковную жизнь, что задерживаетъ ея ростъ и лишаетъ зарубежную церковь силы и значенія, всѣми ожидаемыхъ, всѣмъ необходимыхъ.

І. Никаноровъ.

Противъ клеветниковъ національной Россіи.

Въ газетѣ "Вечернее Время" была помѣщена въ апрѣлѣ сего года моя статья "Библіографія ненависти". Статья эта была написана по поводу бесѣды академика И. А. Бунина въ англійской газетѣ "Таймсъ" съ однимъ очень извѣстнымъ англійскимъ журналистомъ, знатокомъ Россіи. Англійскій журналистъ, знакомый съ европейской литературой и публицистикой, гдѣ Россія и русская монархія были изображаемы, какъ необузданная восточная деспотія, выразилъ И. А. Бунину ироническое признаніе въ томъ, что клеветническая литература о Россіи и русской монархіи на Западѣ — единственный источникъ освѣдомленія и ознакомленія западно - европейскихъ читателей съ исторической ролью Россіи и ея монархіи въ судьбахъ культурнаго человѣчества. Эта бесѣда англичанина съ И. А. Буниным ясно доказала, что борьба съ клеветнической литературой Запада, направленной противъ старой дореволюціонной Россіи, необходима, пока мы живемъ, работаемъ и пишемъ на Западѣ. Тѣмъ болѣе, конечно, эта задача — священный долгъ каждаго честнаго русскаго публициста.

Насколько позволили мои скромныя силы, въ статьѣ "Библіографія ненависти" я старался указать и по достоинтсву оцѣнить эту литературу ненависти и клеветы противъ старой національной Россіи.

Неожиданно для меня, этимъ вопросомъ заинтересовался рядъ читателей и предложилъ мнѣ собирать въ библіотекахъ тѣхъ странъ и городовъ, гдѣ они сейчасъ живутъ, литературу, имѣющую характеръ враждебной критики противъ русской монархіи и ея государственныхъ достиженій. Такая работа раскрыла бы намъ глаза на многое, а, можетъ быть, и научила бы, какъ и съ кѣмъ бороться, чтобы положить конецъ клеветническимъ нападкамъ на нашу національную монархиэескую Россію.

Съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія, въ полномъ сознаніи патріотическаго долга передъ родиной, мы открываемъ страницы нашего журнала для всѣхъ, кто хотѣлъ бы потрудиться надъ этимъ вопросомъ и подѣлиться своими знаніями съ нашими читателями.

П. Никашинъ.

Религіозное воспитаніе.

Знаменательно наше время переживаемою нами борьбой. Коммунизмъ, достигнувъ фазы окончательнаго своего развитія, насильственно захвативъ огромное государство и разсѣявъ своихъ поборниковъ по всѣмъ странамъ, объявилъ всему міру войну. И война эта безпощадна, — на жизнь и на смерть. Прорываясь безпримѣрной жестокостью къ противникамъ коммунизма, она заливаетъ кровью цѣлыя государства, создаетъ въ другихъ безпрерывныя кровавыя стычки, эту прелюдію къ міровой бойнѣ, но ведется эта борьба въ самыхъ глубинахъ человѣческаго духа. На жизнь и на смерть. Или человѣчество откажется отъ всѣхъ тѣхъ духовныхъ цѣнностей, которыми жило донынѣ и созидало свою многовѣковую культуру и окончательно восторжествуетъ коммунизмъ, обратясь въ единую для всѣхъ безбожную религію, или коммунизма не будетъ.

Борьба неизбѣжна. Она только что начинается, и мы присутствуемъ при ея зарожденіи. Мы улавливаемъ ея признаки въ протестахъ государственной власти противъ выступленій коммунистической власти, въ по существу невозможныхъ попыткахъ ограничить мирными договорами коммунистическую пропаганду, въ мечтахъ отгородиться отъ коммунизма стѣной. Но есть и другіе, болѣе существенные признаки. Пробуждается сомнѣніе въ

святости и незыблемости демократическихъ формъ правленія въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились подъ напоромъ соціалитсической мысли, возрождается усыплявшееся и разрушавшееся въ теченіи долгаго времени національное чувство и, наконецъ, — и это самое главное, — пробуждаетъ могучее религіозное чувство, этотъ главный врагъ соціализма со всѣми его успѣхами вплоть до коммунистическихъ достиженій. Борьба ведется въ самыхъ глубинахъ человѣческаго духа.

Передъ такой борьбой ничтожны всѣ бывшія донынѣ междугосударственныя и международныя войны, по какимъ бы причинамъ ни возникали онѣ. Иная причина и ставка иная. Причина — самозащита человѣчества, а ставка — возможность и право жить на вѣчныхъ, божественныхъ основахъ человѣческаго существованія. Борьба идетъ въ глубинахъ духа, и дай Богъ, чтобы меньше и рѣже переходила она въ форму физическихъ насилій въ человѣческой средѣ. Мы присутствуемъ при началѣ борьбы, и кажется страннымъ, почему она только что еще начинается въ моментъ расцвѣта коммунизма, почему человѣчество ранѣе словно не замѣчало его развитія и точно внезапно столкнулось на своемъ пути съ страннымъ призракомъ, угрожающимъ ему гибелью. Идейная борьба была, разумѣется, и раньше, чему свидѣтельствомъ является внимательно пересматриваемая теперь литература, но широкимъ человѣческимъ массамъ нуженъ былъ, очевидно, предметный урокъ, чтобы понять явленіе до конца. И это тѣмъ болѣе, что въ родственномъ союзѣ съ разнообразными соціалистическими ученіями коммунизмъ наступалъ понемногу, шелъ, такъ сказать, тихою сапой.

Онъ хорошо зналъ, что начинать надо съ самаго начала, съ воспитанія и обученія. Въ послѣднемъ счетѣ все это сводится къ выработкѣ человѣческаго міросозерцанія, къ выработкѣ убѣжденій по отношенію къ религіи, къ государству, къ семьѣ, къ окружающему обществу. А убѣжденія вырабатываются только съ высоты идеала. И сразу же оказалось, что и религія, и государство и семья только препятствуютъ осуществленію соціалитсической утопіи и потому подлежатъ разрушенію. Убѣжденные соціалисты и матеріалисты изъ интеллигенціи, поставивъ кадры воспитателей и преподавателей въ учебныя заведенія, оказались поистинѣ въ роли тѣхъ поджигателей, на обязанность которыхъ возложена забота о благосостояніи страховыхъ обществъ. Такъ это было на нашей памяти въ прошломъ, такъ это идетъ, къ сожалѣнію, и донынѣ.

И ярко встаетъ въ моей памяти образъ религіознаго мальчика въ училищѣ. Изъ семьи онъ пришелъ туда съ жаждой познанія въ

ту пору, когда такъ "новы всѣ впечатлѣнія бытія", когда каждый шагъ впередъ ищущихъ чувства и разума доставляетъ наслажденіе ,формулируя духовную жизнь. И онъ пришелъ туда съ цѣлымъ запасомъ вѣрованій и своихъ маленькихъ убѣжденій, съ нѣжнымъ чувствомъ къ святынѣ и ко многому въ его окружающемъ, съ колеблющимися исканіями по отношенію къ тому, что еще надо было понять. Въ разсказахъ няни мелькали передъ нимъ ангелы, охранявшіе его сонъ, радовавшіеся его добрымъ поступкамъ и огорчавшіеся всѣмъ злымъ на свѣтѣ, въ молитвахъ матери чувствовался ему тотъ вѣчный и высокій міръ правды, который устраиваетъ человѣческую жизнь и которая вовсе не состоитъ изъ одиѣхъ достиженій временнаго матерьяльнаго благополучія. Мальчикъ пришелъ въ школу съ свѣтлымъ и радостнымъ, а, главное, съ добрымъ ко всему окружающему настроеніемъ. И тотчасъ же начались его мученія. Священникъ въ школѣ преподавалъ Законъ Божій, разъяснялъ библейскую исторію, говорилъ о высшемъ мірѣ вѣчной правды, которую чувствовалъ мальчикъ и раньше, и совершенно непонятно было, зачѣмъ онъ это все дѣлаетъ. Въ слѣдующій же часъ другой преподаватель утверждалъ, что библейская исторія сказка, выдуманная по невѣжеству, а что міръ произошелъ какъ то самъ собой и что какъ это случилось пока въ точности неизвѣстно, но скоро узнаютъ, что существованіе Бога по меньшей мѣрѣ сомнительно, что никакой высшей и вѣчной правды уже навѣрное нѣтъ, а есть матерія и что въ лучшемъ матерьяльномъ устройствѣ человѣческой жизни все дѣло, а наука этому служитъ... Трудно описать трагедію постепеннаго опустошенія человѣческой души, сопровождающееся вѣчнымъ сомнѣніемъ и злобой на неизвѣстно откуда идущіе ложь и обманы. Все въ концѣ концовъ начинаетъ казаться обманомъ и ложью, пока ищущая правды опустошенная душа не вернется къ священнымъ и вѣчнымъ устоямъ человѣческой жизни, или, истерзанная и замученная, не попытается замѣнить ихъ идоломъ какого нибудь интернаціонала.

Такъ это было съ религіознымъ воспитаніемъ въ недавнемъ прошломъ, такъ это, къ сожалѣнію, и нынѣ. Въ наиболѣе демократическихъ государствахъ, какъ извѣстно, тихая сапа соціалистическихъ ученій породила лаическіе законы для всесовершеннаго отдѣленія государства отъ церкви. Эти законы совсѣмъ убрали религіозное воспитаніе и образованіе изъ школы, удалили распятія и иконы, недопускаютъ священника. Разсчетъ идетъ на то, что народъ, занятый ежедневными заботами и трудомъ, не сможетъ пробудить религіознаго сознанія въ своихъ дѣтяхъ въ семьѣ и

не сможетъ организовать отдѣльнаго и дорого стоющаго религіознаго образованія въ государствѣ, которое и безъ того содержитъ онъ на свои средства. И только послѣ такихъ достиженій тихой соціалистической сапы, уже достаточно разрушительныхъ, пробуждается на нашихъ глазахъ протестъ противъ лаическихъ законовъ, пытаетъ противостать имъ частная инициатива, раскрыть всю ложь этихъ законовъ, пока что еще существующихъ.

Преподаванія Закона Божія лаическіе законы не допускаютъ Взамѣнъ его преподается мораль. И обращается ко мнѣ по поводу мучительныхъ для себя вопросовъ русская дѣвочка, обучающаяся въ мѣстномъ лицеѣ по поводу этой самой морали. Мораль учитъ о томъ, что надо быть добрымъ и обходительнымъ, иначе будешь непріятенъ окружающимъ людямъ, и тебѣ это будетъ невыгодно. А если выйдетъ такъ, что мнѣ будетъ выгоднѣе быть по отношенію къ нимъ злымъ, а не добрымъ? Что тогда? И что отвѣтить на выводы исключительно утилитарной нравственности, не могущей руководить жизнью, разрушающе евангельскія истины и постепенно освобождающей своей ложью сознаніе отъ всякой нравственности и подготовляющей мѣсто идолу интернаціонала? Бьется маленькая дѣтская мысль, и мучится нѣжная дѣтская совѣсть среди лжи опутывающихъ ее ученій, добивающихся исключительно для себя монополію общественнаго преподаванія. А вѣдь эта-то монополія и есть та побѣда, которую захватили себѣ соціалистическія ученія незамѣтно, проведя ее черезъ демократическій строй и выдавая ее за волю народа. Такъ это идетъ тамъ, гдѣ еще не восторжествовалъ окончательно коммунизмъ. Торжествующій, онъ сниметъ личину, подъ которой окажется неожиданное для того же народа насиліе.

Это и случилось въ Россіи. А какъ относится самъ народъ, именемъ котораго творятся насилія надъ совѣстью его же дѣтей, можно было бы узнать, если бы прислушаться къ его голосу. Такую возможность даютъ намъ характерные документы, сохранившіеся отъ недавнихъ еще временъ нашей великой и несчастной смуты. Передо мною подлинные документы станицы Павловской, Кубанской области. Въ 1918 году захватили станицу войска большевиковъ. И въ станицѣ сразу же начались разсужденія о томъ, какъ быть съ преподаваніемъ Закона Божія въ школахъ, которому до тѣхъ поръ никто не мѣшалъ. Комиссія по народному образованію, органъ интеллигенціи, испугался, высказался за запрещеніе преподаванія, а рѣшить дѣло предоставилъ Совдепу. Совдепъ 2 апрѣля постановилъ: "признать преподаваніе во всѣхъ училищахъ не обязательнымъ, но Законъ Божій долженъ препода-

ваться во всѣхъ училищахъ священниками по окончаніи уроковъ всѣмъ дѣтямъ, родители которыхъ предъявляютъ требованіе, чтобы ихъ дѣтямъ преподавался Законъ Божій". Родители учениковъ въ станицѣ — это и есть народъ, которому и дѣлается еще уступка. Но вотъ заговорила интеллигенція. Въ городѣ Ейскѣ засѣдаетъ компетентный учительскій съѣздъ и декретируетъ свою резолюцію:

"Вполнѣ раздѣляя точку зрѣнія народныхъ комиссаровъ на безусловное устраненіе предмета Закона Божія изъ жизни новой школы всѣхъ типовъ, какъ предмета недопустимаго въ совѣтской трудовой школѣ, достойной великаго революціоннаго народа, передъ которымъ стоятъ огромныя задачи, секція питаетъ надежду, что подобное рѣшеніе не будетъ на мѣстахъ истолковано въ смыслѣ посягательства на церковь и народную вѣру".

Хорошо, что революція оставила въ нашихъ рукахъ цѣлый рядъ документовъ. Приведенный выше позволяетъ заглянуть въ ту сферу лжи и угодливаго страха передъ комиссарами, въ какой вертѣлось полуинтеллигентное учительство, жившее на средства народа и боявшееся открыто безъ оговорки посягнуть на церковь и народную вѣру. Но случилось такъ, что и самому народу пришлось высказаться по поводу поднявшагося спора о преподаваніи. Въ той же станицѣ Павловской собралось приходское собраніе и выслушало всѣ эти постановленія и резолюціи. Это и былъ, разумѣется, тотъ "великій революціонный народъ, передъ которымъ стоятъ огромныя задачи". Ни въ какія толкованія выслушанныхъ резолюцій этотъ народъ не вдался и записалъ на память всѣмъ 29 іюня 1918 года свое постановленіе: "Приходское собраніе станицы Павловской единогласно постановило: признать преподаваніе Закона Божія обязательнымъ и главнымъ предметомъ, предоставивъ ему первое мѣсто въ начальной и средней школѣ, и чтобы преподаваніе велось священниками и лицами, получившими богословское образованіе". Воля народа въ этомъ удивительномъ спорѣ была выражена вполнѣ опредѣленно и ясно. И разумѣется, ни къ чему это не повело, потому что личина демократизма была уже за ненужностью снята, побѣдителямъ оставалось только приказывать. Такъ, по свидѣтельству документовъ уничтожено преподаваніе Закона Божія по всей Россіи вопреки волѣ народа. И въ томъ же 18 году въ селѣ Бородаевкѣ, Екатеринославской губерніи, какой-то убѣжденный начальникъ — коммунистъ, товарищъ Занка, писалъ учителю: "Удивляюсь вамъ, товарищъ учитель, что за столько лѣтъ учительства вы до сихъ поръ не по-

няли, чему учитъ Законъ Божій. Онъ учитъ разврату, убійству, а посему приказываю вамъ прекратить преподаваніе".

Приказъ прокатился по всей русской землѣ и загналъ въ подполье знакомство съ вѣчнымъ божественными основами человѣческаго существованія. Съ пробужденіемъ религіознаго сознанія въ народѣ это знакомство усиливается на нашей родинѣ, придавленной пятой коммунизма. Проповѣдуется оно въ церквахъ, тайно передается оно изъ устъ въ уста въ школахъ, шепчется въ семьяхъ и послужитъ однимъ изъ дѣятелей освобожденія родины. Но и на насъ пробудившееся религіозное сознаніе на родинѣ и на чужбинѣ налагаетъ обязанность. Мы должны содѣйствовать религіозному воспитанію дѣтей русской эмиграціи. Это теперь, быть можетъ является главнѣйшей задачей того освободительнаго движенія, въ которое мы вѣримъ и которое подготовляемъ. Религіозное чувство исторически такъ тѣсно связано съ національнымъ сознаніемъ народа, что безъ пробужденія перваго невозможно второе. Борьба идетъ въ самыхъ глубинахъ человѣческаго духа. И не только у насъ, но и по всему міру. Практически это выражается для насъ всемѣрной поддержкой религіознаго сознанія въ угнетенномъ народѣ, а здѣсь, на чужбинѣ, въ организаціи школъ для дѣтей, въ бесѣдахъ по религіознымъ и національнымъ предметамъ съ дѣтьми, обучающимися въ иностранныхъ школахъ. И для всего этого нужно единеніе, раздираемое, на радость врагу, безсмысленной и безпощадной враждой политическихъ партій. Къ единенію зовемъ мы во имя религіознаго и національнаго чувства народа, во имя сплоченности въ той страшной борьбѣ, которая идетъ въ самыхъ глубинахъ человѣческаго духа и во имя побѣды вѣчныхъ и священныхъ основъ человѣческаго существованія.

В. Н. Лодыженскій.

Судьба русскаго золота.

Вопросъ о судьбѣ русскаго золотого фонда, возбужденный по почину "Вечерняго Времени", настолько заинтересовалъ широкіе круги общества и "власть имущихъ", усматривающихъ въ разрѣшеніи этого сложнаго вопроса возможность найти выходъ для удовлетворенія законныхъ претензій держателей русскихъ цѣнностей — до-большевистскаго періода, что всякое свѣдѣніе, способное пролить на этотъ умышленно затемненный нѣкоторыми лицами и учрежденіями вопросъ, несомнѣнно долженъ быть принятъ съ большимъ интересомъ.

Многіе вѣроятно знаютъ, что значительный остатокъ былого 10-ти милліарднаго русскаго золотого фонда находился въ Казани и послѣ ея паденія былъ оттуда вывезенъ ген. Лебедевымъ въ Омскъ и переданъ Адмиралу Колчаку, какъ Верховному Правителю, принявшему, какъ извѣстно,, актомъ 18 ноября 1918 года всю полноту власти отъ Совѣта Министровъ Временнаго Всероссійскаго Правительства.

Незадолго до эвакуаціи Омска и паденія правительства Колчака (ноябрь 1919 года), часть этого фонда, въ нѣсколькихъ вагонахъ, была вывезена изъ Сибири по направленію на Востокъ для слѣдованія въ предѣлы одной изъ державъ - союзницъ Россіи въ Великой войнѣ. Цѣлью этого вывоза являлась необходимость получить заемъ подъ золотое обезпеченіе.

Естественно, что посредникомъ при совершеніи этой сдѣлки долженъ былъ явиться тотъ именно изъ русскихъ банковъ, который обычно обслуживалъ на Д. Востокѣ нужды нашего правительства. Такимъ банкомъ всегда былъ Русско - Азіатскій Банкъ. Если мы примемъ во вниманіе, что во время вывоза этого золота изъ Омска — министромъ финансовъ Колчаковскаго правительства состоялъ Л. В. фонъ - Гойеръ, членъ Правленія означеннаго Банка, и что въ Пекинѣ тогда находился для своихъ финансовыхъ операцій А. И. Путиловъ, предсѣдатель Правленія того же Банка, то само собой разумѣется, что Русско - Азіатскій Банкъ не могъ не быть посвященъ въ тайны этой операціи съ русскимъ золотомъ и потому не можетъ не знать, куда оно было вывезено и кому именно и на какихъ условіяхъ было сдано.

Насколько намъ извѣстно, лишь сравнительно небольшая часть этого золота "утекла" по пути, а именно — при прохожденіи черезъ зону, оккупированную Атаманомъ Семеновымъ, оно подверглось задержанію по распоряженію послѣдняго и было пропущено для дальнѣйшаго слѣдованія по назначенію только послѣ того, какъ атаманъ получилъ для нуждъ своего отряда 2 вагона съ золотомъ.

Съ этого времени — приблизительно во второй половинѣ 1919 и въ особенности въ первой половинѣ 1920 года въ полосѣ отчужденія Кит.-Вост. ж. д. и въ ближайшихъ къ ней городахъ Маньчжуріи замѣчается появленіе, небывалое до сихъ поръ по количеству, русской золотой монеты. Китайцы и въ особенности японцы, съ присущей имъ алчностью къ деньгамъ, набрасываются на эту добычу и прежде всего искусственно понижаютъ ея цѣну, пользуясь тѣмъ, что въ силу обстоятельствъ, обладатели золотой монеты — преимущественно сотрудники и соратники атамановъ

Семенова и Калмыкова — должны были прибѣгать къ размѣну своего золотого фонда, попадавшаго по разнымъ причинамъ въ ихъ карманы. Обычно размѣнъ производился на японскія іены; монета эта усиленно вводилась на территоріи Кит.-Вост. жел. дор. японскими властями — сперва на смѣну нашего золотого обезпѣненнаго романовскаго рубля, а затѣмъ и совершенно ничтожныхъ бумажекъ Керенскаго и "хорватовокъ", не сумѣвшихъ пріобрѣсти къ себѣ довѣрія.

Обычный курсъ нашего кредитнаго рубля (царскаго) всегда былъ около 95 коп. за іену (бумажную *). Казалось бы скупка нашей золотой монеты даже по этому курсу давала бы крупный барышъ японскимъ и китайскимъ спекулянтамъ, тѣмъ болѣе, что это было время, когда повсюду, даже въ Америкѣ, золотая монета, какъ металлъ, небывало взросла въ цѣнѣ. Какъ на поразительный примѣръ тогдашней переоцѣнки денегъ укажемъ на то, что въ то время единственной металлической монетой, имѣвшей свободное хожденіе, являлся китайскій серебряный долларъ — въ нормальное время и теперь стоящій всего 50 американскихъ центовъ, а тогда превысившій по цѣнѣ на 10% американскій долларъ, т. е. за 10 китайскихъ серебряныхъ долларовъ надо было платить 11 американскихъ долларовъ. Однако, дальневосточные спекулянты рѣшили скупить наше золото по курсу ниже нормальнаго и довели цѣну на него до 9 бумажныхъ іенъ за монету въ 10 золотыхъ рублей. Японцы же въ этомъ дѣлѣ пошли еще дальше: не желая платить за наше золото своими обычными государственными билетами, имѣющими на всѣхъ биржахъ міра свой опредѣленный курсъ, выпустили для территоріи Кит.-Вост. жел. дор. и для Забайкалья (въ Читѣ, Благовѣщенскѣ и Харбинѣ открылись японскіе банки) особыя кредитки довольно неряшливой работы съ надписью по русски:

"1 іенъ Японскою монетою. — Императорское Японское Правительство".

И вотъ началось выкачиваніе рускаго золота въ обмѣнъ на эти бумажки, которыя за предѣлами Харбина уже теряли всякую стоимость.

Оставляя до слѣдующаго раза обсужденіе вопроса о вѣроятной судьбѣ вывезеннаго изъ Омска золота при участіи министра финансовъ г. Гойера и Русско - Азіатскаго Банка и питая надежду, что послѣдній дастъ, наконецъ, самъ объ этомъ исчерпы-

*) Золотая монета въ Японіи существуетъ, т. ск., теоретически и дальше банковскихъ кладовыхъ не выпускается. Р.

вающія свѣдѣнія, мы должны напомнить интересующимся лицамъ о томъ золотомъ запасѣ, который остался у Колчака и былъ имъ вывезенъ въ своемъ эшелонѣ при оставленіи Омска.

Послѣ задержанія адмирала чехословаками и выдачѣ его "головой" большевикамъ, чехословаки пытались присвоить себѣ цѣликомъ захваченное у адмирала золото, но по требованію большевиковъ, вынуждены были подѣлиться съ ними этой богатой добычей. Выпавшая, повидимому, на долю чехословацкихъ легіонеровъ часть золота оказалась настолько значительной, что они рѣшили сдѣлаться банкирами и основали свой банкъ. Вопреки пословицѣ, что "краденое добро въ прокъ не идетъ", дѣла этого банка процвѣтаютъ. При такихъ обстоятельствахъ, казалось бы, совѣсть этихъ банкировъ должна подсказать имъ, что уже пора раскваситься за этотъ "принудительный" заемъ у русскаго народа.

Къ сожалѣнію, размѣры настоящей статьи не позволяютъ намъ распространяться на эту больную тему, къ которой мы еще вернемся и постараемся дать наиболѣе точное описаніе того, необычайнаго въ современной исторіи зрѣлища, когда беззаконныя вереницы товарныхъ вагоновъ тянулись по желѣзнодорожнымъ путямъ Сибири и Маньчжуріи, увозя изъ Россіи вмѣстѣ съ эшелонами чехословаковъ не только наше золото, но нашихъ прекрасныхъ коней, дорогую мебель, ковры, бронзу и иной домашній скарбъ, которыми не побрезговалъ, блюдя завѣты Ильича, кое кто изъ братьевъ - союзниковъ.

Ріоцзи.

Отъ редакціи. Эта статья была уже сверстана, когда мы прочитали въ Лондонскомъ *Экономистѣ* (отъ 13 іюня): статью полковника Франциска Сипа, директора Чехословацкаго Легіо - Банка и письмо секретаря Чехословацкаго Посольства въ Лондонѣ по поводу поднятаго нами вопроса о Русскомъ Золотѣ. Оба они, конечно, обѣляютъ роль легіонеровъ въ этомъ дѣлѣ. Мы вернемся къ обѣимъ статьямъ въ слѣдующемъ № "Рус. Нед.". Но отмѣтимъ уже сегодня, что г. Сипъ признаетъ, что онъ получилъ отъ Министра финансовъ адм. Колчака, г. Михайлова, 2.000 пуд. золота *въ видѣ займа.* Но онъ не говоритъ, вернулъ ли онъ (и кому) это золото.

Что касается *письма* Чехословацкаго Посольства въ Лондонѣ, то онъ признаетъ, что въ ночь съ 11 на 12 января 1920 года на ст. Тыретъ, въ Сибири, "неизвѣстные украли 13 ящиковъ русскаго золота", которое охранялось "русскими" (большевиками), чехословаками и др. союзниками — а въ эту ночь только "русски-

ми".. Если секретарь посольства этимъ думаетъ уменьшить отвѣтственность чехословаковъ, то онъ все же ея съ нихъ не снялъ, какъ мы это увидимъ. Во всякомъ случаѣ теперь мы имѣемъ новыхъ свидѣтелей *дѣла:* министровъ Михайлова и Гойера — сего послѣдняго изъ Русско - Азіатскаго Банка.

Ведущееся сейчасъ въ Парижѣ по злоупотребленіямъ Правленія этого Банка слѣдствіе выяснитъ несомнѣнно роль не только Езерскаго и Путилова, но и Гойера въ дѣлѣ растраты *колчаковскаго золота.*

Давыдовъ.

Умеръ первый современный актеръ Россіи, умеръ Владиміръ Николаевичъ Давыдовъ.

Я былъ счастливымъ свидѣтелемъ славной дѣятельности Давыдова въ Петербургѣ и Петроградѣ, и не видѣлъ его только въ Ленинградѣ.

Наши непрерывно добрыя, пріятельскія отношенія, наши постоянныя встрѣчи свѣжи въ памяти, и объ нихъ вспоминаешь въ горестную минуту, когда ошеломило извѣстіе о смерти громаднаго русскаго таланта.

Я присутствовалъ на первыхъ дебютахъ Давыдова въ Александринскомъ театрѣ. Онъ появился Бальзаминовымъ въ комедіи Островскаго.

Фигура этого глупаго, наивнаго мечтателя московскаго захолустья, художественно зарисованная Отсровскимъ, воспроизведена была Владиміромъ Николаевичемъ съ глубокимъ и искреннимъ комизмомъ и величавой серьезностью. Это была сама правда жизни безъ налета, старанія вызвать смѣхъ. Театральная зала умирала отъ смѣха, и не смѣялся только самъ Бальзаминовъ. Давыдовъ велъ роль пришептывая.

Успѣхъ былъ исключительный. Всѣ поняли, что со сцены свѣтилъ какой то необыкновенный талантъ. Литература, присутствовавшая въ театрѣ, сіяла отъ удовольствія. Было много ея представителей, начиная съ вѣдавшаго тогда театромъ Алексѣя Потѣхина, затѣмъ Николая Потѣхина, Петра Вейнберга, Григоровича, А. Н. Плещеева и др.

Въ залѣ чувствовалось праздничное настроеніе.

Давыдовъ дебютировалъ еще въ довольно фальшивой роли купчика Сиводушина въ пьесѣ Ник. Потѣхина "Нищіе духомъ", въ роли Сладнева — въ пьесѣ "Маіорша" Шпажинскаго и въ

роли Ладыжкина — въ водевилѣ "Женихъ изъ долгового отдѣленія" Чернышева.

Вотъ эти созданія молодого Давыдова, говорившія объ его колоссальной художественной величинѣ, были не менѣе замѣчательны, чѣмъ созданія старика Давыдова, какъ напримѣръ, Муромскій въ "Дѣлѣ" Сухово-Кобылина, Расплюевъ въ "Свадьбѣ Кречинскаго" Сухово-Кобылина, Городничій въ "Ревизорѣ", Фамусовъ въ "Горе отъ ума" и пр.

И молодость, и старость Давыдова могли соперничать въ творчествѣ. Въ старости Давыдовъ возвышался еще до великой драмы (Муромскій), заставлявшей аудиторію переживать страданія жертвы страшнаго произвола прошлаго столѣтія.

Ограничиваюсь этими словами о Давыдовѣ, какъ объ актерѣ. О немъ будутъ писать много и подробно. Вспоминаю о немъ внѣ сцены. В. Н. какъ-то разсказывалъ мнѣ, что до Александринскаго театра въ провинціи онъ и въ опереткѣ, и въ драмѣ, и въ водевилѣ выступалъ, и въ балетахъ танцевалъ.

— Разъ въ Казани у Медвѣдева я танцевалъ мазурку въ "Жизни за Царя". Помню въ Казань пріѣзжалъ фокусникъ Эпштейнъ, —говорилъ Давыдовъ, — такъ я въ водевилѣ "Бѣда отъ сердца" загримировался имъ и продѣлалъ рядъ его фокусовъ. Былъ огромный успѣхъ, и престидижитатору я сборы уронилъ.

Давыдовъ замѣчательно пѣлъ русскія пѣсни, иногда подъ гитару. Его пѣсни были дѣйствительно русскими и, слушая ихъ, хотѣлось всегда сказать — это Россія. Такое же впечатлѣніе производилъ на меня и художественный разсказъ Горбунова.

Въ пріятельской компаніи Владиміръ Николаевичъ, бывало, разойдется, и слушали его до разсвѣта.

Онъ былъ другомъ А. Н. Плещеева, у котораго часто собиралась литературная молодежь (Мережковскій, Гаршинъ, Чеховъ, Щегловъ, Надсонъ и др.). Со многими изъ этого кружка Давыдовъ просиживалъ до поздняго времени. Его разсказы приковывали къ себѣ общее вниманіе.

Съ Чеховымъ Давыдовъ подружился особенно, когда, покинувъ Александринскій театръ, уѣзжалъ въ Москву въ театръ Корша.

Трогательно и любовно разсказывалъ мнѣ Давыдовъ о пьесѣ Чехова "Ивановъ". Онъ былъ, такъ сказать, крестнымъ отцомъ Чеховскаго "Иванова". Чеховъ пришелъ какъ то къ Давыдову въ уборную въ театрѣ Корша.

Давыдовъ замѣтилъ, что Антонъ Павловичъ, по натурѣ человѣкъ застѣнчивый, мнется и не рѣшается что-то сказать.

— Вы что-то хотите мнѣ сказать, Антонъ Павловичъ. Говорите. Правда?

— Увѣряю васъ, Владиміръ Николаевичъ, я такъ... повидать васъ пришелъ, безъ дѣла.

Однако, послѣ второго акта предположенія Давыдова сбылись: Чеховъ сунулъ ему въ карманъ рукопись.

— Дома поглядите... До свиданья!..

Чеховъ ушелъ изъ театра.

Эта рукопись была пьеса "Ивановъ".

Давыдовъ, волнуясь, вспоминалъ, какъ возвратясь домой, началъ читать "Иванова" и оторваться не могъ. Онъ пришелъ въ восторгъ и утромъ отправился къ Чехову, который протестовалъ противъ желанія Давыдова ставить пьесу. Наконецъ, онъ его уломалъ.

Успѣхъ по словамъ В. Н., былъ такой, какого онъ не помнитъ... Играли лучшія силы труппы (Давыдовъ, Киселевскій, Рыбчинская, Глама-Мещерская, Градовъ-Соколовъ и др.).

Потомъ Давыдвоъ рекомендовалъ пьесу режиссеру Александринскаго театра Федорову - Юрковскому, и здѣсь былъ новый ея успѣхъ. Давыдовъ игралъ "Иванова", Шурочку — Савина, Лебедева — Варламовъ, Сару — Стрепетова и т. д.

Давыдовъ, вспоминая Чехова и "Иванова", всегда волновался, словно случилось это вчера. Онъ вообще былъ захваченъ талантомъ Чехова.

Помню, зашелъ разговоръ съ Владиміромъ Николаевичемъ объ Ибсенѣ.

— Зачитываюсь имъ, — говорилъ Давыдовъ, — но думаю, что на сценѣ онъ не выиграетъ: его надо читать, а не играть... Разумѣется, я отношу это не ко всѣмъ пьесамъ Ибсена.

Владиміръ Николаевичъ, какъ чуткій, культурный человѣкъ, съ первыхъ шаговъ своихъ въ Петербургѣ, сблизился съ литературными кружками. Съ ними онъ не разставался.

Угасъ Давыдовъ, когда большинство его друзей перемерло, многіе уѣхали изъ Россіи. Въ Ленинградѣ онъ осиротѣлъ и вступилъ въ труппу Малаго Московскаго театра, наѣзжая въ Ленинградъ временами.

Недавно еще въ Ниццѣ А. И. Южинъ съ гордостью подчеркивалъ мнѣ, что у нихъ въ Маломъ театрѣ В. Н. Давыдовъ...

Давыдовъ, однако, ушелъ вслѣдъ за Федотовой и Лешковской...

Года четыре назадъ, будучи въ Римѣ, я зашелъ съ моимъ пріятелемъ купить папиросъ. Войдя въ лавку, я заканчивалъ мой разговоръ:

— Какъ бы я хотѣлъ знать, гдѣ теперь Владиміръ Николаевичъ Давыдовъ.

Покупавшій табакъ итальянскій офицеръ обратился ко мнѣ и на весьма хорошемъ русскомъ языкѣ отвѣтилъ:

— Я вамъ могу сказать, гдѣ онъ. Онъ въ Архангельскѣ, играетъ тамъ... Мы жили съ нимъ рядомъ въ отелѣ.

Я былъ изумленъ.

— Я только что пріѣхалъ оттуда... мы проводили вечера съ Давыдовымъ, я его видѣлъ на сценѣ... Какой артистъ!

Офицеръ задумался и прибавилъ:

— У меня, кажется, сохранилась послѣдняя фотографическая карточка, на которой Давыдовъ снятъ съ одной актрисой на улицѣ Архангельска. Они собирали деньги въ пользу больныхъ и раненыхъ.

Въ 1922 году я получилъ письмо изъ Петрограда отъ завѣдующаго музеемъ Академическихъ театровъ. По просьбѣ В. Н. Давыдова, онъ спрашивалъ моего мнѣнія, своевременно-ли Давыдову пріѣхать на гастроли въ Парижъ. Я отвѣчалъ подробно и высказалъ мои соображенія по этому поводу.

Стало быть, Владиміръ Николаевичъ мечталъ о поѣздкѣ въ Европу, которая и къ его, и къ нашему огорченію, не осуществилась...

Однимъ большимъ русскимъ человѣкомъ стало меньше...

А. Плещеевъ.

Начало Корниловскаго движенія.

IV

Еще до отъѣзда ген. Корнилова наша группа занялась работой по привлеченію здоровыхъ патріотическихъ элементовъ и по созданію другихъ организацій — главнымъ образомъ военныхъ — для оздоровленія и арміи, и тыла.

По иниціативѣ подпоручика Волка (Волкъ былъ схваченъ въ ноябрѣ большевиками и звѣрски убитъ) и нѣкоторыхъ его товарищей былъ созданъ "Военный Союзъ Личнаго Примѣра", который занимался, при помощи общественныхъ дѣятелей и особенно при помощи и по указаніямъ нашей группы организаціей военныхъ и пропагандой въ войскахъ и въ средѣ рабочихъ. Слѣдующія прокламаніи - воззванія могутъ служить указаніемъ на дѣятель-

ность "В.С.Л.П.". Подписи собирали Волкъ и нѣкоторые его товарищи.

Военный Союзъ "Личнаго Примѣра".

Солдаты - граждане!

Лучшіе русскіе люди и союзныхъ демократій, всю жизнь боровшіеся со всѣми правительствами буржуазныхъ и реакціонныхъ странъ, взываютъ къ намъ всѣмъ и на фронтѣ и въ тылу съ мольбой спасти и Родину, и всю Европу отъ единственнаго оставшагося очага реакціи и милитаризма, германскаго императора, Гогенцоллерна и слѣпо повинующихся ему центральныхъ имперій. Всѣ народы желаютъ мира, всѣ народы изнываютъ отъ ужасовъ, разоряющей весь міръ войны, начатой Вильгельмомъ. Но германскія полчища не только захватили Бельгію, Сербію и часть Франціи, Румыніи и нашихъ сѣверо - западныхъ губерній, но и желаютъ ихъ удержать за собою и закабалить въ военномъ и экономическомъ отношеніи всю Европу.

Солдаты Вильгельма не хотятъ освободить ни одной пяди насильно захваченныхъ ими земель, несчастнаго ограбленнаго и измученнаго въ конецъ населенія этихъ земель. Наша обязанность освободить нашихъ собственныхъ братьевъ, равно и нашихъ союзниковъ, съ которыми насъ связываетъ нерушимая наша клятва взаимной вѣрности и изгнать насильниковъ - нѣмцевъ изъ нашихъ губерній, изъ Бельгіи, Сербіи, Франціи и Румыніи.

Но чтобы ихъ изгнать и такимъ образомъ закончить эту ужасную войну, необходимо вмѣстѣ съ нашими союзниками напречь въ послѣдній разъ наши силы и одновременно начать наступленіе на всѣхъ фронтахъ. Но наступленіе безъ дисциплины, тѣсной спайки и единства всей арміи невозможно. Наши доблестные и вѣрные союзники англичане, бельгійцы, французы и итальянцы уже начали это наступленіе, потому что, зная врага, они не ослабляли своей арміи, не отказывались отъ необходимой, строгой, хотя и разумной добровольной дисциплины, а поддерживали свою боеспособность и не обезоруживали своихъ фронтовъ. Они одни пока мужественно и доблестно проливаютъ кровь въ борьбѣ съ сильнымъ, 40 лѣтъ готовившимся къ этой войнѣ врагомъ, который увлекъ за собою въ нее около ста милліоновъ австро - германцевъ, турокъ и болгаръ, сдерживаемыхъ и ведомыхъ въ бой желѣзной дисциплиной полководцевъ Вильгельма. Противъ этой дисциплины, если мы не желаемъ окончательной гибели нашей арміи, мы должны противопоставить нашу дисциплину свободныхъ гражданъ, защищающихъ свою родную землю и волю.

Если мы будемъ медлить съ наступленіемъ и со своей стороны, если мы не выполнимъ своего обязательства и своего честнаго слова и не придемъ на помощь своимъ союзникамъ, то они могутъ потерпѣть пораженіе, такъ какъ нѣмцы, не считаясь больше съ нашимъ фронтомъ, перевели свои войска на фронты нашихъ союзниковъ. Мы не только окажемся измѣнниками по отношенію къ нашимъ союзникамъ, но мы предадимъ этимъ и самихъ себя, потоу что одолѣвъ французовъ, англичанъ, бельгійцевъ и итальянцевъ, Вильгельмъ со своими союзниками перебросить затѣмъ войска обратно на нашъ фронтъ и начнетъ наступленіе противъ насъ.

Граждане - солдаты, вотъ какая опасность угрожаетъ намъ, Россіи, если не возстановимъ мы у себя дисциплины, безъ которой нѣтъ арміи, и если мы не придемъ на помощь сейчасъ же нашимъ союзникамъ и дадимъ возможность нѣмцамъ разбить сначала нашихъ союзниковъ, потомъ и насъ и такимъ образомъ не только европейскую демократію, но затѣмъ и нашу молодую свободу.

Граждане - солдаты, единственное средство избѣжать опасности — немедленное наступленіе дисциплинированной русской арміи, одновременно съ нашими союзниками во имя освобожденія нашихъ земель и братьевъ, завоеванныхъ нѣмцами и во имя укрѣпленія нашей юной свободы, которой грозитъ смертельная опасность отъ побѣдоноснаго Гогенцеллерна и его полчищъ.

И такъ, съ лозунгомъ: дисциплина и наступленіе, впередъ, пока еще не поздно.

Военный комитетъ: подпоручикъ Волкъ, шт.-ротм. Безсоновъ, подпоручикъ Астаховъ, прапорщ. Богурскій, прапорщ. Карагодинъ, шт.-ротм. Іевреиновъ, поруч. Сумароковъ, шт.-кап. Коничено, подпоруч. Гружагинъ, шт.-кап. Браунъ.

Группа гражданскаго содѣйствія : Г. В. Плехановъ, Левъ Дейчъ, В. И. Засуличъ, Николай Іорданскій, Германъ Лопатинъ, Григорій Алексинскій, Леонидъ Андреевъ.

2.

"Граждане! Товарищи! Братья!

Спасайте родину. Она гибнетъ.

На западномъ фронтѣ — безпрерывные жестокіе бои. Вильгельмъ перебросилъ туда свои войска съ нашего фронта, чтобы разгромивъ нашихъ союзниковъ, обратить жерла своихъ пушекъ противъ русскихъ войскъ.

Вмѣсто того, чтобы поддержать союзниковъ, рѣшительнымъ ударомъ закончить войну и взять побѣду, наша армія распадается. Таютъ ряды борцовъ. Нѣтъ дисциплины. Угасъ боевой духъ.

Спасайте армію. Погибнетъ она — погибнетъ Россія.

Спасайте армію.

Не словомъ, а дѣломъ! Не убѣжденіями, а личнымъ примѣромъ!

Свободный русскій народъ долженъ влить въ армію новыя свѣжія силы.

Сформируемъ желѣзные полки для немедленной отправки на фронтъ. Пусть всѣ, кто крѣпокъ тѣломъ и духомъ, идетъ съ нами пойдетъ впередъ, возьметъ на себя починъ наступленія, станетъ рядомъ съ усталыми и колеблющимися, ободритъ и будетъ радъ умереть за родную страну, спаявши кровью своей ряды ея войскъ. Подчиненіе Временному Правительству, добровольное подчиненіе стальной дисциплинѣ, безпрекословное выполненіе боевыхъ приказовъ, безстрашіе въ наступленіи на врага — таковы лозунги желѣзныхъ полковъ, идущихъ на пополненіе русской арміи. Рука объ руку съ нашими союзниками освободимъ отъ Вильгельма порабощенные народы и земли. Къ вступленіямъ въ эти полки призываемъ всѣхъ: воинскія части, готовыя идти на фронтъ, отдѣльныхъ офицеровъ и солдатъ, гражданъ, еще не носившихъ оружія и согласныхъ надѣть солдатскій мундиръ.

За родину! За свободу. За побѣду! Спасайте армію! Спасайте Россію!

Военный комитетъ:

Подпоручикъ Волкъ, шт.-ротм. Безсоновъ, подпоручикъ Астаховъ, прапорщикъ Богурскій, прапорщикъ Карагодинъ, шт.-ротм. Іевреиновъ, поручикъ Сумароковъ, шт.-кап. Кониченко, подпоручикъ Гужагинъ, шт.-кап. Браунъ.

Группа гражданскаго содѣйствія:

Г. В. Плехановъ, Левъ Дейчъ, В. И. Засуличъ, Николай Іорданскій, Н. А. Морозовъ, Германъ Лопатинъ, Григорій Алексинскій, Леонидъ Андреевъ.

Предсѣдатель госуд. думы М. В. Родзянко.

Такъ мы старались мало по малу объединить всѣ здоровые государственные элементы, безъ различія партій, на борьбу съ большевизмомъ и дѣлать то дѣло, которое вышустило изъ рукъ безволькое, бездарное правительство. Плехановъ, Лопатинъ, Леонидъ Андреевъ, Родзянко — это была гамма всѣхъ пріемлемыхъ

въ тотъ моментъ для организаціи общей борьбы — элементовъ общественности.

Но борьба была неравная уже и въ этотъ моментъ. Въ то время, какъ разрушительною дѣятельностью занимались организованныя партіи с.д. — большевиковъ и с.р. — лѣвыхъ и центровиковъ, при чемъ государственно настроенные правые с.р. въ большинствѣ колебались и не порывали съ пораженцами и циммервальдцами, — мы государственники — были не организованы.

Они дѣйствовали дружно, имѣя свои центральные комитеты, свои оффиціальные органы — "Правда", "Дѣло Народа", не говоря уже о дѣлавшихъ то же дѣло разложенія Сов. Р. и С. Д. съ оффиціальными его "Извѣстіями", милліонами брошюръ, листовокъ, воззваній и т. п., не говоря также и о другихъ органахъ — меньшевиковъ "Искра", "Новая Жизнь" Горькаго и т. д., которые дѣлали то же дѣло, — и о раздвоенномъ правительствѣ (*министерство и С. Р.* и *С. Д.* въ лицѣ его ЦИК съ г.г. Чхеизде и др. съ одной стороны и потворствовавшими и заискивавшими въ нихъ Керенскимъ и его друзьями, съ другой).

Вопросъ о денежныхъ средствахъ для пропаганды и агитаціи, для привлеченія людей, для развитія разрушительной дѣятельности по всей странѣ и особенно на фронтѣ, — стоялъ точно такъ же. Въ то время, какъ пораженцы, циммервальдцы и большевики имѣли деньги изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, а послѣдніе прямо отъ нѣмцевъ, мы — государственно настроенная организація — бились, какъ рыба объ ледъ, чтобы достать средства. И потому предатели и пораженцы наводняли всю Россію своими агитаторами и своей литературой, начиная съ окоповъ и военныхъ судовъ и кончая отдаленными деревнями Сибири и Кавказа, а мы не могли даже создать своего центральнаго органа, и о посылкѣ агитаторовъ и пропагандистовъ и говорить не приходилось за неимѣніемъ средствъ. Я помню, съ какимъ трудомъ намъ удалось снарядить первый отрядъ пропагандистовъ, въ которомъ принимали участіе Л. Дейчъ, "герой" февральской революціи,подпоручикъ (бывш.прапор.) Астаховъ, популярный тогда матросъ Баткинъ и Безсоновъ. Они получили, если память мнѣ не измѣняетъ, черезъ меня 500 руб. на эту поѣздку отъ фонда издательства " Демократическая Россія ", созданнаго по иниціативѣ Альбера Тома. Этотъ отрядъ добрался до Москвы и дальше, если не ошибаюсь, такъ и не поѣхалъ. И для характеристики положенія я долженъ прибавить, что отрядъ этотъ уѣзжалъ подъ вывѣской Воен. Союза Личнаго Примѣра. Кромѣ двухъ-трехъ изъ насъ, всѣ другіе полагали, что неудобно говорить отъ

имени корниловской организаціи — усмотрятъ, дескать, въ такой организаціи стремленіе къ диктатурѣ. Другіе боялись признать, что летучки В. С. Личнаго Примѣра печатаются въ типографіи "Вечерняго Времени". Третьи еще считались съ репутаціями до военнаго и до революціоннаго времени и боялись скомпрометировать себя союзомъ съ людьми, съ которыми иногда полемизировали до войны... Такъ, напримѣръ, когда надо было "достать" имя Крапоткина (онъ отказалъ подписать вышеупомянутыя воззванія для общаго дѣла) и испросить у него — написать воззваніе за своею подписью, то — Боже мой! — сколько разговоровъ было. И въ концѣ концовъ мы отрядили къ нему съ этой дипломатической миссіею Волка и Безсонова, которые отъ себя для дѣла "Личнаго Примѣра" должны были добиться у Крапоткина воззванія, или прокламаціи. Если не ошибаюсь, на сей разъ князь Крапоткинъ не далъ ничего. Потомъ для другой нашей организаціи — издательство "Демократическая Россія", отвѣтственнымъ редакторомъ котораго я былъ, — связанному съ этой организаціей прикомандированному къ англійскому петроградскому бюро пропаганды офицеру Гарстингу пришлось вторично настойчиво просить Крапоткина о воззваніи, и Крапоткинъ, если не ошибаюсь, на сей разъ согласился. Этотъ Гарстингъ оказался героемъ въ нашей войнѣ съ большевиками на Сѣверѣ и убитъ на нашемъ фронтѣ вскорѣ послѣ архангельскаго августовскаго переворота. Онъ палъ геройски за русское дѣло и похороненъ въ Архангельскѣ.

XV. Свидѣтельство Керенскаго.

Керенскій въ своей книгѣ "Дѣло Корнилова" самъ говоритъ объ этомъ времени слѣдующее:

"Я не буду подробно возстанавливать событій, предшествовавшихъ назначенію ген. Корнилова главнокомандующимъ юго-западнымъ фронтомъ. Я думаю, нѣтъ русскаго человѣка, который забылъ бы эти числа — 18 іюня и 6 іюля 1917 года, самоотверженный порывъ полковъ "18 іюня" и мрачную оргію погромщиковъ въ Тарнополѣ и Калущѣ. Кто не помнитъ это время, когда возродившіяся въ Россіи надежды на спасеніе и честный миръ были разбиты двойнымъ ударомъ, нанесеннымъ русской арміи встревоженнымъ за свое будущее германскимъ правительствомъ. Допустивъ послѣ 18 іюня паденіе канцлера Бетмана-Гольвега и либеральный курсъ въ Вѣнѣ, правители центральныхъ державъ рѣшили экстренными мѣрами попытаться немедленно остановить возрожденіе русской арміи и взорвать русскій фронтъ.

Е. Семеновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Политическое обозрѣніе.

За послѣднюю недѣлю ярче обозначилось міровое движеніе противъ разрушительнаго большевизма. Въ Болгаріи государственность, повидимому, побѣдоносно заканчиваетъ свою борьбу съ московскими наймитами Зиновьева, Чичерина и ихъ Совнаркома и Коминтерна. Отдѣльныя возстанія или подготовка къ нимъ ликвидируются; московскія деньги, оружіе и распоряжающіеся ими по приказамъ изъ Москвы, или Вѣны, захватываются, и можно съ увѣренностью сказать, что попытка Москвы «зажечь міровой пожаръ съ Банлканъ » потерпѣла крушеніе.

Ибо въ Сербіи дѣло не дошло даже до самого поджога, какъ въ Болгаріи. Тутъ сказался государственный умъ и политическій геній маститаго Николы Пашича. Онъ подавилъ въ самомъ зародышѣ, раздавилъ «московскую гидру», мирными безкровными средствами, справившись со вторымъ изданіемъ **балканской затѣи московскихъ воровъ.** Онъ закрылъ коммунистическія организаціи, арестовалъ Радича, — претендента на роль Стамбулійскаго въ Сербіи, поставилъ земледѣльческую партію лицомъ къ лицу съ гнусностью, на которые московскіе большевики ее толкали, и добился превращенія «революціонной» крестьянской партіи въ правительственную. Было бы очень желательно, чтобы наша общественность вникла въ глубокій смыслъ сербскаго примѣра, которымъ молодое братское намъ СХС королество обязано своему королю и своему великому старцу Николѣ Пашичу.

Послѣдній, одинъ изъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей «кануна и дня великихъ событій» оказался на ихъ высотѣ: люди, отъ которыхъ можно было ждать того — Клемансо далъ себя обмануть Ллойдъ-Джоржу; Венизелосъ обманулся въ греческомъ народѣ, который съ послѣднимъ переворотомъ генерала Пангаллоса окончательно вступилъ на путь южно - американскихъ республикъ; Муссолини справился съ анархіей въ Италіи, но помогаетъ гнѣзду анархіи въ Москвѣ; Чемберленсъ еще только начинаетъ борьбу съ послѣдней, — не дали ничего

И никто въ Европѣ не понималъ и не оцѣнивалъ по настоящему главнаго **вопроса дня,** главнаго соціально политическаго элемента послѣвоенной жизни Европы. Боролись съ отдѣльными послѣдствіями Великой Войны, и никто не понималъ нашихъ русскихъ криковъ о помощи, никто не понималъ, что большевизмъ, превративъ **войну** въ **гражданскую войну** и успѣвъ въ этомъ въ несчастной Россіи, поставилъ своей цѣлью **зажечь этотъ пожаръ** во всемъ мірѣ.

Въ этомъ весь смыслъ событій послѣднихъ 8 лѣтъ и никто изъ государственныхъ людей, кромѣ Пашича, этого не понялъ, и никто, кромѣ Пашича, противъ большевизма не боролся систематически, упорно, и только сейчасъ такую борьбу началъ Чемберленъ и нѣкоторые его коллеги.

Мы будемъ имѣть случай показать, что и мы — **россіяне** — не выше въ этомъ отношеніи не понимавшихъ насъ **европейцевъ.** Но объ этомъ

въ другой разъ. Сегодня посмотримъ, что дѣлается въ этомъ отношеніи во Франціи.

Снобизмъ и спортивное отношеніе иныхъ свѣтскихъ любителей политики и нѣкоторыхъ политическихъ «туристовъ» вродѣ Эрріо и де Монзи, считавшихъ большевизмъ возможнымъ только въ Россіи, а не въ ихъ Франціи, привели послѣднюю къ признанію большевиковъ, которые, не стѣсняясь, приступили къ усиленію своей пропаганды и агитаціи. Результаты на лицо. **Пропаганда** во Франціи достигла самыхъ наглыхъ проявленій и небывалыхъ размѣровъ: китайская манифестація, пропаганда среди войскъ, мароканская измѣна въ памяти и на глазахъ у всѣхъ. Депутаты, сенаторы, министры и самъ предсѣдатель совѣта министровъ и глава арміи установили публично и оффиціально съ высоты парламентской трибуны эту измѣну коммунистовъ, помогающихъ Абдъ-эль Криму всѣмъ, чѣмъ могутъ. И, однако, власти измѣнниковъ не трогаютъ и безстрастно взираютъ на предательскія сообщенія коммунистической печати и оглашенія военныхъ тайнъ **для свѣдѣнія** врагу! Безнаказанность — особенно послѣ урока Керенщины — совершенно непонятная, и объясняется національной печатью лишь давленіемъ соціалистовъ на правительство, которое они удерживаютъ отъ преслѣдованія коммунистовъ и отъ разрыва съ совѣтами.

Остается предположить одно: правительство ждетъ роспуска на каникулы парламента, чтобы начать преслѣдованія противъ коммунистическихъ вожаковъ - депутатовъ, не прибѣгая къ обращенію въ Палату с ъпредложеніемъ лишенія **неприкосновенности депутата** Доріо и др.; во время же каникулъ иммунитетъ депутатовъ отпадаетъ. Увидимъ — такъ ли это. Пока же война въ Марокко принимаетъ серьезные размѣры. И въ этомъ отношеніи правительство связано **оглядками на соціалистовъ** и потеряло драгоцѣнные мѣсяцы на медленное веденіе войны посылками подкрѣпленій **малыми пакетами** вмѣсто рѣшительнаго дѣйствія противъ врага, **котораго надо побѣдить,** а не толкать на упорство и безнаказанную наглость завѣреніями, что «мы не завоеватели», что «мы заключимъ съ Абдъ-эль-Кримомъ миръ», какъ только онъ захочетъ и т. п. И никому, кромѣ націоналистовъ, не вдомекъ, что эта соціалистическая «программа» та же, что знаменитыя «безъ аннексій и контрибуцій», «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ» и т. п. и ведетъ прямо къ **Брестъ-Литовскамъ** и что Людендорфамъи Абдъ-эль-Кримамъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ только на руку такія «программы» и «лозунги»... Къ счастью, правительство Пенлевэ и Бріана спохватилось и начинаетъ настоящее веденіе войны въ Марокко: лучше поздно, чѣмъ никогда.

Пропущенъ былъ и удобный случай отдѣлаться отъ Красина послѣ разоблаченій Волина и «Правды» о его роли въ **пропагандѣ** здѣсь въ **Парижѣ.**

Красинъ вернулся съ разными проектами въ портфелѣ: **о совѣтскомъ банкѣ въ Парижѣ, о способахъ удовлетворить французскихъ держателей русскихъ бумагъ,не признавая долга,** и о способѣ получить отъ Гордона и Путилова непринадлежащій имъ **Ропитъ,** ограбивъ оконча-

PAGE FRANÇAISE

PROPOS FRANCO-RUSSES

I

Combien de fois, dans la presse, et un peu partout, on reprochait au gouvernement de la République Française, d'avoir engagé les citoyens français à apporter leurs économies à l'œuvre du développement de la Russie.

Il est cependant indéniable pour tout esprit observateur, que les sacrifices faits jusqu'à présents par la France, au profit de la Russie, n'ont pas été vains.

La France a eu besoin de la **Russie;** elle en a encore besoin aujourd'hui, et elle en aura besoin demain.

Entendons-nous bien. La France a besoin de la **Russie,**

тельно акціонеровъ послѣдняго. Гордоны, Верстратъ и Путиловы готовы совершить еще болѣе гнусную аферу, чѣмъ Высоцкіе. Мы къ этому вернемся.

Франкоруссъ.

4-го іюля закончилась съ большимъ успѣхомъ въ Парижѣ серія спектаклей театра А. И. Долинова **«Золотой Пѣтушокъ»** въ театрѣ «Альберъ I». Съ середины іюля начнутся гастроли театра въ провинціяхъ Франціи, осенью же состоится поѣздка въИспанію, Португалію и провинціи Англіи. Въ Италіи театръ, начиная съ Милана, Рима, Палермо и кончая Венеціей и другими городами, всюду встрѣчалъ восторженный пріемъ. Пресса, въ лицѣ крупнѣйшихъ органовъ, какъ напримѣръ, «Журнале д-Италіа», «Коррьере делла Сера», «Трибуна», «Имперо» и всѣ др. дали восторженные отзывы о русскомъ искусствѣ, руской музыкѣ и танцахъ. Такой же горячій пріемъ и блестящій **успѣхъ выпалъ на долю театра** на сѣверѣ Африки: въ Алжирѣ, Тунисѣ, Оранѣ и друг. городахъ.

Начавши свою дѣятельность въ сентябрѣ 1923 года въ Вѣнѣ, «Золотой Пѣтушокъ» посѣтилъ Прагу, Загребъ, Парижъ, Ліонъ, Марсель, Туркуэнъ, С. Кентенъ, Эксъ, Брюссель, Льежъ, Италію, Африку, имѣя вездѣ также громадный успѣхъ. Серьезность постановки дѣла, художественность, идейность репертуара, превосходныя стильныя декораціи, костюмы и прекрасная труппа, создали театру большую репутацію и большое имя. Во главѣ театра стоитъ Михаилъ Долиновъ, авторъ и композиторъ почти всѣхъ номеровъ программы театра. Изъ г.г. артистовъ больше всего имѣли успѣхъ: г-жи Варжевская, Свѣжинская, г.г. Глѣбовъ, Раздорскій, Бойтлеръ, Скоканъ, Игнатьевъ и др. Въ Италіи и Африкѣ въ труппѣ находились: г-жи Шаляпина, Филипенко, Кольчевская, Тартаковъ и др. Музыкальная часть была въ рукахъ Глѣбовой, Дубягскаго. Художники театра: Челищевъ, Богуславская, Добужинскій, Пожедаевъ. Въ заключеніе, г. Раздорскій получилъ очень лестные ангажменты отъ нѣсколькихъ выдающихся синематографическихъ фирмъ на очень выгодныхъ условіяхъ.

И. Г.

mais non d'une institution hybride, connue dans le monde sous les initiales U.S.S.R.

Les dirigeants de cette institution ont jugé très naturel et même bien à propos, de supprimer le nom même de la Russie. Des dirigeants actuels de Moscou, la France n'a que désordre et dévastation à attendre, ceci malgré les nécessités économiques inéluctables qui poussent, contre leur propre volonté, les dirigeants de l'U.S.S.R. vers la France.

Ces gens ont essayé de méconnaître les lois économiques. Ils ont laissé les considérations politiques dominer les nécessités économiques; ils ont essayé de marcher contre la nature et, à tous les points de vue, la nature leur a donné un démenti et les conduit peu à peu vers l'Alliance Franco-Russe, il est vrai à leur manière. Après avoir clamé partout au monde que la France était l'ennemi juré du genre humain (comprenez: de la révolution bolcheviste), les théoriciens essayent de faire machine arrière, et pour cause.

Quelques hommes d'Etat Français ont traité dernièrement cette question, et nous les avons entendu dire que le devoir de la France est de rapprocher les peuples français et russe; qu'il faut soulever le rideau qui sépare les deux pays.

Si, pour satisfaire leur désir, on soulevait le rideau, on verrait un tableau lamentable. Que cela ne déplaise à M. Philippoteau ou à M. de Monzie, malgré toutes les singeries de M. Krassine et de ses collègues dans la diplomatie soviétique, les dirigeants de Moscou haïssent la France et tous ce qui est français; je n'irai pas jusqu'à dire qu'ils sont encore et toujours des agents allemands, mais ils ont été élevés dans la culture allemande, dans la pensée allemande; ils ont servi l'industrie allemande; ils ont employés par cette industrie en Russie, et de plus, depuis le traité de Brestlitovsk, l'or allemand, introuvable en Allemagne pour payer les réparations à la France, ne cessa de couler en petits ruisseaux dans les poches bénévoles, alimentant une propagande intensive, amplifiée par le gouvernement soviétique, parce que le ton de la propagande était rouge, et parce que répondant à leur sympathie naturelle.

Il va sans dire que cette propagande était dirigée contre la France et contre tout ce qui est français, mais heureusement, cette propagande n'a pas réussi. Au contraire, les paysans-ouvriers qui n'avaient qu'une confiance limitée dans les affirmations soviétiques, ont compris que l'intérêt de la Russie n'est pas du côté de l'Allemagne, mais bien du côté de la France. L'effort des bolcheviks d'amener en Russie, sous drapeau allemand, les capitaux anglais et américains, a piteusement échoué. Toutes les concessions si largement octroyées aux Allemands par leurs amis de Moscou, ont subi le même sort. Ainsi, on ne parle plus de la concession Krupp dans le midi de la Russie; la concession Würth, qui devait englober une région aussi vaste que la France, comprenant d'immenses forêts, n'existe plus; tout le travail de la Deutsche Bank pour

l'obtention de la concession du minerai de manganèse dans le Bassin de Tchiatouri, a échoué. Cette concession est tombée entre les mains du groupe américain Harriman.

Je dois dire, en passant, que cette nouvelle combinaison est aussi dangereuse pour les intérêts français, que celle de la Deutsche Bank, et nous serons obligés d'y revenir encore. Le projet d'octroyer à l'industrie allemande la construction du pipe-line de Grosnyi à la Mer Noire, est oublié également, et on pourrait en dire autant de beaucoup de choses encore. Toutes les combinaisons allemandes échouent les unes après les autres, et ce n'est pas parce que dans les cercles dirigeants de Moscou l'on manque de sympathie pour Berlin, mais il y a autre chose qui résiste, qui empêche ces combinaisons, c'est la nécessité économique qui pénètre dans les cerveaux les plus obscurs, dominant tout le reste, l'alliance franco-russe est une nécessité économique autant que politique.

Les naïfs seuls peuvent croire que MM. Krassine et consorts ont le moindre désir de rembourser aux créanciers français, leurs fonds, ou même les intérêts de leurs fonds.

D'ailleurs, d'une manière suffisamment cynique, MM. Krassine, Rykoff et Consorts ont déclaré: « Messieurs, nous ne voulons pas vous rembourser, et puis, nous n'avons pas d'argent, et d'ailleurs, nous avons besoin de votre argent. Amenez-nous la belle galette française, Amenez-en surtout beaucoup, disons 100 milliard, et alors, peut-être nous vous en donnerons un tout petit peu. »

S'il ne s'agissait que de la volonté des bolcheviks, cet emprunt serait conclu depuis longtemps, mais s'il s'agissait de leur volonté de vous rembourser, vous ne reverriez jamais un centime.

V.

(A suivre.)

IIIe Congrès des Créanciers Français de la Russie

Ce Congrès du 5 juillet, à Luna-Park, sous la présidence de M. Rey, fut un gros succès pour le **Comité d'Action.** Il comportait l'ordre du jour suivant:

A 10 heures du matin: REUNION de tous les Porteurs Français, Membres de toutes les Associations des Sociétés ayant leurs exploitations en Russie, pour qu'ils puissent prendre toutes les résolutions urgentes.

A 14 heures: REUNION de tous les Porteurs Français d'Emprunt d'Etat et d'Obligations de Chemins de Fer (Valeurs émises ou garanties par l'ancien Gougernement Russe) appartenant aux Associations des Emprunts et Obligations de Chemins de Fer, pour prendre toutes résolutions utiles.

A 16 heures: SEANCE PLENIERE sous la Présidence de M. A. Rey, Membre de la Société d'Economie Politique de tous les Créanciers Français de la Russie pour sanctionner les résolutions prises.

A 20 heures: ASSEMBLEE GENERALE des Memrebs du

« Comité d'Action pour le règlement des Intérêts Français en Russie ».

Nous publierons dans notre prochain numéro les résolutions très importantes du Congrès.

Nous tenons à signaler dès aujourd'hui l'importance de ces résolutions prises à l'unanimité et qui montrent l'étendue des efforts accomplis et des résultats obtenus depuis le IIe Congrès du 28 février dernier.

L'influence sans cesse grandissante de l'organisme de défense des créanciers français de la Russie, de l'avenue Montaigne, mérite d'attirer tout particulièrement l'attention de tous les porteurs français de fonds et titres russes.

Nous conseillons à tous les intéressés, et particulièrement à nos lecteurs de lire les **Nouvelles de la Bourse et de la Banque (22, rue Richer)**, qui publient un compte rendu **in-extenso** des travaux du Congrès.

PROCES ROPIT CONTRE LA MARINE FRANÇAISE

1° Le 18 juin 1925 la Cour d'Appel, à Aix-en-Provence, a rendu son arrêt dans cette affaire:

Les motifs donnés en fait par la Cour d'appel de sa décision lui font déclarer inutile l'examen des questions de droit soulevé par la marine nationale française, notamment en ce qui concerne les rapports de commettant à préposé ayant existé entre elle et la **Ropit.**

Cet arrêt intervenant après le jugement de Marseille dans l'affaire des Soviets, ne pourra que rassurer les intérêts de tous ceux qui ont traité avec la Société la Ropit depuis qu'elle s'est transportée en France.

2° Une commission d'arbitrage pour évaluer le montant des fonds à rembourser à la Ropit par la Marine Nationale française a été nommée le 20 juin. Le préjudice subi est estimé entre 15 et 24 millions de francs.

3° Si l'on prend comme moyenne 18 millions — ces fonds sont suffisants pour couvrir trois fois l'endettement de la Ropit qui n'est que de 6.000.000 (environ). Il resterait donc un capital largement suffisant pour commencer immédiatement le travail des navires qui sont en ce moment dans les ports de Marseille, Brest et Dunkerque.

4° Des mesures immédiates doivent être prises pour éviter que les fonds puissent passer entre les mains de la direction des faux actionnaires de la Ropit et de leurs acolytes.

Directeur-Gérant : E. SEMENOFF.
Imp. d'Art Voltaire (O. Zeluk Directeur), 4, Passage Alexandrine Paris (IX)

Условія подписки

ВО ФРАНЦІИ:

6 фр. въ мѣсяцъ; — 16 фр. за 3 мѣсяца; — 28 фр. за 6 мѣс.

ЗАГРАНИЦЕЮ:

8 фр. въ мѣсяцъ; — 22 фр. за 3 мѣсяца; — 40 фр. за 6 мѣс.

КАЛИНА

ПОРТНОЙ

Téléphone : Gutenberg 52-71. 25, av. de l'Opéra, Paris I

„Русскій Альманахъ“

изданный въ Парижѣ

АДРЕСНАЯ И СПРАВОЧНАЯ КНИГА ДЛЯ РУССКИХЪ, живущихъ за границей

Адреса французскихъ и русскихъ учрежденій, организацій, предпріятій и лицъ разныхъ профессій. — Французское законодательство, административныя распоряженія и правила для иностранцевъ. — Справочныя и полезныя свѣдѣнія

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ : 45, RUE TRUFFAUT, PARIS (XVII·)

„Боярскій Теремъ“

СЛУЧАЙНЫЯ ВЕЩИ, МѢХА, ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ И КУСТАРНЫЯ РУССКІЯ ИЗДѢЛІЯ

Чай ВЪ ДРЕВНЕЙ ПАЛАТѢ отъ 3 до 7 часовъ вечера.

РУССКАЯ и ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ

въ исполненіи извѣстныхъ артистовъ

38, RUE DE BERRI (8·) Téléph.: Élysées 13-11

“QUELQUES OBJETS ANCIENS“

40, Rue Tronchet, Paris (8·) Téléphone : Louvre 0-99

Антикварный Магазинъ А. Г. ЛѢСИНА

Покупаетъ, продаетъ и принимаетъ на комиссію

Старинныя художественныя вещи.

Подписывайтесь на „Русскую Недѣлю“!

Imprimerie d'Art Voltaire, 4, Passage Alexandrine, Paris (XI·)

№ 4. Парижъ, 18 Іюля 1925 г. № 4.

РУССКАЯ НЕДѢЛЯ.

(LA SEMAINE RUSSE)

ЖУРНАЛЪ
Политики, Литературы и Искусства.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ :

А. И. ГРАММАТИКОВА, М. А. КАЛЛАШЪ (КУРДЮМОВЪ),
В. Н. ЛОДЫЖЕНСКАГО, П. А. НИКАШИНА и Е. П. СЕМЕНОВА

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА :

Къ банковской Панамѣ	ЛѢТОПИСЕЦЪ.
Лики Дьвола	М. КУРДЮМОВА.
Народъ въ революціи (Литературная справка)	Вл. ЛАДЫЖЕНСКАГО.
Къ Зарубежному Съѣзду	П. НИКАШИНА.
Церковь за рубежемъ	І. НИКАНОРОВА.
Къ судьбѣ русскаго золота.....	ФР.
Южинъ и Малый Театръ	А. ПЛЕЩЕЕВА.
Начало Корниловскаго Движенія	Е. СЕМЕНОВА.
Политическое обозрѣніе.	
Page française	
Объявленія.	

ВЫХОДИТЪ ПО СУББОТАМЪ.

Цѣна 1 фр. 50 с.

РЕДАКЦІЯ : 47, Rue Brancion, Paris (15e)
КОНТОРА : 27, Rue Claude-Lorrain, Paris (16e)

Voir page française à la fin

РУССКАЯ НЕДѢЛЯ

(La semaine Russe)

ЖУРНАЛЪ

Политики, Литературы и Искусства.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Во Франціи

6 франковъ въ мѣсяцъ—16 франковъ за 3 мѣсяца—28 фр. за 6 мѣсяцевъ

Заграницей

8 франковъ въ мѣсяцъ - 22 франка за 3 мѣсяца—40 фр. за 6 мѣсяцевъ

Адресъ конторы: **«La semaine Russe» 27, Rue Claude Lorrain Paris (XVIe).**

Открыта подписка

НА 1925 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

«РУССКОЕ ВРЕМЯ»

подъ редакціей БОР. СУВОРИНА и АЛЕКСАНДРА ФИЛИППОВА

Условія подписки:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.
Во Франціи	**10 фр.**	**27 фр.**	**50 фр.**
За границей	**12 фр.**	**33 фр.**	**60 фр.**

Подписка съ 1-го и 16-го кажд. мѣс. и объявленія принимаются въ конт. газ.

40, Rue de Trévise, 40 — PARIS (IXe)

Газета выходитъ въ Парижѣ въ 4 часа дня

„Возрожденіе“

Пріемъ подписки и объявленій производится въ Парижѣ:

Въ конторѣ газеты 5, Rue des Gobelins и 4, rue de Sèze; у M. I. Schneider, 27, Rue Tronchet и въ книжныхъ магазинахъ:
«A la Joie du Bibliophile», 6, Rue Godot-de-Mauroy;
«Aux Vieux Livre», 3, Rue d'Anjou, Téléph.: Élysées 62-90
Т-ва «Н. П. Карбасниковъ» (S-té N. P. Karbasnikoff), 9, rue Dupuytren;
«Москва», (Moskwa), 9, rue Dupuytren «Маякъ» (Mayak) 22, Av. des Ternes

Условія подписки:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	12 мѣс.
Во Франціи	8 фр. 50 с.	24 фр.	45 фр.	85 фр.
За границей	10 фр. 50 с.	30 фр.	55 фр.	100 фр.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА 25 САНТ.

Подписывайтесь на „Русскую Недѣлю“.

Къ банковской панамѣ.

Никогда еще русскіе не переживали такой ”Панамы“, какую маленькая группа дѣльцовъ - мошенниковъ создала на протяженіи этихъ 6-8 лѣтъ лихолѣтья, пользуясь за безвластьемъ безнаказанностью и разсчитывая на эту безнаказанность ”до скончанія вѣка“, при пособничествѣ новой воровской власти. Съ нею, вѣдь, такъ легко сговориться!

А начались разговоры чуть ли не съ первыхъ дней водворенія у власти большевиковъ.

Изучая этотъ ужасъ и позоръ, эти беззаконныя присвоенія принадлежащихъ акціонерамъ активовъ банковъ, эти мошенническія куплипродажи акцій, *за которыя не платили,* эти учрежденія дутыхъ предпріятій, подъ флагомъ которыхъ деньги уходили изъ банковскихъ кассъ въ карманы пиратовъ; эти перекрашиванія банковъ въ общества, престижитаторски поглощавшія остатки наличности; эти процессы, гдѣ отъявленные грабители и воры привлекали къ отвѣтственности ограбленныхъ ими же акціонеровъ или неугодныхъ имъ сочленовъ Правленій или Совѣтовъ, — просто диву даешься дерзости и наглости мошенниковъ.

Мнѣ пришлось во время моей анкеты читать жалобы мошенниковъ на частныхъ людей, слѣдственное производство по этимъ жалобамъ, осужденіе *жалобщиковъ* — ”истцовъ“ и оправданіе облыжно обвиненныхъ ими жертвъ и... полную безнаказанность мерзавцевъ. Почему? Да очень просто: потому что жертвы либо не имѣли средствъ начинать дѣло противъ негодяевъ, либо подъ страхомъ *”скандала для русской эмиграціи“* шли на мировую во избѣжаніе послѣдняго. Я знаю большія многомилліонныя дѣла, которыя сейчасъ находятся въ производствѣ, но которыя не *двигаются,* потому что у жертвъ нѣтъ средствъ самимъ двигать ихъ и нѣтъ достаточныхъ связей, чтобы испрашивать у французской власти ”судебной помощи (assistance judiciaire). Да, во Франціи есть судъ и правосудіе, но производство дорого стоитъ. И этимъ мерзавцы пользуются. Эти дѣла представляютъ собою всю гамму панамъ и банковскихъ преступленій, которыя иногда неожиданно, случайно вслѣдствіе крайней дерзости и неосторожности пиратовъ, становятся достояніемъ судебнаго слѣдствія, но на полдорогѣ замираютъ по вышеуказаннымъ двумъ причинамъ. — Мы знаемъ дѣла, гдѣ честные члены Правленій не видѣли другого выхода, какъ самовольно передать акціонерамъ акціи ихъ банковъ, пираты ихъ привлекали къ суду за кражу, и когда дѣло передъ слѣдователемъ выяснялось, послѣд-

нему оставалось только разводить руками передъ такой дерзостью пиратовъ.

Неудивительно, что въ судейскомъ мірѣ репутація извѣстныхъ банковъ и все той же группы *прочно установлена.* Моральный и политическій интересъ эмиграціи не молчать больше, не замалчивать эту "панаму". которая, съ привлеченіемъ къ суду заправилъ Рус.-Аз. Банка, въ лицѣ А. И. Путилова, по жалобѣ французскихъ акціонеровъ, выходитъ изъ области тайны на судъ общественнаго мнѣнія. Молчать больше нельзя.

Молчать тѣмъ болѣе нельзя, что одна изъ этихъ *панамъ* имѣетъ къ тому еще явно политическій характеръ. Мы говоримъ о дѣлѣ *Ропита.* Если Путилову, Гордону и Красину удастся провести это "дѣло" и суда будутъ переданы совѣтамъ, то можно себѣ представить возмущеніе французскаго общественнаго мнѣнія, не только противъ однихъ только преступниковъ, особенно, если на этихъ же судахъ сов. правительство станетъ перевозить оружіе для мароканцевъ или, еще хуже, *для нѣмцевъ*, съ которыми *его связываетъ* Рапальскій договоръ. Русское общественное мнѣніе не можетъ больше замалчивать такія *панамы!*

Лѣтописецъ.

Лики дьявола.

Совѣты задались цѣлью укрѣпить свою власть не только путемъ штыка и пули, тюрьмы и ссылки, путемъ порабощенія и запрещенія свободной мысли. Этого имъ мало. Это цѣпи, которыя могутъ быть сброшены, заключенная дверь, которую когда-нибудь взломаетъ и сорветъ съ петель порывъ переполненнаго до краевъ негодованія.

Дьяволы хотятъ глубже пустить свои корни въ русскомъ народѣ и вотъ, какъ говорилъ покойный Розановъ, они теперь "пошли по душу русскую"...

Древній образъ страшнаго бѣдствія: отравить всѣ колодцы и источники, дабы каждая капля изъ нихъ почерпнутая, была ядовита и поражала смертью. Это ихъ замыселъ.

Подростающее поколѣніе — источникъ будущаго. Въ него хотятъ они вложить заразу, его превратить въ бичъ народа, сдѣлать истребителей всѣхъ цѣнностей духа, всей красоты жизни.

"Горе тому, кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ..."

Божьимъ гнѣвомъ звучатъ эти слова для каждаго, въ комъ не померкъ обликъ истины. Хищной радостью и вдохновеніемъ зла зажигаютъ они черное сердце сатаны: не одного только соблазнить, а всѣхъ, по крайней мѣрѣ, многихъ и соблазнить такъ, чтобы подобіе Божіе въ человѣкѣ исчезло до конца, замѣнившись ликомъ дьявола...

Когда я уѣхалъ изъ Россіи, сѣяніе "плевеловъ" шло по лицу всей русской земли: теперь уже видны "всходы", уже кое гдѣ заколосились черныя колосья. И когда я недавно слушалъ разсказы пришедшихъ оттуда и, не только въ словахъ, но во взглядѣ говорившихъ, чувствовалъ неугасимую тоску, — отвѣтной тоской ныла во мнѣ моя душа, душа изгнанника, неудержимо рвущаяся къ "роднымъ берегамъ". "Аще забуду тебя Іерусалиме, забвенна буди десница моя". Вѣдь это въ каждомъ изъ насъ самое сильное, самое мучительно - радостное. Всѣ мы живемъ мечтой о Россіи. Какъ во снѣ, бредемъ по нашимъ бѣженскимъ тропинкамъ, а впереди, въ далекомъ туманѣ, дразнящій словно марево въ пустынѣ, — то ближе, то дальше, — *путь домой*. Тамъ наша стихія, въ дыханіи родныхъ лѣсовъ и степей, въ разливѣ мощныхъ рѣкъ, въ изгибахъ русскаго проселка съ его пыльными колеями, съ измятой, запачканной дегтемъ травой. "Какъ ни красна чужая даль", но всѣ мы, подобно былинному гусляру Садко въ поэмѣ гр. Алексѣя Толстого, "за скрипъ новгородской телѣги, за свистъ перепелки во ржи" отдадимъ всѣ прелести старой культурной Европы, весь блескъ современной цивилизаціи. И въ каждомъ изъ насъ живетъ мечта, по возвращеніи въ родную землю, найти тамъ *свое* и только *свое*. Сорветъ чья-то мощная рука красное покрывало и разсѣется тяжкій кошмаръ лихолѣтья, исчезнутъ старшныя бредовыя видѣнія крови, насилія, звѣринаго быта...

"Они" — дьяволы, знаютъ нашу мечту и они стараются разбить и растоптать ее, оставивъ намъ ужасное наслѣдство, чудовищный живой памятникъ своего владычества. Они стремятся къ тому, чтобы на русской землѣ истребились *русскіе люди*, съ русскими понятіями, чувствами, вѣрованіями. Они протягиваютъ свои руки къ дѣтской колыбели и ждутъ точно насторожившіеся алчные псы, той минуты, когда можно будетъ въ эту дѣтскую душу бросить свои ядовитыя сѣмена...

... Ребенокъ впервые взглядываетъ съ вопросомъ на небо, а дьяволъ уже шепчетъ ему:

— Чего ты тамъ ищешь? Тамъ воздухъ, который разсѣкаютъ крылья аэропланов и тамъ нѣтъ иныхъ звуковъ, кромѣ шума мотора... Тебѣ разсказываютъ сказки о томъ, что "ангели поютъ на небеси" — вздоръ! Тамъ холодъ и вѣтеръ, тамъ сырыя облака и больше ничего. На землѣ гораздо лучше. Ты будешь на ней хозяиномъ и станешь дѣлать, все что тебѣ захочется, ни въ чемъ *себя не стѣсняя*, ибо стѣсненія — тоже вздоръ. Хочешь убить врага — убей. Человѣкъ и тараканъ — одно и тоже, и много людей, которые гораздо вреднѣе таракановъ, потому что головы у нихъ набиты разными предразсудками и глупостями, мѣшающими весело жить...

И, если убиваемый тобою человѣкъ будетъ кричать и корчиться отъ боли, а у тебя дрогнетъ рука — это докажетъ только, что ты недостаточно свободенъ и развитъ или что у тебя больные нервы....

Ребенокъ просится къ матери.... Дьяволъ встаетъ передъ нимъ съ насмѣшливой улыбкой:

— Зачѣмъ тебѣ нужна мать? Надо бросать дурныя привычки... Видишь собаку на улицѣ? Она умнѣе тебя, потому что ушла отъ своей матери, лишь только научилась бѣгать. Она и не помнитъ и никогда не думаетъ о томъ, что у нея были отецъ и мать. На что они нужны? Родители всегда наказываютъ дѣтей, всегда имъ что-нибудь запрещаютъ, лишаютъ свободы, всякихъ радостей... Мать тебѣ не позволила драться съ товарищемъ, а я говорю — дерись, развивай ловкость и силу. Вообще съ товарищами тебѣ будетъ гораздо веселѣе, чѣмъ со взрослыми людьми.

— Мы тебя не только не заставили стоять въ церкви, гдѣ ты долженъ былъ слушать, какъ бормочутъ попы, и кланяться передъ изображеніями какихъ-то высохшихъ стариковъ, пока не заболятъ ноги и не закружится голова, — мы тебѣ объяснимъ, что Богъ — это выдумка въ родѣ "буки" и выдумкой этой тебя хотѣли запугать и заставить дѣлать все ненужное и скучное. Вотъ сегодня "воскресенье" и гудятъ ихъ глупые колокола, а мы пойдемъ гулять... Становись въ ряды, бери красный флагъ, вотъ такъ! Крѣпче его держи! Видишь сколько дѣтей, какъ весело! Ну, а теперь пойте всѣ, громче, смѣлѣе:

"Всѣ небесныя награды и земные всѣ грѣхи —
Вздоръ и глупость. Намъ не надо
Буржуазной чепухи!"

Стройнѣе шагайте: лѣвой! правой! лѣвой! правой!

Потомъ получите по плиткѣ шоколада, котораго у васъ дома не было... Лѣвой! Правой! Пойте громче...

Я дословно передаю слышанное. Такъ воспитываютъ оторванныхъ отъ родителей дѣтей. А тѣхъ, которыя живутъ въ семьяхъ, на каждомъ шагу подстерегаютъ и въ школахъ, и даже дома. Иной "сознательный" сосѣдъ по комнатѣ нацѣлится на ребенка и начинаетъ его "развивать" въ отсутствіе родителей. Заронитъ въ душу смущеніе, недовольство, обольститъ заманчивыми обѣщаніями. Подростковъ и юношей "обрабатываютъ" особенно старательно, и дѣти знаютъ, что они имѣютъ полное право жаловаться на родителей, доносить на нихъ за все, ибо передъ лицомъ власть имущихъ каждая такая жалоба имѣетъ безоговорочную цѣну.

Тамъ, гдѣ крѣпки устои семьи и прочны нравственныя основы въ юныхъ душахъ, соблазнъ безсиленъ, но если сѣмена падаютъ на подходящую почву, зло растетъ и достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ. Создается совершенно особенная, чисто совѣтская драма "отцовъ и дѣтей", когда матери со слезами проклинаютъ часъ рожденія своего ребенка, а новая жизненная мудрость несчастной Россіи говоритъ:

"Имѣть дѣтей опасно и страшно!"

Среди новаго русскаго юношества тамъ есть уже законченные эк-

земпляры сущетсвъ съ выжженной совѣстью, съ вынутыми душами. Совѣсть — нелѣпый придатокъ въ духовномъ организмѣ, нѣчто въ родѣ огростка слѣпой кишки, который нужно просто вырѣзать. Утонувшіе въ развратѣ мальчики и дѣвочки, питомцы совѣтскихъ интернатовъ, гдѣ главной приманкой является полная свобода животныхъ инстинктовъ, гдѣ все утонуло въ какомъ-то свальномъ грѣхѣ, а жизнь рисуется грубымъ пожираніемъ грубо матеріальныхъ благъ, — вотъ "столпъ и утвержденіе" заповѣдей III Интернаціонала.

"Дѣти — это цвѣты будущаго!" высокопарно изрекъ однажды Луначарскій, покровитель "искусствъ" и всего "прекраснаго" въ совѣтской Россіи — "Цвѣты зла" (Les fleurs du mal), выражаясь словами Бодлэра. Такое опредѣленіе въ совѣтскомъ пониманіи гораздо правильнѣе. И для "цвѣтовъ зла" устраиваютъ они свои дьявольскія оранжереи. Къ счастью, слабы ихъ совѣтскія силы и скудны даже всѣ награбленныя средства для того, чтобы *цѣлую страну* покрыть такими "образцовыми питомниками". Они устроены на виду, дабы броситься въ глаза, убивать отчаяніемъ истомленныя русскія души:

— Смотрите, молъ, во что мы превращаемъ Россію.., Камня на камнѣ не останется отъ нея!

Несомнѣнно, что многое, очень многое останется, ибо на стражѣ всего чистаго и цѣльнаго самоотверженно стоитъ великая русская Церковь. Но и "плевеловъ", пышно разросшихся "цвѣтовъ зла", намъ не избѣжать при нашей будущей встрѣчѣ съ родиной.

Совѣтское владычество своимъ ежечасно усиливающимся давленіемъ на русскій народъ приводитъ къ тому, что, чѣмъ дальше, тѣмъ глубже вырывается пропасть между чернымъ и бѣлымъ. Середины тамъ почти нѣтъ, да и не можетъ ее быть. Слишкомъ страшны угрозы и опасности, слишкомъ сильны соблазны, чтобы человѣкъ сопротивлялся дьяволу во имя какого-то безсодержательнаго нейтралитета. Сопротивляться можно лишь во имя огромныхъ цѣнностей, подобныхъ той евангельской жемчужинѣ, которая такъ прекрасна, что, увидѣвшій ее, все отдаетъ, лишь бы пріобрѣсти это сокровище. Въ Россіи трудно остаться просто "теплымъ"; тамъ человѣкъ или "холоденъ" или "горячъ" и съ каждымъ днемъ все дальше должны тамъ отходить другъ отъ друга люди, избравшіе разные пути.

Наивно было бы думать, что когда настанетъ счастливый день и иная власть придетъ въ Россіи на смѣну нынѣшнимъ кромѣшникамъ — "все сразу кончится" и понадобится залѣчивать лишь физическія раны разграбленной и обнищавшей страны. Увы, нѣтъ! Намъ придется полностью принять наслѣдство Интернаціонала; всѣ "завоеванія революціи", какъ тяжкую ношу взять на свои плечи. Никакая диктатура не превратитъ "цвѣтовъ зла", ядовитыхъ коммунистическихъ колючекъ, въ бѣлыя чистыя лиліи. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакая *христіанская власть* не рѣшится на поголовное истребленіе духовно- прокажен-

ныхъ, тѣхъ несчастныхъ, которымъ съ дѣтства вливали отраву въ сердце, подмѣнивая ихъ человѣческій ликъ ликомъ дьявола. Простая система "уничтожать вредныхъ" — система большевиковъ. Это они могутъ *просто* разстрѣливать заболѣвшихъ сапомъ дѣтей, которыхъ они же сами и заразили. Намъ придется изыскивать средства борьбы и сложнѣе и человѣчнѣе. Готовиться къ этой борьбѣ, вырабатывая въ себѣ огромный духовный закалъ, дабы придти на помощь тѣмъ, кто въ царствѣ сатаны отстаиваетъ денно и нощно величайшія человѣческія святыни, — вотъ нашъ прямой долгъ и наша ясная и неоспоримая задача. Ни ненависти, ни высокомѣрію не должно быть мѣста въ нашей душѣ, при мысли о тѣхъ тяжкихъ духовныхъ язвахъ, которыми покрываютъ нашу родину, нашъ народъ его удушители. Я разумѣю ненависть къ жертвамъ удушенія, къ тѣмъ одержимымъ, въ которыхъ, какъ въ Гадаринскаго бѣсноватаго вступили "легіоны" темной силы. Вѣдь, если бы мы оставались тамъ, то и наши дѣти рисковали бы подвергнуться той же участи... Поднялась ли бы на нихъ наша рука? Смогли бы мы, какъ гоголевскій Тарасъ, направить на нихъ ружейное дуло и сказать: "Я тебя породилъ, я тебя и убью!"

Если Россія во-истину *наша родина*, то и всѣ *ея бѣды — наши бѣды*. Среди многихъ этихъ бѣдъ, несомнѣнно, бѣда самая тяжкая — растлѣніе подростающихъ поколѣній. Объ этомъ мы больше всего должны думать. *На этомъ должны объединиться*. Всякія партійныя распри, всѣ споры о томъ, какую дозу демократизма надлежитъ вливать въ будущій государственный строй Россіи, все это раскрашиванье разноцвѣтныхъ политическихъ виньетокъ, словоблудіе и головной развратъ, слѣдствіе духовной праздности, равнодушіе къ мукамъ своего народа и черствый узкій эгоизмъ.

Когда больной ребенокъ мечется въ жару, хрипитъ и задыхается въ кризисѣ смертельнаго недуга, не только отецъ и мать, но даже самые дальніе родственники, всякіе "троюродные" даже, не станутъ въ *эти минуты, у постели больного*, спорить о томъ, въ какую его школу лучше отдать, и доказывать другъ другу преимущества классическаго или реальнаго образованія.

А если они, не обращая вниманія на больного, расположатся въ другой комнатѣ "за чашкой чаю" и будутъ прислушиваться не къ стонамъ его, а къ собственнымъ только разсужденіямъ, то они просто *чужіе, бездушные люди*.

Пора понять, что Россія самой своей трагической исторіей уже выведена изъ того положенія, когда народъ въ ней можетъ дѣлиться на партіи и политическіе оттѣнки. Народъ кричитъ отъ боли: "Потщися, погибаемъ!" Ему не до оттѣнковъ. Силы его изсякаютъ, кандалы до крови врѣзались ему въ руки и ноги, душитъ его петля палача... Если мы не можемъ сейчасъ броситься къ нему на помощь, чтобы перерѣзать эту петлю и сбить кандалы, и *никакъ и ничѣмъ теперь облегчить ему его*

мукъ не въ состояніи, то будемъ по крайней мѣрѣ готовы, *чтобы придти во всеоружіи любви, жертвы и подвига въ тотъ моментъ, когда онъ насъ позоветъ*.

А для этого надо твердо помнить о томъ, что мы найдемъ у себя на родинѣ: осіянный страданіемъ, голгоѳскій крестъ и злобное лицо нагло хихикающаго бѣса.

М. Курдюмовъ.

Народъ въ революціи.

Художественное творчество въ литературѣ имѣетъ дѣло, главнымъ образомъ, съ душой человѣка. Ея сложныя и глубокія переживанія вспыхиваютъ лирикой въ творчествѣ, людскіе поступки, — личные и общественные, — выражаются его эпосомъ. И человѣкъ, такимъ образомъ, съ его невидной постороннему глазу духовной жизнью и съ всѣмъ видимой дѣятельностью, направляемой той же духовной жизнью, является главнѣйшимъ предметомъ художественнаго творчества и въ самопознаніи въ познаніи окружающаго. Объ этомъ, разумѣется, не стоило бы и говорить, если бы нѣкоторыя литературныя теченія, какимъ было, напримѣръ, народничество, не пытались подмѣнить слишкомъ очевидныя основы художественнаго творчества. Подъ давленіемъ политическихъ и соціалистическихъ идей, живые люди обратились для литературы въ "народъ" и "пролетаріатъ", въ тѣ абстракціи, съ которыми художественному творчеству нечего дѣлать.

У настоящаго художника всегда будетъ передъ глазами живой человѣкъ, и Левъ Толстой даже отмѣтитъ про себя: "Я какъ-то физически чувствую людей", а И. А. Бунинъ прямо заявитъ: "Я тоже почти всегда и почти все чувствую съ необыкновенной физической остротой. Для большинства даже и до сихъ поръ, несмотря на грубѣйшую реальность, "народъ", "пролетаріатъ" только слова, абстракція, а для меня это всегда лишь глаза, носы, рты, звуки голосовъ для меня рѣчь на митингѣ — все естество, все нутро произносящаго ее". Нетрудно замѣтить, что абстракція, о которой говоритъ Бунинъ, превращаясь въ тенденцію, нависаетъ оковами на художественномъ творчествѣ, лишаетъ его свободы, безъ которой самое творчество невозможно: "Ты царь, дорогою свободной иди, куда влечетъ тебя свободный умъ". А куда-жъ тутъ пойдешь, когда живая душа человѣка подмѣнилась абстракціей. Отъ этого и наиболѣе талантливые народники, какъ Гл. Успенскій, художественны тогда, когда обращаются къ живымъ типамъ, а не къ тому или иному освѣщенію дорогой имъ абстракціи. Бунинъ разсказываетъ о Скабичевскомъ, что онъ однажды признался ему:

— Я никогда въ жизни не видалъ, какъ растетъ рожь. То есть, можетъ, и видѣлъ, да не обратилъ вниманія.

"А мужика, отдѣльнаго человѣка, онъ видѣлъ? — замѣчаетъ Бунинъ. — Нѣтъ, онъ зналъ только "народъ", "человѣчество". А извозчикъ, дворникъ, полотеръ, — да хоть околѣй онъ возлѣ Скабичевскаго, Скабичевскій даже не взглянетъ на него".

Это были "тѣ, которымъ въ сущности, было совершенно наплевать на народъ, — если онъ только не поводъ для проявленія ихъ прекрасныхъ политическихъ и общественныхъ чувствъ, — и котораго они не только не знали и не желали знать, но даже просто не замѣчали, какъ не замѣчали они лицъ извозчиковъ, на которыхъ ѣздили въ Вольно-Экономическое Общество".

Скабичевскій былъ тенденціознымъ критикомъ и историкомъ литературы. Я могъ бы дополнить мысль Бунина примѣромъ на беллетристѣ. Въ числѣ друзей моей юности былъ романистъ — П. В. Засодимскій. Народническій напоръ его былъ таковъ, что нѣкоторые наивные юноши подозрѣвали, что онъ эмигрантъ и едва ли можетъ безопасно проживать въ Россіи. А между тѣмъ это былъ одинъ изъ самыхъ милыхъ, простодушныхъ, а, главное, добрыхъ людей, съ какими мнѣ случалось встрѣчаться. Онъ именно самымъ простодушнѣйшимъ образомъ увѣровалъ въ соціалистическую утопію человѣческаго счастья, а отсутствіе литературнаго таланта замѣнялъ трудолюбіемъ. Такимъ образомъ, и сочинялъ онъ романы, въ которыхъ дѣйствіе происходило въ крестьянской деревнѣ, а герой — крестьянинъ Кряжевъ, произносилъ довольно зажигательныя рѣчи... о кассахъ Шульце-Делича. И все это печаталось въ самыхъ либеральныхъ, оппозиціонныхъ журналахъ и воспитывало и политическія убѣжденія, и литературные вкусы читателей. И этотъ, повторяю, очень добрый и простой человѣкъ, проводилъ у меня въ деревнѣ два лѣта подрядъ. Гостемъ онъ былъ бы во всякомъ случаѣ нигдѣ не обременительнымъ, потому что цѣлыми днями сидѣлъ и писалъ. И за все это время я не припоминаю ни одного случая, когда бы онъ поинтересовался окружавшей его крестьянской жизнью, когда бы онъ попытался поближе подойти къ крестьянину, поговорить съ нимъ, порадоваться или погоревать вмѣстѣ, вникая въ его подлинную жизнь. Что ему было за дѣло до окружающей жизни, когда влюбленный въ соціалистическую утопію писатель служилъ не людямъ, а "человѣчеству"? Замѣна живыхъ людей литературными абстракціями "пролетаріата", "народа", "человѣчетва" и обратила въ концѣ концовъ народническую литературу въ своего рода отдѣленія лже-художественной соціалистической пропаганды и завладѣло на нѣкоторое время читателемъ. "Мужики" и "Въ оврагѣ" Чехова, "Деревня" Бунина положили конецъ народническимъ настроеніямъ и въ литературѣ, и въ читающей публикѣ. Интересъ къ живой человѣческой душѣ, къ сложной драмѣ личной и общественной жизни, разбивалъ оковы тенденціи, возвращая

творчество къ его исконнымъ первоисточникамъ. А на ряду съ этимъ революціонный романтизмъ и изломы русскаго футуризма или уже грозными провѣстниками наростающей смуты.

Подлинное художественное творчество зиждется всегда на любви и преданности своему народу, оно поистинѣ плоть отъ его плоти. И положительныя и отрицательныя стороны жизни народной, и красота его духовныхъ достиженій и уродство глубокихъ паденій, — одинаково находятъ въ немъ правдивое изображеніе. Красотой народныхъ типовъ наполнена русская литература, та литература, которая обращалась къ подлинной живой жизни, а не къ самоутѣшающимъ, не имѣющимъ отношенія къ творчеству абстракціямъ. Эти абстракціи могли создать только идола для искренняго или лживаго ему поклоненія. И многіе ему кланялись. Кланялись, пока не разразилась великая революція. Дѣйствительно великая — по своей изумительной жестокости, невѣроятной сумбурности и несказанному ужасу.

Въ послѣднемъ счетѣ всякую революцію творитъ, безсмнѣнно народъ. И на этотъ народъ, и при томъ огульно, сыплятся со всѣхъ сторонъ обвиненія.

— Гдѣ же вашъ "народъ-Богоносецъ", гдѣ Платонъ Каратаевъ и тургеневская Лукерья и проч., и проч., говорятъ одни.

Недовольны и вчерашніе идолопоклонники, которымъ не нужна больше абстракція. "Былъ моментъ, — возвѣщаетъ Горькій, — когда естественная жалость къ народу Россіи (!) заставляла меня считать большевизмъ почти преступленіемъ. Но теперь я вижу, что этотъ народъ умѣетъ гораздо лучше терпѣливо страдать, чѣмъ сознательно работать и я снова пою славу безумству храбрыхъ!"

И онъ же, разочарованный сопротивленіемъ коммунизму народомъ, замѣчаетъ: "Пора сознаться, что русскій мужикъ просто звѣрь".

Теперь надъ нимъ, вчерашнимъ идоломъ, можно продѣлывать любые эксперименты, до вивисекцій включительно. Ужасомъ вѣетъ отъ такихъ опредѣленій, а, главное, отсутствіемъ какой бы то ни было правды, въ томъ числѣ и художественной. Неправы, въ свою очередь, и обвинители противуположнаго лагеря. Прежде всего неправы огульностью своихъ обвиненій. Одна такая огульность есть уже признакъ пристрастія.

"Бурныя революціонныя эпохи не вскрываютъ подлиннаго характера и души народа. Это періоды ненормальной нервной и психической возбужденности, особаго революціоннаго психоза... Не ищите разгадки народной души на улицахъ, въ вихрѣ всякихъ страстей, не ищите ея въ толпѣ, съ ея стадностью и звѣриными инстинктами! Нельзя столь упрощеннымъ способомъ взвѣшивать пѣнность народа и "души его". Такъ говоритъ Е. Н. Чириковъ. А И. А. Бунинъ раздѣляетъ въ оригинальномъ обобщеніи положительныя и отрицательныя стороны народа.

"Есть два типа въ народѣ. Въ одномъ преобладаютъ черты пре-

красныя, Русь, въ другомъ, отвратительныя, Чудь, Меря. Но и въ томъ и другомъ есть страшная перемѣнчивость настроеній, обликовъ "шаткость", какъ говорили въ старину. Народъ самъ сказалъ про себя: "Изъ насъ, какъ изъ древа, — и дубина, и икона", т. е. въ зависимости отъ обстоятельствъ, отъ того, кто это дерево обрабатываетъ: Сергій Радонежскій или Емелька Пугачевъ".

Всяческія революціи обрабатываются Пугачевыми своего рода. Они мобилизуютъ для этого духовные низы народа, поднимающіеся какъ муть на поверхность. Но всякая революція временна. Это доказываетъ только конечное торжество правды. И опять задавленный было, загнанный въ подпольѣ и приниженный, въ національной красотѣ ярко сіяетъ положительный типъ народа. И къ нему-то ни на минуту не умирала и не могла умереть наша любовь. Народъ виновенъ въ революціи, но не весь и не огуломъ, а тѣми возбужденными и поощренными представителями своихъ отрицательныхъ качествъ, которыя далеко не покрываютъ понятія цѣлаго. А по нимъ пытаются судить о цѣломъ. Это тѣмъ болѣе несправедливо, что послѣ угара вихря страстей и стадного состоянія многіе и изъ меньшинства, путемъ раскаянія, сливаются съ положительнымъ типомъ. Точные отвѣты на виновность народа, недоступные Горькому, найдутся въ естественной, органической любви къ народу. И это потому, что любовь — лучшій совѣтникъ.

Вл. Ладыженскій.

Къ зарубежному съѣзду.

По иниціативѣ русскихъ націоналистическихъ организацій, въ число коихъ вошли — группа монархистовъ (Треповъ, Крупенскій), Національнаго Комитета (Карташовъ, Струве) и торгово - промышленнаго Союза (С. Н. Третьяковъ) — въ Парижѣ созывается Зарубежный Съѣздъ.

За послѣднія 5 лѣтъ — это третій русскій съѣздъ за-границей, гдѣ мы видѣли какъ бы смотръ нашей общественности и выраженіе ея внутреннихъ теченій. За послѣдніе годы между нашей лѣвой и правой общественностью рознь достигла наивысшаго напряженія. Объ этомъ можно только сожалѣть, такъ какъ общественные и политическіе интересы эмиграціи требуютъ ихъ сліянія по крайней мѣрѣ въ области тактическихъ вопросовъ момента. Этотъ разрывъ между лѣвой и правой одинаковъ всюду, гдѣ живетъ, мыслитъ и работаетъ наша эмиграція: и въ Парижѣ, Берлинѣ, Прагѣ, Варшавѣ, Бѣлградѣ и Нью-Іоркѣ.

Лѣвое теченіе въ Парижѣ, такъ называемая республиканско - демократическая группа Милюкова, успѣла демонстрироавть свои силы передъ западно - европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ этой де-

монстраціи явно выражены претензіи выдать республиканско - демократическое теченіе за подлинный голосъ русской эмиграціи, и даже той Россіи, которая осталась за предѣлами СССР.

Зарубежному Съѣзду, конечно, необходимо противопоставить группѣ Милюкова истинное выраженіе политическихъ настроеній и надеждъ большинства русской эмиграціи и выявить передъ Западомъ настоящее лицо русскаго патріотизма. Это будетъ большой и отвѣтственной задачей Съѣзда.

Конечно, эта демонстрація будетъ болѣе внушительной, чѣмъ тѣснѣе будутъ связаны идейныя теченія среди нашихъ правыхъ группъ.

Пожелаемъ Съѣзду успѣха въ его работѣ и пожелаемъ также, чтобы "цензовыя" рамки для участія въ Съѣздѣ были расширены такъ, чтобы каждый рядовой бѣженецъ имѣлъ возможность участвовать въ работахъ Съѣзда. Эти "цензовыя" условія должны быть пересмотрѣны и построены такъ, чтобы никто не могъ заподозрить Съѣздъ въ томъ, что его стратегія и тактика заранѣе выработаны внѣ контроля и участія широкихъ массъ бѣженства.

Къ вопросу о работахъ Съѣзда мы еще вернемся.

П. Никашинъ.

Церковь за рубежомъ.

Идея созыва зарубежнаго церковнаго собора должна была привести къ ряду практическихъ заданій, которыя выводили зарубежную русскую жизнь на путь планомѣрной широкой работы для Церкви и Россіи. Задачи собора, какъ они мыслились константинопольскими его иниціаторами, состояли въ томъ, чтобы объединить распыленную бѣженскую массу — вѣроисповѣдно - единую — въ крѣпкія организмы-приходы, связать ихъ въ одно стройное цѣлое епархіальнымъ управленіемъ, укрѣпить и расширить церковное самосознаніе, поддерживаемое и внѣшней организаціею; закрѣпить въ сознаніи всѣхъ неразрывность съ Церковью внутри Россіи и, опираясь на единство голоса всей зарубежной Церкви звать христіанъ всего міра встать на защиту гонимаго христіанства, вступить въ рѣшительную борьбу съ большевизмомъ.

Партійно - политическихъ заданій здѣсь не было и быть не могло, такъ какъ прежде всего нужно было создать общую христіанскую и церковную базу. А она шире и глубже всѣхъ политическихъ партій и оріентацій, всегда узко - компромисныхъ, лишенныхъ подлинной силы и одушевленія.

Къ несчастью эта основная идея была затемнена. Причиной тому была "Сербія". Въ Сербіи подготовка къ собору и выборы делегатовъ были проведены не по церковнымъ организаціямъ, а по колоніямъ, на ко-

торыя разбились по практическимъ и административнымъ соображеніямъ бѣженцы.

Въ колоніяхъ же только что закончилась ожесточенная борьба между монархическими и лѣвыми группами съ побѣдой монархистовъ и переходомъ власти въ колоніяхъ въ ихъ руки. Это естественно отозвалось на составѣ сербскихъ делегатовъ на соборѣ. Но бѣда была не въ томъ, что вошли монархисты. Людей иного склада мысли и не было на соборѣ. Бѣду составляло стремленіе перемѣстить центръ тяжести съ вопросовъ принципіально и организаціонно церковныхъ на вопросы политическіе и партійные.

Еще большую бѣду составило отчетливое устремленіе использовать Церковь, какъ орудіе, съ пренебреженіемъ къ ея основнымъ цѣлямъ и задачамъ.

Двухсотлѣтняя привычка дала себя знать. Учреждая Синодъ послѣ уничтоженія патріаршества, приставивъ къ Синоду, а по существу поставивъ надъ нимъ, оберъ - прокурора изъ "добрыхъ офицеровъ", Петръ зналъ что лишаетъ Церковь самостоятельности, дѣлаетъ ее орудіемъ своей политики. Отсюда могли получаться и получались такія несообразности, какъ знаменитый докладъ откупщика Кокорева о томъ, что проповѣди духовенства противъ пьянства, отвращая народъ отъ потребленія вина, наносятъ ущербъ казнѣ. Этотъ докладъ вызвалъ сношенія министра финансовъ съ Оберъ-Прокуроромъ и секретный циркуляръ послѣдняго насчетъ ослабленія ревности въ проповѣдяхъ противъ пьянства.

Отсюда вытекали предписанія разъяснять въ проповѣдяхъ необходимость содержать въ надлежащемъ санитарномъ порядкѣ дома и дворовыя службы въ холерные годы.

Изъ этого же принципа использованія церкви родилось стремленіе держать въ рукахъ архіереевъ, приказывать черезъ нихъ попамъ, а стадо должно слушаться, такъ какъ говорятъ пастыри церкви.

Кто знаетъ исторію и бытъ православной русской церкви, кто знаетъ невыплаканныя слезы и неизгладимыя страданія — и неисчислимыя бѣды, причиненныя всей Россіи этой системой, тому будетъ ясно, почему на Карловацкомъ соборѣ рѣзко обозначились двѣ линіи совершенно противоположныхъ и дѣлившихся именно на этомъ, а не на какомъ либо другомъ пунктѣ.

Разногласія начались съ перваго шага: съ отвѣта на привѣтствія, присланныя собору. Среди нихъ было привѣтствіе ген. Врангеля отъ имени арміи. Въ текстъ отвѣта политиканствующая группа собора стремилась внести подчеркнутыя выраженія монархическихъ настроеній.

Противники этой группы заявляли, что они открыто исповѣдуютъ свои монархическіе и партійные взгляды, но не считаютъ возможнымъ дѣлать это отъ имени церкви, которая стоитъ внѣ и выше всѣхъ партій. Она можетъ привѣтствовать и благословлять тѣ или иныя дѣйствія,

посколько они отвѣчаютъ церковнымъ интересамъ и законамъ по существу, но входитъ въ политическіе споры и въ партійную борьбу не ея дѣло. Одолѣло въ концѣ концовъ церковное теченіе, но выяснилась глубокая непроходимая рознь между двумя группами. Одну изъ нихъ составляло большинство духовенства и міряне, посланные отъ приходовъ, другую—меньшинство духовенства и міряне главнымъ образомъ сербскихъ колоній.

Правильность пониманія того, что суть дѣла въ использованіи церкви была подтверждена крылатымъ словомъ Митрополита Антонія. Къ нему пришли пишущій эти строки, Н. Ѳ. Кавасковъ и В. К. Чистяковъ и повели бесѣду о томъ, что принятіе политическихъ рѣшеній соборомъ вовлечетъ церковь въ партійную борьбу и создастъ раздоры, вредные для нея.

—Кто теперь озабоченъ церковью—пессимистически замѣтилъ Владыка—три архіерея, пять священниковъ, да нѣсколько мірянъ? Остальные — хотятъ ее использовать — и правые и лѣвые. Такъ пусть лучше пользуютъ правые.

Согласиться съ этимъ пессимизмомъ было трудно, не признать факты невозможно.

Слѣдующимъ вопросомъ на соборѣ былъ вопросъ о соборномъ посланіи.

Вопросъ этотъ сталъ кардинальнымъ. На него ушла вся энергія, и все время.

Цѣлый рядъ общихъ собраній и частныхъ совѣщаній ушелъ на безконечные, съ огромнымъ напряженіемъ проходившіе дебаты.

Церковная группа настаивала на томъ, что соборное посланіе должно быть строго церковнымъ.

Политическая группа требовала, чтобы въ посланіи были отчетливо проведены два принципа: монархическій и легитимный.

Проектъ воззванія былъ выработанъ, пріемлемый для церковной группы, а политическія группа внесла поправку.

При голосованіи церковная группа, отнюдь не отрицавшая ни монархическихъ, ни легитимныхъ принциповъ, не желая, чтобы голосованіе противъ поправки было дурно истолковано, отъ голосованія воздержалась. Такихъ воздерживающихся было 5 епископовъ съ митрополитомъ Евлогіемъ и арх. Анастасіемъ во главѣ, 15 священниковъ и 11 мірянъ.

На другой сторонѣ голосовали 6 епископовъ съ митрополитомъ Антоніемъ, 5 священниковъ и 43 мірянина.

"Пощадите церковь!" — слышится мнѣ и сейчасъ неоднократно повторенный тогда возгласъ и призывъ митрополита Евлогія.

Большинство побѣды не торжествовало;она и тогда казалась, а потомъ оказалась, Пирровой. Чувствовалось, что побѣдило механическое большинство, а не церковныя правды.

Церковные по существу вопросы были кое какъ и наспѣхъ продвинуты и остались мертвой буквой въ памяти его участниковъ: въ жизни они не отразились ничѣмъ и никѣмъ.

И жизнь не приняла Карловацкаго собора. Его постановленія были кое какъ оглашены въ печати, но не въ церквахъ, и никакого проведенія въ жизнь не видѣли.

Жизнь еще болѣе жестоко показала правоту церковной группы: партійное дѣленіе эмиграціи не уменьшилось, а увеличилось до непримиримыхъ крайностей. Нетрудно себѣ представить, какое цвѣтеніе дала бы церковная жизнь, если бы церковь, слѣдуя партійной розни, имѣла вѣтви "николаевскую", "кирилловскую", "республиканскую" и т. д.

Патріархъ Тихонъ не утвердилъ потсановленій Карловацкаго собора и не призналъ избраннаго имъ Высшаго Церковнаго Управленія. Взамѣнъ этого архіепископъ Евлогій былъ возведенъ въ санъ митрополита, ему поручено управленіе церковными общинами въ Западной Европѣ и предложено: выработать проектъ церковнаго управленія въ европейскихъ странахъ и предоставить на патріаршее утвержденіе. Какъ отозвались на Москвѣ дѣянія Карловацкаго собора, можно судить по слѣдующей горькой фразѣ патріарха въ письмѣ къ одному видному церковному лицу за рубежомъ: "Чего отъ меня хотятъ зарубежные архіереи — моей головы? Я ее отдамъ, но Церкви не отдамъ".

Въ церковныхъ кругахъ за рубежомъ въ первый моментъ послѣ полученія патріаршаго распоряженія господствовало настроеніе всецѣлаго и безъ колебаній подчиненія волѣ Патріарха. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ телеграмма митрополита Антонія митрополиту Евлогію, очень короткая и ясная: "Воля патріахра должна быть исполнена".

Въ августѣ 1922 года былъ созванъ архіерейскій соборъ ,чтобы установить дальнѣйшій порядокъ церковной жизни. Митрополитъ Евлогій не использовалъ своего административнаго права единолично, а повелъ дѣло соборне.

Рѣшеніе, къ сожалѣнію, было принято компромиссное и крайне неудачное: былъ организованъ — впредь до выработки митрополитомъ Евлогіемъ и утвержденія патріархомъ постоянной формы, временный архіерейскій Синодъ въ составѣ епископовъ, находящихся въ Европѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Антонія, при чемъ митрополитъ Евлогій входитъ рядовымъ членомъ въ этотъ Синодъ.

Трудно придумать что либо болѣе неудачное по строенію и тягостное въ проектѣ. Митрополитъ Евлогій, получившій полномочія отъ патріарха и передъ нимъ отвѣтственный становится въ подчиненіе лицъ, епархіальную компетенцію коихъ онъ долженъ утверждать, при чемъ большинство изъ нихъ даже не управляетъ общинами, а живетъ въ качествѣ гостей Сербіи.

Здѣсь внутреннее и безисходное противорѣчіе. Несомнѣнно, что

на принятіе такого рѣшенія повліяло имя митрополита Антонія, его авторитетность, воспоминаніе о кандидатурѣ въ патріархи и вообще строго поддерживаемый въ церковныхъ кругахъ обычай почитанія старѣйшаго.

Но въ данномъ случаѣ обычно и бытовому такту было принесено въ жертву и точное исполненіе патріаршей воли, и необходимость ради пользы церковной дѣйствовать твердо и рѣшительно.

Отсюда — начало болѣзней, которыми страдаемъ и до настоящаго дня.

І. Никаноровъ.

Къ судьбѣ русскаго золота.

Чтобы наши читатели поняли значеніе нашей кампаніи, напомнимъ имъ происхожденіе русскаго золотого фонда. Еще министръ финансовъ Рейтернъ въ 1862 г. хотѣлъ ввести въ Россіи золотое обращеніе вмѣсто бумажнаго (по примѣру Англіи, сдѣлавшей это въ 1819 г.), но Польское возстаніе помѣшало ему осуществить эту реформу. И только въ 1877 г. онъ могъ добиться того, что таможенные сборы уплачивались золотомъ — по примѣру Соед. Штатовъ, Италіи, Австро - Венгріи. Затѣмъ цѣлый рядъ мѣръ оздоровленія нашихъ финансовъ, предпринятыхъ послѣдовательно Абазою, Бунге, Вишнеградскимъ и Витте, имѣли результатомъ постепенное накопленіе золотого запаса, которое и дало возможность С. Ю. Витте произвести свою монетную реформу и создать золотую единицу — рубля равнаго 2 фр. 6667 сант. (въ 1897 г.). Втеченіе пятнадцати лѣтъ (1883-1897 г.г.) накопленіе нашего золотого фонда въ Россіи и заграницей шло безпрерывно — въ 1883 г. 264 милліона рублей, — въ 1897 г. 1.095 милліоновъ рублей.

Благодаря этому запасу, а затѣмъ желѣзнодорожнымъ займамъ и вывозу, нашъ золотой фондъ равнялся наканунѣ войны 1.604 милл. руб., не считая нашихъ золотыхъ вкладовъ въ разныхъ банкахъ заграницей. Въ 1914 г. нашъ золотой запасъ, по даннымъ В. Новицкаго, б. тов. министра финансовъ (см. его очеркъ въ интересномъ сборникѣ: «La dette Publique de la Russie », Payot, Paris 1922) равнялся 1.695 милліонамъ рублей. Но наша оторванность отъ Европы (отъ союзниковъ), необходимость имѣть заграницей значительныя суммы для платежей по займамъ и по военнымъ заказамъ и невозможность въ первые мѣсяцы войны обезпечить себя необходимыми кредитами у союзниковъ, вынудили наше правительство прибѣгнуть къ помощи этого фонда — гордости гр. Коковцева, много поработавшаго для его увеличенія.

Первая посылка нашего золота — по соглашенію русскаго и вели-

кобританскаго правительства — въ суммѣ 8 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ имѣло мѣсто въ октябрѣ 1914 г. и чуть ли не кончилось трагически. Для соблюденія строжайшаго секрета по этой операціи, были приняты исключительныя мѣры предосторожности. Крейсеръ *Дрэкъ* и военный транспортъ *Мэнтойсъ* прибыли въ Архангельскъ и бросили якорь въ 30 миляхъ отъ берега, откуда ночью на баржахъ золото и было перевезено на суда. Несмотря на эти предосторожности, нѣмцы провѣдали о перевозкѣ и ихъ подводныя лодки посѣяли мины по пути слѣдованія *Дрэка* и *Мэнтойса*. Военныя суда, конвоировавшія транспортъ, пострадали, но золото все же было доставлено по назначенію (въ Ливерпуль).

Русское правительство не пожелало больше подвергать новому риску дальнѣйшія пересылки, которыя и направлялись затѣмъ по сибирскому пути на Владивостокъ, а оттуда на японскихъ крейсерахъ на Ванкуверъ и Канаду.

Новое финансовое соглашеніе затянулось на долго. Великобританія требовала отъ Россіи взамѣнъ кредита въ 200 милліоновъ фунт. стерл., необходимаго ей для уплаты, главнымъ образомъ, по заказамъ, — присылки 40 милл. фунтовъ стерл. изъ русскаго золотого фонда. Наше правительство долго не соглашалось и согласилось лишь тогда, когда и Франція, взамѣнъ и въ обезпеченіе полученныхъ ею кредитовъ, тоже согласилась вывозить и свое золото.

Эти новые 40 милл. фунт. стерл. были вывезены: 10 милл. въ декабрѣ 1915 г., 10 милл. въ іюнѣ и 20 милл. въ ноябрѣ 1916 г. (черезъ Японію и Канаду) на японскихъ военныхъ судахъ и подъ военнымъ японскимъ эскортомъ. Такимъ же образомъ въ февралѣ 1917 г., наканунѣ революціи — по новому соглашенію — было вывезено еще 20 милл. фунтовъ стерл. Русскій золотой запасъ уменьшился, стало быть, наканунѣ революціи на 68 милл. фунтовъ стерл., то есть на 640.200.00 рублей зол.

Кромѣ того, Временное правительство осенью 1917 г., наканунѣ большевистскаго переворота, рѣшило открыть необходимые ему кредиты въ Швеціи и перевезло 4.850.000 руб. зол., которые должны были лежать въ Шведскомъ Риксбанкѣ точно также, какъ и наше золото въ Лондонѣ, которое должно было вернуться къ намъ по уплатѣ нашихъ долговъ по открытымъ намъ кредитамъ. Такимъ образомъ, въ моментъ захвата власти большевиками, нашъ золотой фондъ равнялся 1.164 мил. рублей зол. слишкомъ (3.104.000.000 фр.), которые хранились — половина въ Москвѣ и Петроградѣ, а другая половина въ Самарѣ, а затѣмъ въ Казани.

Что стало съ этимъ фондомъ?

(Продолженіе слѣдуетъ)

Е. С.

Южинъ и Малый театръ.

Александръ Ивановичъ Южинъ (кн. Сумбатовъ) отдыхаетъ на Ривьерѣ, поправляется и чувствуетъ себя бодрѣе. Онъ опять принялся за литературную работу, написалъ интересную статью "Драматургъ и драматическій театръ" для книги, которая выйдетъ въ Парижѣ, и собирается писать пьесу.

Я недавно видѣлъ А. И. Южина и хочу подѣлиться съ читателями его мнѣніями, — мыслями объ искусствѣ, объ актерахъ и, главнымъ образомъ, о Домѣ Щепкина, т. е. о Маломъ Театрѣ въ Москвѣ, и пр.

Предупреждаю, что это клочки изъ нашей дружеской бесѣды, не отвѣчающей формѣ оффиціальнаго интервью. Да, интервью — это именно что-то оффиціальное, связывающее того, кого допрашиваютъ: онъ боится проронить лишнее слово. Дузе, будучи въ послѣдній разъ въ Парижѣ, въ октябрѣ 1923 года, сказала, что интервью для артистовъ опасны, что они приносятъ часто неожиданные сюрпризы, что эти бесѣды превращаются въ ловушку. Цитирую на память слова покойной теперь итальянской артистки.

Интервью для Южина прежде всего утомительны. Мы говорили съ нимъ, не думая о печати, хотя Южинъ не возражалъ противъ моего желанія использовать кое что изъ нашего разговора, когда представится случай.

Южинъ на Ривьерѣ, но его душа и сердце переполнены Москвой и Малымъ театромъ.

— Малый театръ, — говоритъ онъ, больше и больше меня радуетъ. Тамъ скопились талантливые люди. Я озабоченъ театромъ вообще и всѣ мои силы отдаю Малому театру и поддержкѣ русскаго актерства. Горюю о томъ, что требуется продолжительное леченіе, требуется долгій отдыхъ, разлучающіе меня съ Малымъ театромъ, съ семьей его актеровъ, моихъ сотрудниковъ. Работа Малаго театра — громадна, классическія постановки послѣднихъ лѣтъ — "Марія Стюартъ" съ В. Пашеной, Яблочкиной и Остужевымъ, "Юлій Цезарь" съ Садовскимъ, Ленинымъ и Остужевымъ. Весь Островскій имѣетъ исключительныхъ исполнителей, какъ напримѣръ, Климовъ, Н. Яковлевъ, Васенинъ, Головинъ, Костромской, Рыковъ, Нароковъ, Айдаровъ; Турчанинова, Найденова, Массалитинова, Рыжова. Наконецъ, въ прошломъ году Лешковская создала роли Торцовой въ "Бѣдность не порокъ" и Гурмыжской въ "Лѣсѣ". Эти послѣднія созданія скончавшейся недавно артистки были безподобны. Пашенной очень удалась роль Евгеніи въ пьесѣ "На бойкомъ мѣстѣ" и затѣмъ роль распутной дѣвки въ пьесѣ Горькаго "Старикъ".

Перечисляя основныя силы Малаго театра, такъ сказать китовъ, на которыхъ онъ держался, Южинъ упомянулъ, конечно, о славной М. Н. Ермоловой и... и только, потому что остальныхъ уже нѣтъ. Онъ забылъ, впрочемъ, по свойственной ему скромности, — А. И. Южина.

Отмѣчая культурную продуктивность современнаго Малаго Театра, Южинъ сообщилъ мнѣ, что ежегодно тамъ ставятъ пять или шесть новыхъ пьесъ, изъ которыхъ двѣ или три классическаго репертуара, русскаго или иностраннаго. Примѣрно, въ сезонѣ 24 и 25 г.г. "Отелло", "Заговоръ Фіеско въ Генуѣ", Тургеневскій спектакль ("Нахлѣбникъ", "Завтракъ у предводителя"), "Волчьи души" Джека Лондона и др.

— Помимо этого, — объяснилъ мнѣ Южинъ, — у меня есть постоянный репертуаръ театра, — двадцать почти пьесъ. Списокъ ихъ виситъ на стѣнѣ. Ихъ можно ставить, когда угодно, безъ репетицій.

Я поинтересовался узнать у А. И., имѣется-ли въ его распоряженіи молодежь, подающая надежды, которой придется придти на смѣну уходящимъ?

— Могу назвать Гоголеву, Белевцеву, Полякову, Кашперову. Онѣ успѣли уже выдвинуться и подтвердить возложенныя на нихъ надежды.

Южинъ указалъ мнѣ еще на своихъ сотрудниковъ режиссеровъ — И. С. Платона и Волконскаго, человѣка съ фантазіей. Съ сожалѣніемъ А. И. говоритъ о томъ, что театръ оставилъ, хотя бы и временно, такой исключительный режиссеръ, какъ А. А. Санинъ.

По мнѣнію А. И. Южина, всѣ роды искусства имѣютъ право на существованіе, но государство, режиссеры и актеры обязаны беречь и охранять именно театръ мысли, рѣчи и образовъ.

Въ тотъ день, когда мы бесѣдовали съ А. И. на Ривьерѣ, въ Ниццѣ была назначена къ представленію опера "Воскресенье" (по Толстому). Южинъ припомнилъ свою встрѣчу въ Москвѣ со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ и разговоръ по поводу только что поставленной тогда въ Парижѣ драмы "Воскресенье".

— Я не могу признать передѣлокъ, — сказалъ Левъ Николаевичъ. Если бы я видѣлъ "Воскресенье" въ драматической формѣ, я бы написалъ пьесу, а не предпочелъ бы форму романа.

Старикъ, — вспоминаетъ Южинъ, — былъ очень хмуръ.

Левъ Николаевичъ, не признавая передѣлокъ, какъ я знаю, не возражалъ противъ сокращенія его пьесъ актерами. Онъ самъ просилъ помогать ему въ тѣхъ случаяхъ, когда сокращеніе диктуется сценическими условіями. Такъ было при постановкѣ "Власти тьмы". Еще дальше въ этомъ отношеніи шелъ Тургеневъ, какъ не разъ подтверждали мнѣ М. Г. Савина, Н. С. Васильева, Н. Ѳ. Сазоновъ и др. Онъ просилъ ихъ сокращать его пьесы, не совѣтуясь съ нимъ.

Мы живемъ въ то время, когда случается наблюдать не сокращеніе

чужого драматическаго произведенія, а дополненіе его и даже замѣну одного дѣйствующаго лица другимъ.

Я помню, когда дореволюціонная драматическая цензура заставляла упразднять дѣйствующихъ лицъ или влагала въ ихъ уста иныя рѣчи и слова, предписывая по другому мыслить и думать.

Не подражаютъ ли современные режиссеры съ необузданной фантазіей старой цензурѣ? Они превосходятъ ее.

Я примирюсь съ возстаонвленіемъ въ пьесѣ лица, извращеннаго и заграмированнаго прежней цензурой, но при непременномъ условіи документальныхъ подтвержденій, что это было именно такъ, что это былъ принужденный маскарадъ. Опираться въ аналогичныхъ случаяхъ на ходячія въ обществѣ легенды и преданія — нельзя. Сохраните и оберегайте деликатность и, тѣмъ болѣе, относительно творчества умершихъ корифеевъ слова, которые не могутъ сказать вамъ: не грѣшите!

Съ особенной радостью привѣтствую слова А. И. Южина объ обязанности всѣхъ беречь театръ мысли, рѣчи и образовъ.

Да и кто не подпишется подъ этими словами любимаго и вѣрнаго друга театра и литературы?

Справедливо будетъ сказать, что Домъ Щепкина всецѣло сохранилъ свои завѣтные идеалы и избѣгъ вторженія въ него нежелательныхъ, болѣзненныхъ, кривляющихся нео-режиссеровъ, благодаря Александру Ивановичу Южину.

Онъ былъ и остался независимымъ и убѣжденнымъ руководителемъ Малаго Театра и не мѣнялъ путей, проложенныхъ его славными предшественниками.

Подтвержденіемъ того, что Малый Театръ и понынѣ остается любимымъ Москвой, можетъ служить письмо г. Луначарскаго, которое было прочитано въ этомъ году на празднованіи сорокалѣтняго юбилея актера Рыжова. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого письма: "Путь, по которому идетъ Малый Театръ — это самый вѣрный путь. И это подтверждается тѣмъ интересомъ, который замѣчается у публики къ этому театру. По послѣднимъ даннымъ о сборахъ извѣстно, что больше всѣхъ театровъ продаетъ билетовъ Малый Театръ, а другіе наполняются безплатной публикой".

Слова г. Луначарскаго весьма показательны и убѣждаютъ въ равнодушіи современной Москвы къ новѣйшимъ безцеремоннымъ опытамъ въ области драматическаго театра. До чего доходятъ эти опыты — мы знаемъ, они періодически свидѣтельствуютъ, какъ чутокъ и правъ Александръ Ивановичъ Южинъ и какъ высоко котируетъ публика Домъ Щепкина.

Воспользовавшись бесѣдой съ А. И. Южинымъ, я заговорилъ съ нимъ о скончавшейся недавно Гликеріи Николаевны Ѳедотовой.

Ѳедотова представляла собой крупную часть той славы, которой по наслѣдству владѣетъ Малый Театръ.

О послѣднемъ своемъ свиданіи съ угасавшей Ѳедотовой, Южинъ вспоминаетъ съ навертывающимися слезами на глазахъ.

— Предо мной лежала въ постели не прежняя Гликерія Николаевна, она какъ то сжалась, совсѣмъ исхудала.Вся жизнь Гликеріи Николаевны въ этотъ моментъ сосредоточивалась только въ ея глазахъ. Эти глаза были еще полны жизни и блеска. Тѣла не было, былъ только духъ, напоминавшій о той красивой оболочкѣ, въ которую раньше была облечена эта красивая душа. Ѳедотова болѣла семь лѣтъ.

Южинъ припомнилъ разсказы Гликеріи Николаевны о томъ, какъ она бывала у Щепкина, какъ онъ благословилъ ее на бракъ, когда она ѣхала вѣнчаться. Послѣднее свиданіе Южина съ Ѳедотовой происходило наканунѣ столѣтія Малаго Театра, въ ея квартирѣ на Чистыхъ Прудахъ, гдѣ она и скончалась. Самъ Александръ Ивановичъ тогда серьезно заболѣлъ и не могъ посѣщать ее. Будучи у нея предъ юбилеемъ театра, онъ просилъ знаменитую актрису принять на себя, вмѣстѣ съ М. Н. Ермоловой и Е. К. Лешковской, почетное предсѣдательство на дорогомъ всѣмъ праздникѣ. Портреты ихъ были повѣшены въ залѣ Малаго Театра, гдѣ происходило торжественное засѣданіе. Были прочитаны письма почетныхъ предсѣдательницъ.

Южинъ перечислилъ мнѣ главныя роли Ѳедотовой, начиная съ Катерины въ "Грозѣ". При этомъ онъ вспомнилъ интереснѣйшій разсказъ Гликеріи Николаевны по поводу этой роли. Ѳедотовы, послѣ свадьбы ѣздили по Волгѣ и, когда пароходъ остановился въ Плесѣ, подъ Костромой, они вышли погулять и посмотрѣть городокъ.

— Видимъ семью, идущую передъ нами, — говорила Ѳедотова... Вижу семью Кабановыхъ... впереди бойкая дѣвушка... изъ подъ кокошника блестѣлъ бойкій глазокъ Варвары..., а рядомъ... смотрю — Катерина идетъ съ опущенными глазами, поразительно статная, красивая и все время вѣки у нея дрожатъ... чувствуется нервность. Рядомъ мужъ. Увидѣвъ насъ, она схватила мужа за руку. Да, Катерина живая идетъ со всей семьей... Вотъ откуда, — продолжала Г. Н. Ѳедотова, — зародилась моя Катерина.

Южинъ вспоминалъ еще роли Ѳедотовой...

— Василиса Мелентѣева, Лидія ("Бѣшенныя деньги"), Маргарита Готье... Ѳедотова смотрѣла въ этой роли Сару Бернаръ и просила перевести и поставить пьесу. "Маргарита Готье" дѣлала огромные сборы и шла подъ названіемъ: "Какъ поживешь, такъ и просылвешь". Надъ этимъ наивнымъ названіемъ пьесы тогда подтрунивали... Далѣе... Медея (пер. Суворина и Буренина)... Марьица въ "Каширской старинѣ", Аверкіева...

"Каширская старина" имѣла въ Москвѣ исключительный успѣхъ, благодаря прежде всего испонителямъ. Я, будучи мальчикомъ, присутствовалъ на ея представленіи. Южинъ говоритъ, что первые акты передавали всѣ актеры, шли на первомъ представленіи слабо, надви-

гался какъ будто провалъ пьесы. Уборная Ѳедотовой была у лѣсенки, которая вела изъ оркестра на сцену Малаго Театра. Сюда вошелъ мужъ Ѳедотовой, А. Ф. Ѳедотовъ, съ которымъ у Гликеріи Николаевны начинался разладъ. Онъ замѣтилъ ей: "Если не умѣешь играть драматическихъ ролей, не надо и браться..." — Гликерія Николаевна разсердилась и, благодаря этому раздраженію, удивительно сыграла драматическую сцену, когда Марьица узнаетъ, что любимый ею Василій женатъ.

Южинъ припоминалъ еще роли Гликеріи Николаевны въ пьесахъ Ник. Потѣхина "Нищіе духомъ", "Мертвая петля", въ "Блуждающихъ огняхъ" Антропова, въ пьесахъ самого А. И.: "Цѣпи" (роль Волынцевой), "Арказановы" (роль Арказановой) и др. Пьеса Сумбатова "Дочь Вѣка, гдѣ должна была выступить Ѳедотова, по цензурнымъ соображеніямъ не была одобрена литературно - театральнымъ комитетомъ и увидѣла сцену въ 1882 году.

Замѣчательна была Ѳедотова въ роли королевы въ испанской драмѣ "Сумасшествіе отъ любви". Въ этой пьесѣ съ ней игралъ А. И. Южинъ. Спектакль происходилъ въ Большомъ театрѣ. Александру Ивановичу принесли извѣстіе о смерти отца въ Тифлисѣ. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ онъ заканчивалъ спектакль. Южинъ часто игралъ съ Ѳедотовой ("Антоній и Клеопатра", "Макбетъ", "Марія Стюартъ", "Коріоланъ", Сѣверные богатыри" и пр.).

Александръ Ивановичъ говоритъ про Г. Н. Ѳедотову, что это величайшій учитель сцены, огромный талантъ, продолжательница завѣтовъ Малаго Театра, колоссальная актриса сценической красоты, великаго мастерства и глубокихъ переживаній.

Играя съ Ѳедотовой въ пьесѣ Островскаго "Безъ вины виноватые", послѣ сцены прощанія, Южинъ увидѣлъ, что вся грудь его была влажная отъ ея слезъ.

— Какъ вы достигаете этого Гликерія Николаевна? — спросилъ молодой тогда Южинъ знаменитую актрису.

— Другъ мой, это со мной дѣлается... Я не думала объ этомъ.

И сколько разъ онъ не игралъ съ ней эту сцену, ручьи слезъ лились изъ глазъ разстроганной Гликеріи Николаевны.

Эти отрывки воспоминаній Александра Ивановича цѣнны каждому, кто дорожитъ русскими талантами, кто любитъ ихъ и гордится ими.

А. И. Южинъ — одинъ изъ этихъ талантовъ.

А. Плещеевъ.

Начало Корниловскаго движенія.

V

"— Чтобы представить себѣ, какъ поставлена была германскимъ штабомъ эта работа, достаточно привести одинъ примѣръ. Петербургское "возстаніе" большевиковъ 3-5 іюля застало меня на западномъ фронтѣ у Молодечно, гдѣ войска наши готовились перейти въ наступленіе. Здѣсь, во время обхода передовыхъ позицій, гдѣ еще ничего не было извѣстно о событіяхъ въ Петербургѣ, одинъ изъ моихъ адъютантовъ отобралъ у кучки солдатъ свѣженькій номеръ, издававшейся въ Вильнѣ германскимъ штабомъ для русскихъ солдатъ газеты "Товарищъ". Въ этомъ отобранномъ номерѣ въ статьѣ "Россія и наступленіе", помѣченной "Петроградъ 3 іюля (20 іюня стараго стиля) П.Т.А.) говорилось со страннымъ предвидѣніемъ буквально слѣдующее: "Согласно извѣстіямъ изъ Россіи, наступленіе русскихъ въ Галиціи вызвало среди русскаго народа сильное возмущеніе.

"Во всѣхъ большихъ городахъ собираются толпы народа, протестуя противъ массового убійства сыновъ Россіи. Негодованіе противъ англичанъ, которыхъ всѣ считаютъ зачинщиками и виновниками продолженія ужасовъ войны, возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Керенскаго явно называютъ измѣнникомъ народа. Въ Москвѣ, куда были призваны казаки съ цѣлью усмиренія возмущеннаго народа, состоялись громадныя манифестаціи. Нынѣшнее положеніе не можетъ долго продолжаться. "Русское Слово" сообщаетъ, что осадное положеніе въ Петроградѣ въ послѣдніе дни было усилено. Въ теченіе послѣдней недѣли было арестовано очень много крайнихъ лѣвыхъ соціалистовъ.

Газета сообщаетъ, что вожаки крайнихъ лѣвыхъ должны были покинуть Петроградъ и уѣхать внутрь Россіи".

Понятно, на какую подготовленную почву попало черезъ нѣсколько дней въ этихъ же окопахъ уже русское извѣстіе о дѣйствительныхъ Петербургскихъ безпорядкахъ 3 - 5 іюля, изображавшихся въ извѣстной и очень распространенной на фронтѣ русской печати, какъ возстаніе пролетаріата противъ продавшагося капиталистамъ Англіи и Франціи правительства "измѣнника Керенскаго". Такая же атака въ лобъ и съ тыла на русскую солдатскую массу шла на всемъ фронтѣ отъ Карпатъ до Риги".

Такъ разсказываетъ, повторяю, самъ Керенскій. Но что сдѣлалъ онъ, чтобы бороться въ самомъ началѣ съ предательствомъ, и съ анархіей? Онъ отказался арестовать главныхъ предателей, какъ мы увидимъ. Ни онъ, ни Гучковъ для борьбы съ измѣной ничего не сдѣлали, не сдѣлали даже того, что сдѣлалъ адмиралъ Колчакъ въ Севастополѣ, гдѣ онъ въ это время командовалъ флотомъ.

Я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на Севастополѣ, чтобы попутно показать роль этихъ предателей на Югѣ.

Вотъ что разсказываетъ А. И. Верховскій въ своей книгѣ "Россія на Голгофѣ" (Изъ походнаго дневника 1914 - 1918 г.). Верховскій былъ въ это время — первые дни революціи — начальникомъ штаба дивизіи, формировавшейся для совмѣстныхъ съ флотомъ операцій на берегахъ Чернаго моря:

Въ Севастополѣ.

"3 марта. Севастополь.

Нѣкоторыя роты отказались идти въ караулъ и на занятія. Въ солдатской массѣ идетъ броженіе. Бродитъ, кипитъ темная масса. Если мы, офицеры, останемся пассивными, то разрывъ отношеній офицера и солдата неизбѣженъ. Они глядятъ на насъ волками и въ глазахъ вопросъ: ну, что же вы, офицеры, съ нами вы или противъ насъ?

Нашъ командующій флотомъ адмиралъ Колчакъ поступилъ превосходно. Чувствуя наростающее на корабляхъ и въ полкахъ волненіе, онъ приказалъ прибыть къ нему по два выборныхъ отъ корабля и полка. Долго и обстоятельно говорилъ съ ними, просто и откровенно разсказалъ все, что произошло въ Петроградѣ и въ заключеніе намѣтилъ свою главную цѣль: "передъ лицомъ врага сохранить боевую силу Черноморскаго флота". Делегаты встрѣтили его рѣчь очень сочувственно. Они сами еще не знаютъ толкомъ, что они должны дѣлать и къ чему стремиться. Рѣчь адмирала сразу дала направленіе умамъ. Мы всѣ здѣсь очень любимъ нашего адмирала. Это настоящій солдатъ ,смѣлый и рѣшительный, горячій неутомимый боецъ, любимый своими командами. Этотъ шагъ его сразу опредѣлилъ основную линію поведенія массъ. Вмѣсто борьбы они встрѣтили довѣріе, доброжелательство, встрѣтили и разумное руководство. Вмѣсто того, наростающая революціонная энергія направлялась на борьбу съ властью, она направится на подавленіе анархическихъ силъ, выростающихъ изъ глубинъ недовѣрчивой массы.

"6 марта. Парадъ и молебствіе вышли чрезвычайно кстати, прошли очень торжественно, при яркомъ свѣтѣ уже горячаго теперь весенняго солнца. Многолѣтіе, крики ура, толпы народа. Этотъ праздникъ дѣйствительно отвѣтилъ настроенію массъ, такъ какъ чувствовался дѣйствительный подъемъ, наростающая радость.

Однако, вечеромъ мои друзья сообщили мнѣ, что главная цѣль — разрушить недовѣріе къ офицерству — достигнута не была. Характерно, что наши полки взяли на пароходъ боевые патроны, на тотъ случай, если народъ окажется ловушкой и ихъ начнутъ разстрѣливать изъ пулеметовъ. Вотъ оно — истинное настроеніе массъ.

"7 марта, Севастополь. Здѣсь уже совсѣмъ весна. Тепло и море

голубое блещетъ, искрится на солнцѣ. Массы народа собираются на улицахъ и говорятъ, говорятъ...

Какъ бомба съ ядовитыми газами, упалъ къ намъ приказъ *номеръ первый*. Будь проклятъ человѣкъ, придумавшій эту гадость.

Что сдѣлалъ онъ арміи, что сдѣлалъ онъ Россіи? Вѣдь, теперь чернь получила языкъ, которымъ она можетъ говорить.

Вѣдь что бы не дѣлала масса, она непремѣнно хочетъ имѣть идею или идейку, которая давала бы красивое обоснованіе ея поступкамъ. Теперь желаніе отдѣлаться отъ суровыхъ требованій дисциплины, тяжелаго военнаго долга облегчены для солдатъ въ форму борьбы за "свободу" со своими собственными офицерами. За такую помощь господа въ Берлинѣ принесутъ свою искреннюю благодарность. Едва ли только за это поблагодаритъ Россіи.

"8 марта, Севастополь. Мы можемъ, конечно, стать въ сторонѣ. О, тогда революціонное движеніе пойдетъ своимъ анархическимъ ходомъ. Но мы можемъ пойти и бороться и, мнѣ кажется, именно это мы и должны сдѣлать. У солдатъ создается сейчасъ организація, мы должны войти въ нее и, внеся свое культурное вліяніе, добиться того, чтобы революція не погубила армію. Командующій флотомъ собралъ общее собраніе офицеровъ флота и гарнизона. И вотъ въ народномъ залѣ морского собранія, гдѣ такъ еще недавно моряки, придя съ похода на Босфоръ, забывали мглу и сѣдыя волны непривѣтнаго моря въ зимнюю пору, собрались офицеры подумать, что дѣлать? Настроеніе было тревожное. Тревога была за боевую силу, ввѣренную намъ Россіей, которой грозила опасность, большая, чѣмъ отъ снарядовъ врага. За стѣнами зала поднимался первый грозный валъ революціи. Масса глухо волновалась и никто не могъ поручиться за то, что случится черезъ часъ. Только что было получено извѣстіе о бунтѣ на Балтійскомъ флотѣ, о трагической гибели командующаго флотомъ, адмирала Непенина и 23 офицеровъ, убитыхъ своими собственными матросами.

Собраніе открылось рѣчью адмирала Колчака, кратко изложившаго обстановку и предложившаго обдумать, что офицерамъ дѣлать дальше. Впервые въ залѣ офицерскаго собранія свободно звучала рѣчь о политическихъ вопросахъ. Горячій откликъ, бурю оппозиментовъ вызывали заявленія о томъ, что и мы, офицеры, радостно привѣтствуемъ побѣду идеаловъ свободы и правды надъ населеніемъ и угнетеніемъ самодержавнаго строя, огонь зажженный офицерами - декабристами, никогда не умиралъ въ офицерскомъ корпусѣ.

Особенно горячо былъ встрѣченъ призывъ не оставаться въ такую минуту пассивными и, ради спасенія боеспособности кораблей и полковъ, присоединиться къ движенію, нароставшему въ Севастополѣ. Для этого былъ срочно избранъ исполнительный комитетъ, которому поставлена задача войти въ связь съ возникавшей матроско - солдатской организаціей, вмѣстѣ съ ней привѣтствовать пріѣзжавшаго въ тотъ же

вечеръ въ Севастополь члена Государственной Думы Тулякова и затѣмъ ѣхать въ Петроградъ заявить Временному Правительству, что Севастополь присоединяется къ перевороту .

Пока шли выборы, въ залъ собраній донесся шумъ приближающейся толпы. Солдаты, матросы, рабочіе шли, возбужденные слухами о "контр. - революціонномъ" собраніи офицеровъ, шли спросить офицеровъ: съ нами вы или противъ насъ? Но у насъ отвѣтъ былъ уже готовъ. Наша делегація вышла на балконъ. Злоба утихла, лучшія силы взяли верхъ, и толпа привѣтствовала своихъ офицеровъ".

Такъ продолжаетъ свой дневникъ А. И. Верховскій. Мы увидимъ дальше и другія усилія адмирала Колчака и его сотрудниковъ, не растерявшихся и пытавшихся спасти хотя бы военную мощь Россіи.

"Въ тотъ же вечеръ мы встрѣтились на вокзалѣ съ представителями солдатъ и матросовъ, вышедшихъ, какъ и мы, встрѣтить петроградскаго гостя, посланнаго къ намъ, чтобы помочь устроиться въ новыхъ условіяхъ жизни, а главное,, я думаю, чтобы предотвратить исторію Балтійскаго флота. Встрѣча съ солдатскими делегатами меня очень поразила.

Кто могъ знать, кого они выберутъ, какъ выявится въ этомъ первомъ самостоятельномъ шагѣ свободная воля народа? Я боялся встрѣтить узкихъ, озлобленныхъ непримиримыхъ людей, съ которыми никакое соглашеніе не будетъ возможно. И что же? Мы увидѣли людей, быть можетъ простыхъ, но шедшихъ навстрѣчу къ намъ съ открытымъ сердцемъ. Мы также просто протянули имъ руки и сѣли рядомъ за одинъ столъ, обсудить, что дѣлать.

Послѣ короткаго обмѣна мнѣній мы убѣдились въ томъ, что цѣли наши не расходятся. Теперь война, врагъ грозитъ намъ, значитъ, нужно бороться за сохраненіе силы нашей на сушѣ и морѣ, нужно всѣ тренія сгладить и пережить переворотъ, не проливая крови.

Мы вмѣстѣ привѣтствовали нашего гостя, депутата Государственной Думы, принесшаго изъ центра тѣ же завѣты.

Солнце взошло, когда мы разошлись, условившись о новой встрѣчѣ. А на утро Севастополь, проснувшись, могъ прочитать составленное нами, совмѣстно съ депутатомъ Думы, воззваніе къ флоту, гарнизону и рабочимъ. Оно знаменовало достигнутый союзъ и рядомъ подъ нимъ стояли подписи офицеровъ, солдатъ и матросовъ. Воззваніе говорило:

"— Братья, дѣло святой борьбы за свободу народа повелительно требуетъ довести войну до побѣднаго конца. Благопріятный исходъ войны — залогъ свѣтлаго будущаго свободныхъ гражданъ свободной Россіи. Граждане, немедленно возвращайтесь къ своимъ занятіямъ. Полки, приступите къ усиленной работѣ по боевой подготовкѣ, корабли, идите въ море, и пусть врагъ знаетъ, что новая жизнь влила въ насъ и новую боевую силу."

Съ этой минуты инициатива дѣйствій была захвачена культурными элементами. Исполнительный комитетъ солдатъ и матросовъ слился съ нами подъ общимъ лозунгомъ: "Работать надъ сохраненіемъ боевой мощи арміи и флота, надъ устройствомъ жизни на новыхъ началахъ свободы и справедливости."

Анархія съ ея низменными инстинктами отошла назадъ.

Особенно меня поразило и порадовало то, что каждый разъ, когда мы, офицеры, выступали въ собраніяхъ, или передъ толпой съ наболѣвшимъ у насъ призывомъ забыть все ради спасенія изстрадавшейся родины, ради побѣды надъ врагомъ, масса всегда восторженно привѣтствовала насъ.

21 апрѣля, Севастополь. Центральный исполнительный комитетъ офицеровъ, солдатъ, матросовъ и рабочихъ, созданный нами въ Севастополѣ въ качествѣ буффера между массой и офицерствомъ, работаетъ необычайно напряженно. Масса кипитъ и волнуется, стремясь сбросить съ себя всякую узду, но система организацій, въ которыхъ выборные изъ этой самой массы играютъ видную роль, сдерживаютъ ее, и это единственно, что ее сдерживаетъ. Если вынуть сейчасъ изъ жизни комитеты, мы сразу перейдемъ къ убійству офицеровъ, къ полной анархіи и, слѣдовательно, къ полному разрушенію нашей же вооруженной силы.

Въ комитетахъ какъ бы происходитъ перевоспитаніе массъ. Когда озлобленные, недовѣрчивые люди приходятъ къ намъ изъ рядовъ, то здѣсь, на разрѣшеніи практическихъ вопросовъ вмѣстѣ съ представителями отъ офицеровъ, они быстро становятся нашими друзьями и защитниками вѣрныхъ государственныхъ идей передъ массой. Тогда масса признаетъ ихъ недостаточно революціонными, отзываетъ назадъ, упрекая, что они продались офицерамъ. Къ намъ приходятъ новые, еще болѣе озлобленные, проходятъ ту же школу и... возвращаются къ массѣ съ тѣмъ же призывомъ къ порядку и самоограниченію.

Но призывы къ самоограниченію — вздоръ, оно осуществляется не призывами, но установленіемъ границъ его вооруженной рукой. Во всякомъ случаѣ, благодаря этой работѣ, вся Севастопольская жизнь идетъ подъ знаменемъ любви къ родинѣ, подъ знаменемъ борьбы за нее. Лучшія, чистыя идеи самопожертвованія теперь здѣсь несомнѣнно популярны, несомнѣнно господствуютъ.

Вѣсти, приходящія съ сѣвера, говорятъ о другомъ. Тамъ о родинѣ говорятъ мало. Тамъ громко проповѣдуется всемірное братство трудящихся (интернаціоналъ?) и классовая борьба внутри. Но какое же можетъ быть братство съ нѣмцами, которые на нашихъ плѣнныхъ пашутъ землю и откровенно мечтаютъ о полномъ порабощеніи Россіи? Вѣдь объ интернаціоналѣ можно говорить лишь тогда, когда есть нація, а у насъ этой то основы - любви къ родинѣ нѣтъ. Поэтому проповѣдь интернаціонала грозитъ арміи катастрофой, съ другой стороны,

развѣ время говорить о классовой борьбѣ теперь передъ лицомъ врага."

Мы цитируемъ дневникъ А. И. Верховскаго, чтобы рельефнѣе подчеркнуть преступныя бездѣятельность и легкомыслiе петроградскаго правительства, отдавшагося революціонному гипнозу германо - большевистскаго заговора и предательства. Только эта бездѣятельность явилась главной причиной того, что попытки Колчака и севастопольцевъ какъ и попытки всѣхъ государственныхъ элементовъ другихъ центровъ оказались безрезультатными.

"29 апрѣля, Севастополь. Сегодня былъ радостный день. Двухмѣсячная работа дала еще одинъ серьезный результатъ. Севастополь и Черноморскій флотъ выдѣляютъ делегацію въ составѣ 26 офицеровъ и 171 матроса и солдатъ съ цѣлью провѣрки на мѣстахъ состоянія арміи и проповѣди необходимости перехода въ наступленіе, для приближенія окончанія войны. Люди, которые ѣдутъ, полны горячей любви къ родинѣ, полны желанія смыть тотъ позоръ измѣны, который теперь нависъ надъ ними. Они полны рѣшимости идти въ атаку съ первыми штурмующими линіями, чтобы своимъ примѣромъ зажечь энтузіазмъ и увлечь малодушныхъ.

Изъ цѣлаго ряда рѣчей, листовокъ, брошенныхъ нами въ матросскую и солдатскую среду, вѣрныя государственныя идеи стали - таки достояніемъ массъ.

Особенно сильное впечатлѣніе произвела рѣчь командующаго флотомъ адмирала Колчака по возвращеніи его изъ поѣздки въ Петроградъ. Онъ разсказалъ намъ, что на фронтѣ полный развалъ, что наступать не хотятъ, хотятъ ждать, пока нашу протянутую руку нѣмцы пожмутъ, и наступитъ миръ. Между тѣмъ нѣмцы что - то не собираются пожимать протянутой руки. Мало того, оставивъ у насъ на фронтѣ братаніе вмѣсто тяжелой атиллеріи, увезли лучшія дивизіи драться съ французами и англичанами.

На фронтѣ идетъ политическая борьба. Лозунги мира безъ аннексій и контрибуцій поняты, какъ право кончить войну, и массы людей, бросивъ окопы, разъѣзжаются по домамъ. Словомъ, тѣ же свойства массъ, что и у насъ въ Севастополѣ, производятъ тѣ же результаты, но въ несравненно болѣе сильной степени, такъ какъ, видно, борьба съ ними ведется невѣрно. Нельзя сейчасъ, надѣвъ бѣлыя перчатки, стать въ сторонѣ, говоря, что въ настоящей арміи политической борьбѣ не мѣсто. У насъ она есть. Нужно либо идти бороться, либо согласиться на то, что армія развалится въ теченіе мѣсяца. Мы должны задержать разрушеніе арміи до заключенія общаго мира.

Тотъ фактъ, что у насъ офицеры стали во главѣ движенія, позволилъ намъ добиться гораздо лучшаго порядка, чѣмъ во всей остальной Россіи. Это говорятъ намъ всѣ пріѣзжіе, и это заставляетъ насъ ду-

мать о себѣ больше, чѣмъ, быть можетъ, мы сами. Главное же, что здѣсь весь этотъ періодъ времени основной цѣлью была оборона родины, необходимость жертвовать собой за нее и всѣ старались все дѣлать во имя этого. Но именно старались: часто масса вырывалась изъ рукъ. Вѣдь и у насъ формировавшаяся черноморская дивизія развалилась совершенно и ничего нельзя было сдѣлать, чтобы ее сохранить, и у насъ команда миноносца "Жаркій" выбросила своего блестящаго доблестнаго командира за то, что онъ слишкомъ храбръ, такъ же, какъ и во всей Россіи, мечта столѣтій — Босфоръ не встрѣтила сочувствія, не смотря на всѣ усилія, въ томъ числѣ и мои также, сдѣлать эту идею популярной.

Все же со всѣмъ этимъ общее настроеніе здѣсь хорошее, съ общаго одобренія ѣдетъ черноморская делегація проповѣдывать правду, любовь къ родинѣ!"

Эта делегація пріѣхала въ Петроградъ, гдѣ развалъ — увы! уже былъ полный!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Е. Семеновъ.

Политическое обозрѣніе.

Раковскій вернулся въ Лондонъ **съ обѣщаніемъ** большихъ заказовъ въ Англіи, о которыхъ онъ раструбилъ на весь міръ. И послѣ этого онъ былъ принятъ Чемберленомъ. Онъ остался въ восторгѣ отъ пріема, оказаннаго ему британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Это намъ напоминаетъ еврейскій анекдотъ, гдѣ герой его разсказываетъ своимъ пріятелямъ съ гордостью, что онъ былъ у градоначальника и разговаривалъ съ нимъ.

— А о чемъ вы разговаривали? Что онъ тебѣ сказалъ?

— Онъ мнѣ сказалъ: «пошелъ вонъ!...»

Чемберленъ еще не сказалъ Раковскому «пошелъ вонъ!» Но положеніе послѣдняго отъ того не лучше, и стоитъ совѣтамъ совершить еще малѣйшую глупость, или наглость въ самой Англіи, или въ ея колоніяхъ, или въ «сферахъ ея вліянія», и Раковскому придется перемѣнить постыдное полпредство въ Лондонѣ (ни одинъ посолъ какой бы то ни было страны не согласился бы на тѣ униженія, которыя проглатываетъ этотъ «посолъ» СССР-іи) на другое представительство» совѣтовъ. Конечно, это не значитъ, что его навѣрное попросятъ убраться. Англичане очень воспитанные люди. Они перейдутъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ съ **максимумомъ шансовъ на то, чтобы нанести рѣшительный ударъ совѣтской власти.** Совѣтская власть это чуетъ, и въ то время, какъ въ СССР-іи идетъ огитація противъ Англіи и противъ коалиціи, которую послѣдняя готовитъ противъ совѣтовъ, и Фрунзе произноситъ

рѣчи къ арміи и къ флоту — быть **готовыми къ войнѣ,** — Зиновьевъ шлетъ приказъ нѣмецкимъ коммунистамъ вести себя потише и сблизиться съ соціалдемократами для общихъ дѣйствій, а Красинъ, по возвращеніи въ Парижъ, ведетъ новый курсъ сближенія съ Франціей. Тонъ совѣтской печати — за сближеніе съ Франціей, тонъ нѣкоторыхъ парижскихъ банковскихъ и финансовыхъ листковъ, полныхъ экономическихъ рекламъ совѣтамъ, также за сближеніе Франціи съ совѣтами. Несомнѣнно начался новый походъ совѣтовъ на «задобреніе» Франціи и отвлеченіе ея отъ антисовѣтскаго соглашенія съ Англіей.

Красинъ, по пріѣздѣ, собралъ въ ном. 79 рю Гренель всѣхъ своихъ сподручныхъ «посольскихъ» «экспертовъ» и др. и подѣлился съ ними отличными впечатлѣніями, вывезенными имъ изъ СССР-іи: прекрасный урожай, большой вывозъ хлѣба, **большіе заказы Франціи** (опять заказы!), обезпеченные кредиты, благодаря банку Высоцкихъ, прекрасное экономическое положеніе, — и все это **резюме** посольскаго засѣданія печатается въ «Sans Fil» и др. большевизанскихъ органахъ.

И тутъ же сообщается, что Русская Парламентская Группа посылаетъ въ августѣ миссію въ Москву съ предсѣдателемъ, депутатомъ Филиппото, во главѣ для окончательнаго урегулированія вопроса о долгахъ!?

Не дремлютъ большевики, упорно ведутъ свою работу разрушенія и смерти.

Понимаютъ ли Пенлевэ и Бріанъ, что дѣлается за ихъ спиною?!

Понимаютъ ли они, что совѣты воспользуются во всю предоставленной новой передышкой, чтобы упрочить свое пошатнувшееся положеніе въ Англіи и Франціи и собраться съ новыми силами для новаго похода на Францію и здѣсь, гдѣ ихъ пропаганда и агитація развивается, какъ и въ Англіи безудержно, несмотря на всѣ красивыя заявленія и пустыя угрозы отдѣльныхъ министровъ? Если судить по тону большевизановъ и бездѣятельности властей по отношенію къ коммунистамъ, они этого не понимаютъ!

Фр.

Хроника.

ОТКРЫТІЕ ДѢТСКАГО ПРІЮТА

Въ воскресенье 12 іюля, въ день Петра и Павла, состоялось освященіе **дѣтскаго пріюта,** созданнаго усиліями и сердечной добротой и преданностью дѣлу **русскихъ дѣтей** кн. Ирины Павловны въ память мученически погибшаго вел. кн. Павла Александровича, звѣрски разстрѣляннаго большевиками.

На освященіи присутствовали княгиня Палей, вел. княгиня Ирина Павловна съ супругомъ вел. кн. Федоромъ Александровичемъ, ея сестра княгиня Наталія Павловна, мать и дочери Головины, много помогающія пріюту, г-жи М. Ѳ. Желѣзнова и А. П. Церетелли, завѣдующія имъ, проф. Гарденеръ, мэръ

PAGE FRANÇAISE

PROPOS FRANCO-RUSSES

Il est triste de constater qu'il y a des hommes sérieux en France, qui croient que les bolcheviks sont des gens avec qui on peut négocier. Il est triste de constater qu'on essaie de vous entraîner sur la fausse route et qu'on vous raconte des balivernes.

Il est humiliant de constater qu'on a amené la France à admettre cette idée grotesque, qu'une bande de pirates, quelle que soit l'étiquette sous laquelle elle se cache — bande qui assassine, pille, qui s'est emparé de nos richesses, puisse venir ici librement et impunément vous dicter des conditions.

Car enfin, **c'est bien cela,** ces Messieurs de Moscou ont volé notre Avoir, et nous les recevons, nous causons avec eux, et tout le monde s'y prête, comme si c'était naturel. Ils ont « nationalisé » nos biens et nous recevons leurs experts pour évaluer les dommages que nous avons subis de leur fait!

Il y a des malheureuses victimes, qui, ne comprenant rien, leur disent: « Mais enfin, vous nous avez enlevé notre portefeuille, rendez-nous notre argent! »

Брюнуа г. Лемоссъ и др. О. Георгій Спасскій произнесъ прекрасное слово на тему о великой силѣ воспитанія и жизни, основанныхъ на твердомъ камнѣ вѣры. Торжество скромное, но сильное и свѣтлое по своему значенію. О пріютѣ мы скажемъ отдѣльно.

НЕДѢЛЯ ВРАНГЕЛЯ

Въ воскресенье, въ день именинъ ген. Врангеля, въ залѣ гражданскихъ инженеровъ на рю Бланшъ состоялся большой обѣдъ въ честь генерала Врангеля. Болѣе 500 генераловъ, офицеровъ, солдатъ, рабочихъ и общ. дѣятелей собрались дружной семьею чествовать главнокомандующаго. По силѣ искренняго чувства и подъему, царившему на вечерѣ, обѣдъ напоминалъ чествованіе Деникина (см. ном. 1 «Рус.Нед.»).Политическія рѣчи были произнесены, кромѣ самого главнокомандующаго, генералами Миллеромъ, Баратовымъ, Перьевымъ, Хольмсеномъ; П. Б. Струве, Иваницкимъ, Карташевымъ, Б. Суворинымъ и др. Вечеръ оставитъ глубокій слѣдъ на жизни эмиграціи въ Парижѣ.

На вечерахъ этой недѣли въ честь Врангеля происходили сборы въ кассу Вел. кн. Маріи Павловны въ пользу нашихъ добровольцевъ, сражающихся за Францію и за цивилизацію въ Марокко. Собрано нѣсколько тысячъ фр.

СКОРБНАЯ НЕДѢЛЯ

Недѣля скорби и траура, недѣля звѣрски умученныхъ челновъ Царской Семьи и великихъ княженъ. Недѣля стыда и позора для московскихъ убійцъ и воровъ!

Mais là-dessus, de braves gens, qui eux, pourtant, n'ont pas placé de l'argent en Russie, qui n'ont de notions suffisantes de l'affaire se mêlent de la conversation et s'en déclarent **experts,** afin de donner satisfaction aux... bolcheviks! En attendant, notre avoir volé est dilapidé. Ces Messieurs se font, à nos frais, des dîners coûteux sous notre nez; Mme Krassine promène le luxe insolite des brillants volés, et Mme Kolontaï, les merveilleuses fourrures, probablement volées, pardon,, « nationalisées », à Mme Siou, Mme Brocart ou Mme Giroux, dont les maris ont aidé à édifier les richesses nationales de la Russie, en créant des industries, et en apportant la belle galette française, pour le plus grand bien du peuple russe et de l'industrie et du commerce français. Telle est la situation réduite à sa plus simple expression.

Cependant depuis le jour où grâce à l'initiative et l'inlassable travail de M. Philippe et de ses amis, les porteurs des créances Russes furent réveillés de la torpeur où ils étaient plongés grâce à une propagande extrêmement bien menée dans notre pays même, propagande qui nous menait à admettre tranquillement que les voleurs ou spoliateurs pouvaient nous dicter leurs conditions au cœur même de Paris. A partir du moment, où l'association des porteurs est née, il n'y a plus de danger à craindre; les pillards ou les pirates subiront tôt ou tard notre loi, la loi des gens civilisés, et en aucun cas, ils ne pourront nous imposer la leur.

On essayera peut être encore de nous faire chanter, en nous racontant que si nous **n'acceptons pas,** les bolcheviks traiteront avec les Anglais, les Américains, voire les Allemands. Heureusement cela ne prend plus, l'affaire Harriman même, va contre les thèses des bolcheviks et de leurs agents.

Cette concession a été accordée parce qu'elle répondait aux vœux des propriétaires mêmes, en tout cas, de la majorité d'entre eux.

Cette concession ne peut servir d'exemple; d'ailleurs, l'affaire est loin d'être définitive, bien que M. Panassier, un des pionniers de l'industrie du manganèse dans le Caucase, n'ait pas fait d'obstacles au plan Harriman; pourquoi? nous le saurons peut-être. « On » nous menace que les bolcheviks s'en iront de Paris; ils ont trop besoin de la France, et seuls. si l'on ne les chasse pas, ils ne s'en iront pas. Et si nous savons persister et persévérer, ils seront obligés de reconnaître les dettes et de les payer. Il faut persévérer.

*
**

Les « nouvelles propositions » que Krassine rapporte de Moscou — à ce qu'il dit — et les promesses des « commandes à l'industrie française » (Rakovsky en promet à l'Angleterre!) en sont la preuve. Ils en sortira peut-être quelque chose à la condition que ce soient les porteurs eux-mêmes qui traitent avec Moscou et non pas les « touristes » à la de Monzie, ou même nouveau genre comme Philippoteau et autres parlementaires qui ne sont pas porteurs, et ne connaissent ni la Russie, ni les Krassine et Cie.

A LA FEDERATION DES ASSOCIATIONS DES PORTEURS

Le 17 juin, s'est réunie, à l'Hôtel des Ingénieurs Civils de France, 19, rue Blanche, la **« Fédération des Associations des Porteurs Français de titres des Sociétés bancaires en Russie »** dont les sièges sociaux sont: 22, avenue Montaigne, présidée par M. Georges Guibert.

Après avoir évoqué dans quelles conditions étaient nées du 1er Congrès des Créanciers Français de la Russie, les Associations légales des Sociétés Bancaires, la Fédération a alors constaté que depuis 1917, aucun Conseil de Surveillance et d'Administration de ces Sociétés n'avait demandé la convocation d'Assemblées générales à Paris, alors que le Ministère Français des Affaires Etrangères, dès le 26 octobre 1918, avait considéré la réunion de ces Assemblées générales à Paris, comme absolument nécessaire; que les Membres de ces Conseils, tant étrangers que Français, ont laissé pour la plupart les Succursales des différentes Sociétés Bancaires, sans surveillance régulière, sans administration sérieuse, sans direction véritable et sans appliquer les statuts de leurs Sociétés: de telle sorte que les biens constitués avec des capitaux Français, avaient peu à peu disparus, tant en France qu'à l'Etranger, dans des combinaisons absolument contraires aux intérêts des Actionnaires Français; que si M. le Garde des Sceaux, au lendemain de la Reconnaissances avait, après deux dépêches aux Parquets, en date des 23 octobre et 29 novembre 1924, invité ceux-ci à faire pratiquer toutes mesures conservatoires exigées par la situation, ces mesures conservatoires, surtout sur les Succursales des Banques Russes, n'avaient point reçu de solutions sérieuses et que les articles 29 et suivants du Code d'Instruction Criminelle, dont l'exécution s'imposait n'avaient point reçu d'application; qu'il appartenait donc désormais aux Associations des Porteurs Français des Sociétés Bancaires, de se faire remettre, ainsi que le Gouvernement de l'U.R.S.S. semblait l'accepter l'inventaire de tous les avoirs des Banques Russes ayant reçu des capitaux Français; de provoquer à Paris toutes réunions d'Assemblées générales, d'assurrer l'exécution des Statuts des Sociétés et de poursuivre par toutes voies de droit, auprès de toutes Autorités compétentes et Juridictions, tant en France qu'à l'Etranger, la restitution des avoirs en quelques mains qu'ils puissent se trouver.

La Fédération a ensuite examiné chacune des Sociétés Bancaires, nommé pour chacune d'elles une Commission d'Enquête, composée des Conseils de Direction des Associations et des principaux Actionnaires des différentes Banques, avec mission d'assurer, dans le plus bref délai, l'exécution de ces résolutions.

Depuis eut lieu la plainte de l'Association des actionnaires de la Banque Russo-Asiatique. L'instruction est ouverte, et le Président du Conseil d'Administration A. Poutiloff, inculpé, est déjà interrogé par le juge d'instruction. Cela ne l'empêche pas de négocier avec Krassine la cession des bateaux de la **Ropit** aux Soviets bien que ces bateaux appartiennent à la Banque Russo-Asiatique. Il faut empêcher que ce nouveau crime soit commis ! **Francorusse.**

Directeur-Gérant : E. SEMENOFF.
Imp. d'Art Voltaire (O. Zeluk, Directeur), 4. Passage Alexandrine Paris (XI)

Условія подписки

ВО ФРАНЦІИ:

6 фр. въ мѣсяцъ; — 16 фр. за 3 мѣсяца; — 28 фр. за 6 мѣс.

ЗАГРАНИЦЕЮ:

8 фр. въ мѣсяцъ; — 22 фр. за 3 мѣсяца; — 40 фр. за 6 мѣс.

КАЛИНА

ПОРТНОЙ

Téléphone: Gutenberg 52-71. 25, av. de l'Opéra, Paris I

„Русскій Альманахъ“

изданный въ Парижѣ

АДРЕСНАЯ И СПРАВОЧНАЯ КНИГА ДЛЯ РУССКИХЪ, живущихъ за границей

Адреса французскихъ и русскихъ учрежденій, организацій, предпріятій и лицъ разныхъ профессій. — Французское законодательство, административныя распоряженія и правила для иностранцевъ. — Справочныя и полезныя свѣдѣнія

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: 45, RUE TRUFFAUT, PARIS (XVII·)

„Боярскій Теремъ“

СЛУЧАЙНЫЯ ВЕЩИ, МѢХА, ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ И КУСТАРНЫЯ РУССКІЯ ИЗДѢЛІЯ

Чай ВЪ ДРЕВНЕЙ ПАЛАТѢ отъ 3 до 7 часовъ вечера.

РУССКАЯ и ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ въ исполненіи извѣстныхъ артистовъ

38, RUE DE BERRI (8·) Téléph.: Élysées 13-11

“QUELQUES OBJETS ANCIENS“

40, Rue Tronchet, Paris (8·) Téléphone: Louvre 0-99

Антикварный Магазинъ А. Г. ЛѢСИНА

Покупаетъ, продаетъ и принимаетъ на комиссію

Старинныя художественныя вещи.

Подписывайтесь на „Русскую Недѣлю“!

Imprimerie d'Art Voltaire, 4, Passage Alexandrine, Paris (XI·)

№ 5. Парижъ, 25 Іюля 1925 г. № 5.

РУССКАЯ НЕДѢЛЯ.

(LA SEMAINE RUSSE)

ЖУРНАЛЪ
Политики, Литературы и Искусства.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ :

А. И. ГРАММАТИКОВА, М. А. КАЛЛАШЪ (КУРДЮМОВЪ),
В. Н. ЛОДЫЖЕНСКАГО, П. А. НИКАШИНА и Е. П. СЕМЕНОВА

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА :

Арестъ Царя и Царской Семьи	Е. СЕМЕНОВА.
Послѣдній	М. КУРДЮМОВА.
Еще о судьбѣ рус. золота	ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКА.
По поводу одной полемики	П. НИКАШИНА.
Церковь за рубежемъ	І. НИКАНОРОВА.
Единеніе	В. ЛАДЫЖЕНСКАГО.
Около Бѣлой Мечты	Пл. КАРАТАЕВА.
Въ оградѣ монастыря	К. ЕЛЬЦОВОЙ.
Начало Корниловскаго движенія ...	Е. С.
Политическое обозрѣніе	ФРАНКОРУССА.
На Кавказѣ	БЕКЪ МУРЗЫ.
Хроника.	
Page française	
Объявленія.	

ВЫХОДИТЪ ПО СУББОТАМЪ.

Цѣна 1 фр. 50 с.

РЕДАКЦІЯ : 47, Rue Brancion, Paris (15e)
КОНТОРА : 27, Rue Claude-Lorrain, Paris (16e)

Voir page française à la fin

РУССКАЯ НЕДѢЛЯ

(La semaine Russe)

ЖУРНАЛЪ

Политики, Литературы и Искусства.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Во Франціи

6 франковъ въ мѣсяцъ—16 франковъ за 3 мѣсяца—28 фр. за 6 мѣсяцевъ

Заграницей

8 франковъ въ мѣсяцъ 22 франка за 3 мѣсяца—40 фр. за 6 мѣсяцевъ

Адресъ конторы: «**La semaine Russe**» **27, Rue Claude Lorrain Paris (XVIe)**.

Ресторанъ

ДЖИГИТЪ

19, Boulevard Edgar-Quinet, 19

◇

Первоклассная русская и французская кухня.

Уютное помѣщеніе.

Лѣтняя веранда.

◇

Пѣніе Павла Троицкаго.

Въ Ред. „Русской Недѣли“ получены слѣд. изданія :

„О Русск. Православн. Братствахъ"

Изд. Духов. Міръ Студ., Парижъ.

„Военный Вѣстникъ"

Изд. Сов. Объед. Оф. О-въ. № 12. Бѣлградъ.

„Высшій Монархическій Совѣтъ"

Еженедѣльникъ, № 139. Изд. въ Берлинѣ.

„На Зыбкихъ Граняхъ"

Сбор. Стиховъ (1916-22 гг.), В. Д. фонъ Дитрихштейна. Изд. Я. Поволоцкаго, Парижъ.

„Возрожденіе"

Пріемъ подписки и объявленій производится въ Парижѣ :

Въ конторѣ газеты 5, Rue des Gobelins и 4, rue de Sèze; у M. I. Schneider, 27, Rue Tronchet и въ книжныхъ магазинахъ :

«A la Joie du Bibliophile», 6, Rue Godot-de-Mauroy;

«Aux Vieux Livre», 3, Rue d'Anjou, Téléph.: Élysées 62-90

Т-ва «Н. П. Карбасниковъ» (S-té N. P. Karbasnikoff), 9, rue Dupuytren;

«Москва», (Moskwa), 9, rue Dupuytren «Маякъ» (Mayak) 22, Av. des Ternes

Условія подписки:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	12 мѣс.
Во Франціи	8 фр. 50 с.	24 фр.	45 фр.	85 фр.
За границей	10 фр. 50 с.	30 фр.	55 фр.	100 фр.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА 25 САНТ.

Подписывайтесь на „Русскую Недѣлю“.

Арестъ Царя и Его Семьи.

(Прологъ Екатеринбургской трагедіи).

Помѣщенный ниже документъ показываетъ не только роль Сов. Раб. и Солд. Д. въ отреченіи Михаила Александровича, но и обстоятельства ареста и задержанія въ Россіи царской семьи, которую Великобританскій дворъ, испанскій дворъ и Великобританское правительство хотѣли было вывезти изъ Россіи въ Англію и спасти такимъ образомъ отъ вѣрной смерти.

Великобританское правительство, однако, сейчасъ же отказалось отъ своего желанія подъ давленіемъ, какъ мнѣ сознался британскій посолъ, и русскаго и англійскаго ”общественнаго мнѣнія“ (т. е. лѣвыхъ круговъ)! Въ моментъ высшаго военнаго напряженія весною 1917 г. англійское правительство Ллойдъ - Джорджа боялось (?!) привести въ исполненіе свое желаніе, такъ какъ ему внушили, что ”домократическіе“ круги Петрограда и Лондона обвинятъ его, въ случаѣ вывоза изъ Россіи Царской семьи, во вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла и въ намѣреніи потомъ послѣ войны возстановить *) власть царя въ Россіи! Англійское правительство отказалось отъ своего намѣренія, министерство иностранныхъ дѣлъ, очевидно, не умѣло отстоять свою самостоятельность въ этомъ вопросѣ, а Керенскій членъ И.К.С.Р. и С.Д. и членъ правительства, судя по нижеслѣдующему документу, сталъ на точку зрѣнія И.К.С. и С.Д.

”Борьба за демократическую республику“.

(Къ аресту НиколаяII.)

Такъ озаглавилъ Испол. Ком. свой докладъ Совѣту Раб. Деп. (помѣченный еще: ”Соображенія Н. Д. Соколова“.) слѣд. содержанія:

---

*) Недавняя полемика между Карабчевскимъ и Керенскимъ, въ которой приняли участіе П. Н. Милюковъ, «**Daily Telegraph**», «**Послѣднія Новости**», «**Общее Дѣло**», «**Руль**» и которую я срезюмировалъ въ «**Figaro**» отъ 26 сентября 1921 г., дала большой матеріалъ по данному вопросу. Изъ него слѣдуетъ, что главнымъ виновникомъ ареста Царской семьи является Сов. Раб. и Солд. Деп., при чемъ Керенскій сознательно дѣйствовалъ «на два фронта», ибо былъ членомъ и Правительства, и Исп. Комитета (см. Восп. княгини Палей.)

"Вы знаете, что членъ Временнаго Правительства А. И. Гучковъ вмѣстѣ съ В. В. Шульгинымъ ѣздилъ въ Псковъ и привезъ съ собою актъ объ отреченіи Николая II за себя и за своего сына. Въ манифестѣ однако былъ назначенъ не только новый регентъ, но и новый монархъ. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ Россія, вмѣсто отрекшагося Николая, имѣла новаго царя Михаила. Слухи объ этомъ быстро распространились среди населенія Петрограда и вызвали значительныя волненія. Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, обсудивъ этотъ вопросъ, вынесъ резолюцію протеста, которая была доведена до свѣдѣнія правительства. Совѣтъ министровъ рѣшилъ снова обсудить, на чемъ особенно настаивалъ Министръ А. Ф. Керенскій. Рѣшено было добиваться отреченія отъ Престола и Михаила, и великій князь отрекся. *) Такимъ образомъ этотъ эпизодъ, къ счастью для родины, былъ благополучно рѣшенъ, но не безъ вредныхъ послѣдствій. Вчера стало извѣстно, что Временное Правительство изъявило согласіе на отъѣздъ Николая II въ Англію и даже вступило объ этомъ въ переговоры съ британскими властями безъ согласія и вѣдома Исполнительнаго Комитета Сов. Раб. Деп. При такихъ желаніяхъ мы рѣшили дѣйствовать самостоятельно. Мы мобилизовали всѣ находящіяся подъ нашимъ вліяніемъ воинскія части *(признаніе интересно.* Е. С.) и поставили дѣло такъ, чтобы Николай II фактически не могъ уѣхать изъ Царскаго Села безъ нашего согласія. По линіямъ желѣзныхъ дорогъ были разосланы соотвѣтствующія телеграммы, призывающія желѣзнодорожныхъ рабочихъ и начальниковъ станцій задержать поѣздъ съ Николаемъ II, буде таковой уѣдетъ.

На этомъ, однако, мы не успокоились, мы командировали своихъ комиссаровъ на Царскосельскій вокзалъ и въ Царское Село, отрядивъ соотвѣтствующее количество воинской силы съ броневыми автомобилями, и окружили Александровскій дворецъ плотнымъ кольцемъ. Этимъ путемъ мы поставили Николая II въ невозможность уѣхать изъ подъ нашего надзора. Затѣмъ мы вступили въ переговоры съ Временнымъ Правительствомъ, *которое санкціонировало всѣ наши мѣропріятія* (Курсивъ мой. Е. С.). Въ настоящее время бывшій царь находится не только подъ надзоромъ Временнаго Правительства, но и подъ нашимъ надзоромъ. Однако, арестомъ Николая II не исчерпывается вопросъ о династіи. Мы должны обсудить не только политическія права бывшаго царя, но и его имущественныя права. У Николая II есть цѣлый рядъ имуществъ въ предѣлахъ Россіи и огромныя денежныя суммы въ англійскихъ банкахъ и другихъ иностранныхъ банкахъ. Надо передъ его высылкой рѣшить вопросъ объ его имуществѣ. Когда мы выяснимъ, какое имущество можетъ быть признано его личнымъ и какое слѣдуетъ

*) Воспоминанія В. Д. Набокова въ I т. «Архива Русской Революціи» даютъ полный исчерпывающій обзоръ этого событія.

считать произвольно захваченнымъ у государства, только тогда мы выскажемся о дальнѣйшемъ.

Собраніе, какъ извѣстно, одобрило дѣйствія Исполнительнаго Комитета.

Петроградъ. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.*)"

Такъ началась кровавая драма Екатеринбурга, которую звѣрски закончили большевики.

Политическія права, власть, имущество, денежныя суммы — вотъ что интересовало Стекловыхъ, Соколовыхъ и главарей Сов. Раб. Деп., дѣйствовавшихъ пока подъ вліяніемъ анонимовъ и германскихъ агентовъ, въ ожиданіи пріѣзда самого Ленина и Ко.

А Керенскій въ это же время произносилъ знаменитыя слова о томъ, , что русская революція не знаетъ національныхъ границъ, потому что она интернаціональна! Неудивительно поэтому, что Временное Правительство "санкціонировало всѣ мѣропріятія" демагоговъ.

"Россія гибнетъ!" сказалъ я себѣ, какъ и многіе русскіе люди.

Уже 1-го Марта, одновременно съ *Приказомъ №1,* стали распространяться среди солдатъ Петроградскаго гарнизона направленные противъ офицеровъ слухи, которые новый "Начальникъ Петроградскаго Гарнизона", членъ Государственной Думы, Б. Энгельгардтъ, *санкціонировалъ,* подтвердивъ ихъ своимъ воззваніемъ 1 марта, которое онъ заканчивалъ: "Я заявляю, что будутъ приняты самыя рѣшительныя мѣры

---

*) Вотъ что разсказываетъ въ своихъ **Воспоминаніяхъ** (стр. 94) В. Б. Станкевичъ о томъ же:

«... въ первый день моего участія въ работахъ Комитета я попалъ на докладъ Мстиславскаго и Родіонова о провѣркѣ условій содержанія бывшаго царя Николая. Дѣло было такъ. Исполнительный Комитетъ имѣлъ сомнѣнія относительно надежности охраны Николая, которая усилилась послѣ того, какъ стало извѣстно о намѣреніи правительства отправить б. царя въ Англію. Казалось, можно было найти простое рѣшеніе: отправиться въ Правительство и тамъ выяснить всѣ эти вопросы, быть можетъ, даже настоять на томъ, что бы тѣ же Мстиславскій и Тарасовъ - Родіоновъ были допущены во дворецъ въ Царскомъ для выясненія условій содержанія Царской семьи. Вмѣсто этого, къ Таврическому Дворцу были вызваны нѣсколько полковъ, была наряжена спеціальная экспедиція вѣрныхъ войскъ, былъ арестованъ Комендантъ Царскаго Села и, въ условіяхъ новаго переворота, Мстиславскій выполнилъ задачу: Лично увидѣлъ царя. Онъ вернулся, доложилъ Комитету, и войска, напутствуемыя соотвѣтствующей времени и мѣсту рѣчью Стеклова, были распущены по казармамъ».

къ недопущенію подобныхъ дѣйствій со стороны офицеровъ, вплоть до разстрѣла виновныхъ *)"...

Временное Правительство не только *Приказъ № 1* **) санкціонировало подписью военнаго министра А. И. Гучкова, но и къ начавшимся убійствамъ офицеровъ руку приложило въ видѣ подписи Б. Энгельгардта и оставленія на его посту измѣнника полуфина "адмирала Максимова", одного изъ главныхъ виновниковъ убійства Командующаго флотомъ Балтійскаго героя, доблестнаго, популярнаго адмирала Непенина и столь же любимаго и популярнаго командира Свеаборгскаго порта В. Н. Протопопова, не говоря уже о массѣ другихъ звѣрски тамъ же убитыхъ офицеровъ. Я напечаталъ подробности этихъ звѣрствъ 2-5 марта 1917 г. въ мартѣ мѣсятѣ 1919 г. въ Архангельскомъ "Отечествѣ" (№№ 55, 60 и др.).

Крестный путь русскаго офицерства уже начинался, а съ нимъ вмѣстѣ и крестный путь несчастной Россіи. Рѣчи Родичева и Скобелева, посланныхъ спѣшно въ Финляндію, не могли замѣнить рѣшительныхъ мѣръ Правительства, если бы таковое имѣлось на лицо, какъ не могли замѣнить рѣчи Керенскаго и другихъ — надлежащихъ мѣръ противъ все усилившейся преступной демагогіи Сов. Раб. Деп., которая дошла до того, что объявила *преступленіемъ агитацію* противъ Ленина, когда началась эта агитація противъ вернувшагося въ Россію въ нѣмецкомъ вагонѣ вожака большевиковъ, несомнѣннаго агента Германіи! **Исп.** Ком. Сов. Р. и С. Деп. зналъ, что онъ дѣлалъ, какъ зналъ, что онъ дѣлаетъ, и Ленинъ. Кто же защищалъ отъ и противъ нихъ Россію?!...

Никто!

---

*) Г. Энгельгардтъ потомъ хотѣлъ «сфальсифицировать» свое поведеніе, но былъ изобличенъ въ неудачной для него полемикѣ въ «Общемъ Дѣлѣ». — — — — —

) Замѣчательно то, что Приказъ № 1, по свидѣтельству того же В. В. Станкевича (Воспоминанія**, стр. 99), «какъ только военные разъяснили Комитету все его значеніе былъ анулированъ Приказомъ № 2-й, анулированъ, по крайней мѣрѣ, для фронта»...

«Сумбуръ же въ работахъ Комитета и направленіе «Извѣстій» (въ которыхъ первую скрипку игралъ Стекловъ) объясняютъ въ достаточной степени, почему резонансъ въ арміи получилъ лишь первый приказъ, о второмъ же мало кто даже зналъ».

Попытка Станкевича извинить Комитетъ и попутно Гучкова и Керенскаго, конечно, — неудачна. Пацифисту Станкевичу, повидимому, до сихъ поръ неясно, что значитъ въ разгаръ войны **Приказъ №1-й** и какая за него страшная отвѣтственность передъ страною и исторіей ляжетъ не только на его авторовъ, но и на Комитетъ, членовъ его (Керенскаго и др.) и особенно на военнаго министра.»

Послѣдній.

Миновала седьмая годовщина страшнаго Екатеринбургскаго преступленія. Вновь передъ глазами русскихъ людей встала незабываемо-жуткая картина цареубійства, подробности которой могутъ перевернуть самое черствое сердце.

И, однако, всю боль и тяжесть этого по-истинѣ мірового злодѣянія пережили и переживаемъ вновь мы одни, затерянные на чужбинѣ, осколки самаго одинокаго въ мірѣ народа. Здѣсь мы можемъ перекинуться словомъ другъ съ другомъ; тамъ, на необъятныхъ пространствахъ окровавленной родной земли лишь потаенно ноетъ русская совѣсть, у тѣхъ, въ комъ она не угасла, въ комъ муки и слезы долгихъ лѣтъ еще не вытравили памяти о великомъ общенаціональномъ грѣхѣ.

Но и здѣсь и тамъ это горе — только наше горе. И въ прошломъ и въ настоящемъ нашей русской бѣды - революціи, мы одиноки.

Одинаково молчатъ и вчерашніе друзья и вчерашніе враги.

Прежде насъ упрекали за измѣну "общему дѣлу". Иногда и теперь, какъ рѣдкіе всплески воды, слышатся эти упреки и падаютъ въ глубину наболѣвшихъ и обиженныхъ русскихъ душъ. Намъ ставятъ въ вину предательство, совершенное насильниками Россіи, которые во время Великой войны потянули руку непріятелю...

Да, народъ нашъ въ массѣ своей не выдержалъ до конца страшнаго испытанія многолѣтней боевой грозы; поддался на соблазны, повѣрилъ обманамъ и, обезглавленный, отдалъ себя во власть дьявола.

Но за насъ всѣхъ, и за мужественныхъ и за малодушныхъ, и за покорившихся дьяволу, и за возставшихъ на него — *одинъ* отстоялъ честь Россіи, кровью запечатлѣвъ вѣрность данному слову. Жертвуя собой, жертвуя своими близкими, жертвуя возможностью вырвать Россію изъ рукъ овладѣвшей ею шайки, вознесъ онъ надъ всей современной исторіей *единственный въ ней примѣръ ничѣмъ не преодолимаго рыцарскаго благородства.*

Это *онъ* посылалъ полки и дивизіи въ Восточную Пруссію, чтобы спасти союзную страну отъ вражескаго захвата, это *онъ* отдавалъ на смерть своихъ русскихъ людей, ради защиты того народа, которому однажды была протянута дружественная царская рука.

Это *онъ,* уже лишившись власти, призывалъ свой, нарушившій присягу, народъ, не нарушать вѣрности союзникамъ и это онъ, передъ лицомъ ежеминутно ожидаемой кровавой расправы, величественно отвергъ всякую помощь, предложенную врагомъ и ему, и его родной землѣ.

Нашей грубо - матеріалистической эпохѣ, ищущей прежде всего *конкретныхъ удачъ* и *реальныхъ достиженій,* не понятна и не нужна

безполезная доблесть. Какое дѣло современному буржуа или занятому партійной возней демократу до того факта, что гдѣ-то, на далекомъ Уралѣ, *изъ за обѣта чести,* со всей своей семьей погибаетъ, лишившійся трона, русскій Царь?

Съ того момента, какъ онъ сошелъ со сцены, всѣ обязательства кончились. "Векселя" порваны. Нѣтъ надобности платить ему ни помощью при жизни, ни благодарной памятью послѣ его трагической кончины. Для толпы, движимой лишь потребностями своего чрева, конечно, "живая собака лучше мертваго льва". Эти "живыя собаки" голодными стаями рыщутъ по всему міру, обнюхивая всѣ углы и ожидая добычи. Культурные народы натравливаютъ ихъ другъ на друга, гладятъ ихъ паршивую шерсть, легкомысленно забывая о томъ, что алчная пасть можетъ разинуться каждую минуту, лишь только звѣрь почуетъ свою силу...

Я вспоминаю высокомѣрные разговоры моихъ иностранныхъ друзей о русской революціи:

— *Это* могло случиться *у васъ,* потому что народъ дикъ и теменъ въ своей массѣ... *У насъ* это невозможно...—

Думая объ этихъ разговорахъ, я повторяю и теперь то же самое, что отвѣчалъ своимъ самоувѣреннымъ собесѣдникамъ: "Отъ души желаю, чтобы ужасы бѣдствій, постигшихъ Россію, нигдѣ и никогда больше не повторялись"... Но въ чемъ спасеніе отъ нихъ? Развѣ благоустройство цивилизованныхъ странъ и всеобщая грамотность являются гарантіей отъ разгула земныхъ инстинктовъ, заложенныхъ въ человѣкѣ?

Революціей всегда движетъ одно, главное: *хочу насытиться до отвала.*

Къ ужасу нашего духовно опустошеннаго времени этотъ чисто большевистскій лозунгъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, лозунгъ почти всего нынѣшняго человѣчества. Во имя насыщенія до отвала, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, Вильгельмъ II поднялъ свой хищный мечъ... Война снесла вихремъ не только города, деревни, памятники исторіи, но и остатки какихъ то высшихъ моральныхъ устоевъ.

Обнажилась до конца темная природа человѣка даже въ международныхъ отношеніяхъ, и люди, попрежнему считающіе себя глубоко культурными, не замѣтили того, что имъ вдругъ стало "по пути" со стаей жадныхъ псовъ. Исчезла брезгливость во имя выгоды, и выхоленная европейская рука протянулась къ шелудивой собакѣ... Въ цѣломъ мірѣ нигдѣ не осталось такой власти, сила которой, сіяла бы не только блескомъ сверкающихъ штыковъ, но еще инымъ "невечернимъ свѣтомъ", свѣтомъ *правды, чести и братскаго состраданія* къ "униженнымъ и оскорбленнымъ".

Много неосовершенствъ и промаховъ находила и еще будетъ находить историческая критика Европы въ такъ называемомъ "русскомъ царизмѣ". Я не буду ихъ касаться. Но я непоколебимо убѣжденъ въ

томъ, что, если бы въ современной Европѣ, рядомъ съ поруганной и обезличенной Россіей, существовалъ двойникъ Россіи прежней съ ея нынѣ замученнымъ монархомъ во главѣ, — этотъ "слабый", "безвольный" и, можетъ быть, дѣйствительно не умѣвшій въ трудные годы управлять, Государь, нашелъ бы силу и волю и умѣнье справиться съ воцарившимъ насиліемъ, которое бы на его глазахъ терзало цѣлую страну.

Никакія соображенія выгодъ не заглушили бы въ немъ голоса *правды, чести и братскаго состраданія.* Долгъ Царя христіанина повелѣлъ бы ему безбоязненно идти на борьбу съ силой дьявола, хотя бы въ этой борьбѣ онъ и оставался одинъ... такъ же одинъ, какъ въ мрачномъ подвалѣ Ипатьевскаго дома въ Екатеринбургѣ...

М. Курдюмовъ.

Еще о судьбѣ русскаго золота.

Въ своей статьѣ о русскомъ золотѣ, помѣщенной въ № 3 "Русской Недѣли" г. Ріоцзи на помнилъ о фактѣ доставки остатковъ золотого фонда изъ Казани въ Омскъ Верховному Правителю, Адмиралу Колчаку.

Основываясь на данныхъ одного компетентнаго источника, дающаго богатый матеріалъ для исторіи Омскаго Правительства, мы считаемъ долгомъ сообщить, что запасъ, вывезенный изъ Казани и доставленный въ Омскъ полковникомъ Лебедевымъ (позднѣе генераломъ), составлялъ 32 тысячи пудовъ золота и 20 тысячъ пудовъ серебра. *)

Между тѣмъ, расходы Правительства (Сибирскаго) были очень велики. Одна армія требовала отъ 6 до 7 милліоновъ въ день.

Большевики, покидая города Сибири, лѣтомъ 1918 года, унесли съ собой оттуда свыше 917 милліоновъ рублей, 1617 пудовъ золота и около 500 пудовъ серебра. Поэтому ясно насколько своевременной оказалась доставка изъ Казани этого денежнаго запаса. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что фактически казна была почти пуста.

---

*) *Отъ редакціи.* Такъ фактъ за фактомъ, свѣдѣніе за свѣдѣніемъ возсоздается исторія и становится извѣстной судьба нашего *золотого фонда.*

Начатое французскимъ судомъ слѣдствіе противъ заправилъ Русско-Азіатскаго Банка, мы увѣрены, прольетъ также достаточно свѣта на то, куда дѣвалось Семеновское золото.

Редакція продолжаетъ свою анкету, г.г. Дальневосточникъ, Ріодзи и др., также не сказали еще своего послѣдняго слова.

Мы добьемся правды.

Не смотря на крайнюю нужду въ средствахъ на содержаніе арміи и государственнаго аппарата Адмиралъ Колчакъ, относившійся съ исключительной бережливостью къ народному достоянію, хранилъ полученный имъ изъ Казани денежный запасъ совершенно не тронутымъ. И только, когда въ іюнѣ 1919 года Экономическое Совѣщаніе, посвященное работамъ объ арміи, полуодѣтой и плохо снабженной, вынесло резолюцію, что только "союзники и золото" спасутъ положеніе, тогда Адмиралъ Колчакъ приказалъ и. об. Министра Иностранныхъ Дѣлъ Сукину поставить въ извѣстность союзниковъ о грозящемъ арміи вещевомъ голодѣ, а Министру Финансовъ Михайлову отдалъ распоряженіе, въ силу необходимости, о расходованіи золотого запаса. Къ сожалѣнію нашъ источникъ не говоритъ, какая часть запаса была израсходована на эти надобности, но свидѣтели событій того времени — близкіе участники Омскаго Правительства — живы и, можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ находятся даже въ Парижѣ и потому могутъ легко дать необходимыя свѣдѣнія, дабы восполнить этотъ пробѣлъ.

Какъ извѣстно, союзники ожидаемой отъ нихъ помощи не оказали, и отношеніе Адмирала Колчака къ нимъ ухудшилось. Онъ пересталъ имъ вѣрить. Такъ какъ по своей натурѣ Адмиралъ скрывать своихъ чувствъ не умѣлъ, то, говорятъ, что, однажды, произошелъ такой случай:

Къ Адмиралу явился весь корпусъ дипломатическихъ представителей, которые предложили Адмиралу "взять подъ международную охрану" золотой запасъ и вывезти его во Владивостокъ. Адмиралъ на это предложеніе отвѣтилъ союзнымъ дипломатамъ полнымъ отказомъ, добавивъ, что онъ имъ не вѣритъ.

Такое непрошенное попеченіе со стороны союзниковъ относительно русскаго золота можно объяснить лишь тѣмъ, что они, усматривая въ близившемся паденіи Омскаго Правительства окончательную разруху нашей родины, торопились захватить наше золото въ свои руки, какъ принудительную уплату по нашимъ обязательствамъ. Можетъ быть, это именно обстоятельство и побудило позднѣе вывезти это золото заграницу въ видѣ залога за выговоренный заемъ, о которомъ упоминаетъ г. Ріоцзи въ своей статьѣ. Подробности этого "вывоза", конечно, рано или поздно выйдутъ, какъ говорятъ, на свѣтъ Божій, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ считать совершенно установленнымъ, что вывозъ Омскаго золота произошелъ не на тѣхъ условіяхъ, какія предлагали Адмиралу союзные дипломаты, а на совершенно иныхъ, которыя казались Адмиралу Колчаку наиболѣе пріемлемыми.

Самый фактъ вывоза золота на Востокъ является совершенно безспорнымъ. Источникъ, на который мы ссылаемся выше, прямо говоритъ: "Семеновъ (атаманъ) задерживалъ золото, направленное дальше на востокъ; дальнѣйшая эвакуація цѣнностей черезъ Забайкалье представлялась опасной". И дальше: "Атаманъ далъ слово своимъ друзьямъ не

выпустить изъ Читы задержанныя тамъ двѣ тысячи пудовъ золота. Золото перевозили изъ вагоновъ въ кладовыя банка...“

Это происходило, вѣроятно, въ концѣ лѣта или въ началѣ осени 1919 года, а въ іюлѣ 1920 года Атаману Семенову, въ виду угрозы большевистскаго наступленія, пришлось покинуть Читу и перенести свою резиденцію на ст. Даурію. По всей вѣроятности туда же былъ вывезенъ и ”семеновскій“ золотой фондъ. Къ тому времени въ Читѣ образовалось нѣчто вродѣ Народнаго Совѣщанія, въ которое вошли и нѣкоторые изъ прежнихъ Омскихъ-дѣятелей (Мономаховъ и др.). Какъ намъ передалъ одинъ изъ очевидцевъ, депутація отъ этого Совѣщанія прибыла на ст. Даурію въ началѣ октября 1920 года для пріемки золота, и ей была передана часть семеновскаго золотого запаса. Остальная его часть, насколько извѣстно, была сдана Семеновымъ на храненіе японцамъ, ибо при оставленіи ст. Дауріи атаманомъ и послѣдовавшемъ раствореніи его отрядовъ, а равно при значительномъ сокращеніи свиты Атамана и прекращеніи его боевой дѣятельности, представлялось весьма обременительнымъ и небезопаснымъ хранить при себѣ крупную сумму денегъ въ золотой монетѣ. Атаманъ Семеновъ въ настоящее время проживаетъ въ Японіи, въ г. Нагасаки и, вѣроятно, сочтетъ своимъ долгомъ отозваться на анкету о русскомъ золотѣ.

Въ заключеніе не можемъ не указать на тотъ источникъ, изъ коего мы заимствовали цифровыя и другія данныя для нашей статьи. Это — двухтомный трудъ члена Колчаковскаго Правительства Г. К. Гинса, озаглавленный: — ”Сибирь, Союзники и Колчакъ“ 1918—1920 г.г.. Впечатлѣнія и мысли члена Омскаго Правительства. Пекинъ. 1921 г.—Офиціальное положеніе автора этого труда, дѣлаетъ его однимъ изъ наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ по исторіи названнаго Правительства.

Дальневосточникъ.

По поводу одной полемики.

Около Зарубежнаго съѣзда, какъ и слѣдовало ожидать, загорѣлась ожесточенная, ревнивая и мстительная полемика. Наши лѣвые никакъ не могутъ простить и примириться, что ”правые задумали и рѣшили дѣйствовать“, какъ выразился въ статьѣ ”Каждому свое“ г. Прокоповичъ въ ”Послѣднихъ Новостяхъ“ отъ 12 іюня.

Видимо, статья Прокоповича попала въ ”Послѣднія Новости“ не случайно, а нарочито. Въ томъ же номерѣ ”Послѣднихъ Новостей“ въ передовой г. Милюкова г. Прокоповичу дана задача сбалансировать, подвести saldo аргументовъ этой знаменательной полемики между нашей лѣвой и нашей правой.

По существу своему это saldo подчеркнутое г.г. Милюковымъ

и Прокоповичемъ, ничего новаго и неожиданнаго изъ себя не представляетъ. Продолжается традиціонный споръ русской революціонной демократіи съ такъ называемымъ національнымъ консерватизмомъ. Этотъ споръ — наша вѣковая традиція, пережившая со временъ еще Надеждина и Погодина, Герцена и Хомякова, Бѣлинскаго и Тургенева всѣ перепетіи нашей общественно - политической обстановки. Ушли мы зарубежъ, за нами по пятамъ слѣдуетъ эта наша семейная реликвія.

Конечно, въ дорогѣ мы порядочно измельчали и пообносились. Вмѣсто Герцена у насъ сейчасъ Милюковъ, а въ Россіи вмѣсто князя Вл. Мещерскаго — Бухаринъ, а вмѣсто Салтыкова - Щедрина — нѣкій Сосновскій. Не измельчала только, а, пожалуй, выросла и заматерѣла наша партійная мстительность и наша ужасающая нетерпимость къ чужому мнѣнію, къ открытому и смѣлому чувству.

И вотъ хочется подумать надъ итогами этой полемики и спросить: спорили мы и споримъ сто лѣтъ, а слышалъ ли эти споры и слышитъ ли ихъ сейчасъ тотъ глубокій и бездонный міръ, который мы называемъ народомъ? Слышитъ ли насъ подлинная Россія?

И вопросъ этотъ, конечно, не новъ и задавался не разъ, а сотни, тысячи разъ. Послѣ послѣдняго бурелома, опустошившаго нашу интеллигенцію, на лѣсной полянѣ среди жалкихъ пней особенно грустно задумываешься надъ этимъ и рѣшаешь этотъ вопросъ. Разрѣшимъ ли онъ вообще? Нѣтъ ли въ нашей русской психикѣ какихъ то особыхъ чертъ, которыя какъ бы дѣлятъ наше общественное самосознаніе на два полярныхъ, другъ друга исключающихъ типа?

Полемика около Зарубежнаго Съѣзда эти нашу партійную полярность еще разъ подчеркнула съ какой то энергіей не то отчаянія, не то одичанія.

Одичаніе и отчаяніе особенно разлиты въ статьѣ Прокоповича по поводу Зарубежнаго Съѣзда. Даже въ нашей зарубежной прессѣ, сбитой съ дороги, озлобленной, впавшей въ безнадежную мармеладовщину, статья Прокоповича рѣжетъ глазъ своимъ тономъ и содержаніемъ. Статья эта классическій образецъ нашей партійной склоки и неразберихи.

Прокоповичъ пишетъ: "По подсчету П. Б. Струве, въ русской эмиграціи — 85% монархистовъ. Если Струве правъ, то зрѣлище удручающее. Значитъ въ эмиграцію выплеснулось какъ разъ то, *что подлежитъ ликвидаціи.* По завѣтамъ прошлаго, по завѣщанію прошлаго. 85% монархистовъ приглашаютъ "Зарубежную Россію" объединиться, выбрать вождя и итти единымъ фронтомъ на большевиковъ. На такое общее приглашеніе остальные 15% прогрессивной эмиграціи должны отвѣтить: *никакихъ совмѣстныхъ дѣйствій съ русскими монархистами...*"

Прокоповичъ продолжаетъ:

— "На что же оріентируетесь вы, вотъ эти жалкіе остатки 15% демократіи? — спросятъ насъ... Да, насъ мало здѣсь за рубежомъ, но

насъ много, очень много тамъ, въ Россіи. Мы оріентируемся во 1), на русскихъ крестьянъ и рабочихъ, во 2-хъ) на всю демократію цивилизованнаго міра. Вы вѣримъ: наше ухо хорошо слышитъ звуки земли русской, откуда сообщаютъ вѣсти весьма однообразныя: кто хочетъ поддержать еще разъ падающее вліяніе коммунизма, тотъ долженъ всемѣрно поддерживать зарубежный монархизмъ."

Я беру цитаты изъ Прокоповича буквально. Милюковъ, резюмируя итоги полемики съ "Возрожденіемъ", говоритъ, что "полемика эта прошла не безплодно для выясненія существа спорныхъ вопросовъ".

Сказано это весьма серьезно и даже высокомѣрно.

— Полемика прошла не безплодно!...

Въ такой атмосферѣ собираемся мы на Зарубежный Съѣздъ.

П. Никашинъ.

Церковь за рубежомъ.

Бѣженская жизнь со всею тяготою безправнаго, условно терпимаго существованія входила въ норму, требовала все большей организованности и отчетливыхъ ея формъ.

Религіозная сторона жизни замѣтно выдѣляла русскихъ всюду, гдѣ бы они не поселились. Одновременно съ этимъ непрекращающіяся гоненія на вѣру и церковь внутри Россіи, тюремное заключеніе и судъ надъ патріархомъ Тихономъ, полутюремное, во всякомъ случаѣ подназорное его существованіе въ Донскомъ монастырѣ, при непрерывныхъ ссылкахъ наиболѣе дѣятельныхъ епископовъ — все сдѣлало Русскую церковь и Русскую религіозную жизнь предметомъ вниманія всего міра

Но это вниманіе не было и не остается только любопытствомъ. Все яснѣе начинаетъ сознаваться всюду, что самый центръ, самый узелъ борьбы лежитъ именно въ этомъ. Нужно убить христіанство съ его проповѣдью братства, любви, самопожертвованія, надо уничтожить церковь — это земное хранилище истины и строенія жизни, въ которомъ господствуютъ правда и любовь, а не сила и властолюбіе.

Тѣмъ отвѣственнѣе становилось положеніе всякой церковной организаціи, тѣмъ большій открывался путь для ея вліянія.

Имя патріарха Тихона — Исповѣдника за вѣру, окруженнаго сонмомъ мучениковъ и самоотверженной любовью вѣрующаго народа, начинаетъ сіять все ярче тихимъ свѣтомъ непоколебимой стойкости. И въ это самое время противъ него начинаетъ идти агитація въ бѣженской средѣ во имя неудавшейся партійной попытки сдѣлать церковь своимъ слѣпо послушнымъ орудіемъ.

Нельзя не отмѣтить страннаго до грубости непониманія того, какъ исторически складывалась русская жизнь.

Мы привыкли съ младенчества слышать, что церковь въ Россіи, въ

ея государственномъ строительствѣ имѣла огромное значеніе. А дальше слѣдовалъ выводъ, что Церковь должна поддерживать то, что ей прикажутъ. Вся сила и значеніе Церкви въ нашей исторіи въ томъ, что она вела дѣло единаго религіознаго строенія. Для мирнаго церковнаго житія княжескія усобицы, братоубійственная рѣзня, вѣчныя споры изъ-за власти и постоянное разроеніе ни по существу ни по формѣ были непріемлемы. Столь же непріемлема была и татарщина.

Ни дробленія, ни подчиненія чуждой власти Церковь, не ставя узко политическихъ задачъ, не выдвигая вопроса специфически національнаго, — не могла принять по существу. Она вела свое дѣло: воспитывала единый христіанскій духъ, вводила единообразныя формы церковнаго управленія, давая духу и тѣлу народному единство содержанія и формы и тѣмъ неизбѣжно подготовляя русское единство и царское единодержавіе.

Но ни князья, ни политическіе дѣятели Церкви не приказывали и подъ команду ее не ставили: въ этомъ былъ великій исторически-строительный тактъ; отсюда незыблемость авторитета церкознаго. Нѣкоторая часть русской эмиграціи, считающая себя хранительницей историческихъ завѣтовъ, какъ разъ ихъ именно и нарушаетъ.

И вотъ, послѣ Карловацкаго собора, мы наблюдаемъ картину разительную: авторитетъ и значеніе Парвославной Русской Церкви растутъ и растутъ, а наряду съ этимъ, вопреки историческому смыслу и въ явный ущербъ интересамъ текущаго времени дѣлаются попытки внести разложеніе, лишить церковь самотсоятельности.

Послѣ отмѣны постановленій Карловацкаго собора сразу же началась очень совеобразная борьба съ этой отмѣной. Поведена она по линіи опроченія дѣйствій патріарха Тихона, какъ дѣйствій подневольныхъ. Наилучшее выраженіе это теченіе мысли нашло въ передовой статьѣ еженедѣльника "Высшій Монархическій Совѣтъ" отъ 9 іюня 1924 года. По поводу слуховъ о созывѣ церковнаго собора въ Москвѣ, еженедѣльникъ В.М.С. пишетъ: "Всѣ, кому православная церковь дѣйствительно дорога, должны теперь же дорожить временемъ, поступить осторожно, какъ мудрые, и не какъ неразумные, и заранѣе объявить, что подъ сатанинскимъ игомъ СССР никакое свободное волеизъявленіе церковнаго собора невозможно и что потому, мы, вѣрующіе, впередъ объявляемъ постановленія этого собранія подневольныхъ ГПУ людей, не имѣющимъ законной силы.

Весной этого года, въ Детронтѣ (С. Америка), состоялся епархіальный соборъ русскихъ православныхъ церквей, который объявилъ американскую православную епархію временно автономной отъ власти плѣненнаго большевиками патріарха Тихона и призналъ митрополита Платона правящимъ владыкою американской православной церкви. Это необходимое и мудрое постановленіе было вызвано опубликованіемъ въ большевицкихъ газетахъ "указа" патріарха Тихона объ увольненіи ми-

трополита Платона съ вызовомъ его въ Москву для оправданія себя въ контръ-революціи.

Къ великому прискорбію, не такъ поступилъ въ августѣ 1922 года Карловацкій соборъ епископовъ, получившій столь же сомнительный "указъ" патріарха Тихона отъ 22 апрѣля 1922 года, съ отмѣной дѣяній Карловацкаго церковнаго собора и съ упраздненіемъ учрежденнаго этимъ соборомъ Высшаго Церковнаго Управленія. Собравшіеся тогда въ Карловцахъ епископы несомнѣнно проявили поразительное смиреніе и послушаніе мнимой волѣ того, кто уже не имѣлъ воли, но законному строю церковному заграницей это послушаніе принесло несомнѣнный вредъ. Теперь пришло время исправить сдѣланную ошибку и, убѣдившись въ подложности и подневольности присылаемыхъ изъ СССР патріаршихъ "указовъ" возстановить законную силу постановленій Карловацкаго церковнаго собора, а также Высшее церковное управленіе заграницей, подчинивъ ему всѣ заграничныя православныя русскія епархіи и церкви, включая, конечно, и американскую. Это будетъ поистинѣ соборное дѣяніе и соборное рѣшеніе: Временная автокефалія свободная отъ насилія, "указовъ", возстановить законную силу постановленій Карловацкаго церкви. Заграничная наша церковь должна быть едина и управляться единымъ центромъ — Высшимъ Церковнымъ Управленіемъ подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго митрополита Антонія...." Аналогичнаго содержанія заявленіе отъ В.М.С. было получено митрополитомъ Евлогіемъ.

Въ октябрѣ — съ 16 по 23 — состоялся архіерейскій соборъ въ Карловцахъ, на который прибылъ изъ Америки митрополитъ Платонъ.

Въ извѣщеніяхъ о соборѣ содержаніе повѣстки (по крайней мѣрѣ для Парижа) указано не было, а на повѣсткѣ при открытіи засѣданій вопросъ объ автокефаліи значился. Рѣшенъ былъ вопросъ отрицательно. Извѣстія объ этомъ были напечатаны въ разныхъ газетахъ и вызвали слѣдующее любопытное заявленіе, разосланное по редакціямъ и оглашенное въ печати: "Отъ Архіерейскаго Синода Русской Православной Церкви заграницей. Въ зарубежной печати, по поводу состоявшагося въ октябрѣ мѣсяцѣ Архіерейскаго собора Русской Православной Церкви заграницей, появились свѣдѣнія о томъ, что будто бы соборъ отклонилъ проектъ митрополита Антонія и Архіерейскаго Синода о выдѣленіи Русской Церкви заграницей въ самостоятельную церковь, автокефалію. А г-нъ Никаноровъ въ "Веч. Времени", ном. 164, въ статьѣ своей "Ненарушенное единство", по поводу поставленнаго на соборѣ вопроса о необходимости и возможности провозглашенія временной независимой Русской Православной Церкви заграницей, говоритъ о сторонникахъ-разрыва съ патріархомъ Тихономъ и выхода изъ подчиненія Его Святѣйшеству. Свѣдѣнія эти явно тенденціозны, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и въ цѣляхъ возстановленія истины, считаемъ долгомъ сообщить слѣдующее:

Никакого проекта Митрополита Антонія и Архіерейскаго синода по

указанному вопросу соборъ не отклонялъ и не могъ отклонить, такъ какъ по этому вопросу не было представлено со стороны архіерейскаго Синода не только проекта, но даже и доклада. А для митрополита Антонія вопросъ этотъ явился неожиданнымъ, такъ какъ онъ былъ внесенъ на повѣстку собора 30 сентября до возвращенія Владыки митрополита изъ служебной командировки, а анкетные вопросы были разосланы преосвященнымъ безъ его участія.

Вопросъ о необходимости и возможности провозглашенія временной независимости Заграничной Церкви, а не разрыва съ святѣйшимъ патріархомъ Тихономъ возникъ по почину вовсе не Архіерейскаго Синода и тѣмъ болѣе не Высшаго Монархическаго Совѣта, въ еженедѣльникѣ котораго за іюнь мѣсяцъ с. г. была помѣщена статья о семъ, а по почину нѣкоторыхъ архіереевъ не состоящихъ членами Синода и не проживающихъ въ Сербіи, далекихъ отъ мысли о разрывѣ съ свят. патріархомъ Тихономъ, еще въ 1923 году и повторившихъ его съ мотивированной по соображеніямъ церковной экономіи и въ нынѣшнемъ году до учиненія предсоборной анкеты, въ каковую вопросъ этотъ былъ включенъ по этой самой причинѣ.

На повѣстку собора вопросъ этотъ былъ включенъ безъ всякихъ проектовъ и докладовъ и соборомъ отклоненъ единогласно безъ всякихъ разсужденій и преній. А изъ епископовъ, отсутствовавшихъ на соборѣ, но приславшихъ свои мнѣнія въ положительномъ смыслѣ выказались пять епископовъ. При чемъ вопросъ этотъ ставился не въ той формѣ и не въ томъ смыслѣ, какъ указываютъ газеты, а въ видѣ пункта о "необходимости и возможности провозглашенія временной независимости Русской, Православной Церкви заграницей въ дѣлахъ церковнаго управленія, при признаніи главенства св. патріарха Тихона и продолженія возглашенія его имени, дабы снять съ него отвѣтственность передъ совѣтской "властью" за заграничную церковь.

Члены Архіерейскаго Синода Русской Православной Церкви заграницей — еп. Сергій, еп. Гавріилъ, еп. Михаилъ, еп. Гермогенъ, управляющій синодальной канцеляріей Е. Мархароблидзе".

Я привелъ этотъ характерный документъ полностью, чтобы показать со всей очевидностью, что вопросъ объ автокефаліи, внутреннемъ глубокомъ разрывѣ не идетъ изъ глубинъ церковныхъ, не выникаетъ изъ существа церковной жизни, не проводится іерархами, стоящими во главѣ церковнаго управленія и отвѣственнымъ за это управленіе, а привносится со стороны. Во всякомъ случаѣ вопросъ объ автокефаліи въ прошломъ году былъ отклоненъ "единогласно безъ всякихъ разсужденій и преній", какъ гласитъ очень много подтверждающее канцелярское опроверженіе.

Въ нынѣшнемъ году онъ возникаетъ опять и при условіяхъ не менѣе показательныхъ.

І. Никаноровъ.

Единеніе.

Время, которое мы переживаемъ, время торжества коммунистическихъ идей, потрясающихъ спокойствіе всего міра и то тамъ, то сямъ заливающихъ кровью страны земного шара, — это время является вмѣстѣ съ тѣмъ и эрой созидающей. По существу религіозно индиферентный христіанскій міръ живетъ принципами чисто языческой жизни. Это и дало тотъ успѣхъ развитію соціалистическихъ идей, который поднялъ человѣчество къ пропасти. И вотъ на краю пропасти, ища послѣдней опоры, невольно обращаются къ старой и вѣчной, оживляется опять религіозное сознаніе, которымъ жили люди, создавая свою разрушающуюся въ крови и насиліяхъ культуру. Все слышнѣе раздаются голоса, говорящіе о томъ, что сама государственность должна подчиняться священнымъ и вѣчнымъ законамъ человѣческой жизни.

Внимательный наблюдатель могъ бы замѣтить это вездѣ и, быть можетъ, особенно въ самыхъ демократическихъ странахъ, гдѣ ложно понятая и навязанная идея демократизма переживаетъ глубокій кризисъ. Поворотъ къ оживленію религіознаго и національнаго сознанія, — вотъ положительные, созидающіе факторы, при началѣ оживленія которыхъ присутствуемъ мы. Дальнѣйшее ихъ развитіе можетъ повлечь только къ созданію дѣйствительной борьбы съ коммунизмомъ, не встрѣчавшемъ доселѣ сопротивленія въ своемъ развитіи. Такая опасность сознается и самимъ коммунизмомъ. Всѣ знаютъ, какъ безпощадно расправлялся онъ не только съ ненавистной ему буржуазіей, но и съ соціалистами, тѣми учителями и друзьями, завершеніемъ идей которыхъ служитъ онъ самъ. Теперь, послѣ казней и ссылокъ соціалистовъ, спѣшно проводится новый приказъ Интернаціонала. Какъ и прежде, коммунистамъ всѣхъ странъ (кромѣ, разумѣется, Россіи) предписывается дружить съ соціалистами всѣхъ оттѣнковъ, поддерживая другъ друга противъ надвигающейся опасности, которую почуялъ Интернаціоналъ въ оживляющейся идеѣ похорененнаго имъ было монархизма.

Для русскихъ ни этотъ страхъ, ни характерный для соціалистовъ пріемъ новизны не прндставляютъ. Вѣдь на нашихъ глазахъ разрушалась величайшая изъ имперій со своей тысячелѣтней культурой, благодаря единому фронту и политически и соціалистически недовольной интеллигенціи. Непонятнымъ остается только, какъ могли дѣйствовать вмѣстѣ люди очень разнообразныхъ убѣжденій, сѣя смуту и ненависть кругомъ, чтобы сдѣлаться въ концѣ концовъ добычей Интернаціонала. Единтсвенное объясненіе этому, — въ утратѣ этими людьми религіознаго и національнаго принциповъ, въ утратѣ яснаго сознанія о божественныхъ и вѣчныхъ основахъ человѣческаго существованія. Этой утратой, къ сожалѣнію, объясняется и другая рознь среди русской эмигра-

ціи, которой, казалось бы, въ ея поистинѣ трагическомъ несчастіи, предстоитъ только одна и притомъ искупительная задача, задача борьбы за физически и духовно порабощенную Родину.

Но въ несчастіи - то и вспоминаются божественныя и вѣчныя основы человѣческой жизни. Все равно, — общественной, или личной. Въ татарскомъ рабствѣ ждалъ народъ "когда Господь орду перемѣнитъ", вздыхалъ о попранныхъ основахъ жизни и съ благословенія св. Сергія выступилъ на Куликово поле... Вздыхаютъ о тѣхъ же попранныхъ основахъ и въ частной жизни, какъ это, напримѣръ, описано Чеховымъ по поводу страданій Лины и ея матери въ повѣсти "въ Оврагѣ".

"Чувство безутѣшной скорби готово было овладѣть ими. Но казалось имъ, что кто то смотритъ съ высоты неба, изъ синевы, оттуда — гдѣ звѣзды, и видитъ все, что происходитъ въ Уклеевкѣ. И какъ не велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью". Такое чувство живетъ въ народѣ. Пробуждается оно и въ интеллигенціи. Но оно и обязываетъ. Обязываетъ къ забвенью раздоровъ и споровъ и въ моментъ, когда Интернаціоналъ пытается вновь создать единый фронтъ, дружно и жертвенно пойти на него, какъ нѣкогда народъ на Мамая съ вѣрой, что "все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ". И тогда будетъ побѣда.

Вл. Ладыженскій.

Около бѣлой мечты.

Приходится горько сознаться, что еженедѣльникъ не можетъ откликаться и быть эхомъ жизни повседневной. Съ большой грустью сознаешь это и видишь, какъ дни бѣгутъ, уходятъ въ даль за ними ихъ образы и звуки.

Прошли мимо насъ дни Деникина и Врангеля. Среди сумерекъ, сѣрыхъ заботъ мстительныхъ и озлобленныхъ расчетовъ, — вдругъ залетѣла среди насъ, забилась и затрепетала бѣлая птица.

Такъ на морскомъ берегу послѣ бури вьется, подставивъ бѣлую грудь алому сіянію зари бѣлая птица. Не наглядишься на нее, не налюбуешься, и кажется въ тотъ мигъ, что и бѣлая чайка пережила вмѣстѣ съ нами всѣ ужасы бури.

Такъ послѣ бури, нами пережитой, въ тишинѣ закатныхъ сумерекъ залетѣла въ нашу сѣрую жизнь эта бѣлая птица, бѣлая мечта.

И промчалась вдругъ по нашему сердцу тоска, и вспомнили мы прошлое, и поняли въ тотъ мигъ, что вмѣстѣ по братски переживали мы бурю, разлуку съ родиной, а сейчасъ переживаемъ вмѣстѣ безконечные дни изгнанія...

Это чувство единенія великое наше утѣшеніе на чужбинѣ. Горе остаться здѣсь одному, жить безъ вѣры, безъ мечты, безъ воспоминаній, не хватитъ силъ, пожалуй, влачить такую жизнь!

Эти мысли, кажется, поняли всѣ, и вотъ почему дни Деникина и Врангеля въ Парижѣ были днями рѣдкаго и братскаго единенія. Надѣлала все это наша прекрасная гостья, наша бѣлая птица, наша бѣлая мечта!

Будемъ ждать. Будемъ надѣяться, вѣрить. Будемъ служить Россіи, какъ можемъ и умѣемъ. И пусть память о прошломъ будетъ символомъ нашего единенія!

Платонъ Карпаевъ.

Въ оградѣ Бѣлаго Монастыря.

Съ обычной вдохновенной красотой проходила Страстная Недѣля.

Въ Общинѣ Страстная не только трогательна, но очень красива. Начиная съ Вербной Субботы, когда послѣ всенощной сестры выстраиваются на ступенькахъ главной лѣстницы, съ вербами и свѣчами въ рукахъ, — и также стоятъ въ столовой вдоль длиннаго стола, — цѣлая роща вѣтвей съ сѣрыми зайчиками и мягкою зеленью и огней. За долгими, темными и печальными всенощными, за великолѣпными обѣднями все лучшее, геніальное, что создано Отцами Церкви и вдохновенными музыкантами; "кананарши", поднявъ большую кожаную книгу, выкрикиваютъ грудными чистыми голосами свои поэтическіе и загадочные возгласы, за которыми вѣка русской исторіи, ибо кананарши — древніе суфлеры для хора, отъ того времени, когда не было достаточно книгъ и не было просто печати.

"Князи людстіи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа его".

"Изведи изъ темницы душу мою..."

Днесь Христосъ приходитъ въ домъ фарисеевъ..."

Сколько бездонно далекихъ воспоминаній будятъ и тревожатъ эти слова...

Сколько вѣковъ это помогало людямъ жить и умирать...

Въ четвергъ утромъ за обѣдней дьяконъ, пьяница, но художникъ, среди чтенія изумительнаго по красотѣ и силѣ Евангелія, останавливается на мѣстѣ Геѳсиманской молитвы и не можетъ читать отъ подступившихъ къ горлу слезъ. И слышно, какъ плачутъ больные.

Каждый разъ съ нимъ бываетъ это. Онъ читаетъ странно, совсѣмъ просто, пожалуй, даже однообразно, — часто и отчетливо, точно рубитъ своимъ низкимъ басомъ, но что то было въ самомъ тонѣ безконечно скорбное и благоговѣйное, что глубоко волновало слушателей. Два Евангелія въ году не могъ онъ никогда благополучно дочитать, — Вос-

крешеніе Лазаря и въ четвергъ обѣдню Василія Великаго. Начиналъ обычно: "Рече Господь своимъ ученикомъ: Вѣсте яко подвоюдню Пасха будетъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ на пропятіе", и потомъ: "Іисусъ же бывшу въ Виѳаніи, въ дому Симона прокаженнаго", — про женщину съ алавастровымъ сосудомъ мура драгоцѣннаго, и дальше все шло ничего, и Тайная Вечеря, и грозное предсказаніе Христа — "всѣ вы соблазнитеся о мнѣ въ нощь сію, ибо писано есть: поражу Пастыря и разъидутся овцы стада", — но какъ доходило дѣло до тоски Христа: "Душа Моя скорбитъ смертельно, — побудьте и бодрствуйте со мной" — онъ ничего не могъ подѣлать; голосъ его мѣнялся такъ, будто онъ хочетъ засмѣяться, и онъ останавливался. У насъ — при единодушіи нашего настроенія и наличія душевно - больныхъ поднимался общій плачъ.

"Почему же то, что мы переживаемъ, кажется мнѣ такимъ чудовищнымъ?" — думаю я, и странное чувство поднимается во мнѣ — хоть бы обострились эти страданія, дошли до своей высшей точки и стали велики... Не было бы этого ужаснаго, тупого томленія...

Вечеромъ посреди церкви наше прекрасное Распятіе въ цвѣтахъ — и единственная въ году всенощная, съ ея настроеніемъ трагизма, разрѣшающагося крикомъ мольбы: "Разбойника Благоразумнаго во единомъ часѣ раеви сподобилъ еси. Господи. И меня древомъ крестнымъ просвѣти и спаси, Спасе мой", — знаменитое тріо, передъ которымъ нашу регентшу Анюту задолго била лихорадка.

Въ нашей маленькой церкви, дешевенькой и довольно безвкусной, но въ которую всѣ несли, что могли, цѣннаго и художественнаго, начиная съ раскольничьихъ образовъ и всякихъ пожертвованій и подношеній, и кончая иконами умершихъ и георгіевскими крестами въ витринкѣ убитыхъ на войнѣ сестеръ, — прислуживаютъ, читаютъ и поютъ сестры, и потому мы слышимъ и понимаемъ всю службу отъ Евангелія до знаменитыхъ "антифоновъ", прославляющихъ Христа за муки и униженія, и читаемыхъ у насъ поочередно на двухъ клиросахъ. Истинно нѣтъ болѣе глубокаго и сильнаго, болѣе исчерпывающаго произведенія, какъ эта Заутреня Страстей Господнихъ.

И какъ грустно, что мы, стыдившіеся не читать Щедрина или Михайловскаго, не знали ея. У насъ въ церкви образованные люди слушали ее, какъ нѣчто новое.

Я уже говорила о хорошемъ нашемъ пѣніи; не менѣе интересно было у насъ чтеніе, — отъ Глаши съ ея Апостоломъ, Анюты съ проникновеннымъ шестопсалміемъ и сестры Даши, тоже бывшей послушницы, вычитывавшей часы и вечеромъ однообразнымъ тономъ какого то недоумѣвающаго упрека, но наизусть знавшей всю службу и подсказывавшей иногда даже священникамъ, — до молодой, бойкой сестры, читавшей страннымъ, древнимъ распѣвомъ, какой я встрѣчала теперь въ старинныхъ болгарскихъ монастыряхъ. Почему это было? Не потому

ли, что въ нашу Общину шли изъ всевозможныхъ монастырей неприспособившіяся, неустойчивыя женскія души, не находившія своего пути и, быть можетъ, художественныя по природѣ?

Въ пятницу въ темнотѣ, уже пахнувшей весною, подъ весеннимъ небомъ съ разорванными тучами длинное шествіе съ хоругвями и плащеницей, свѣчами и погребальнымъ пѣніемъ "Святый Боже". Толпа кругомъ и сзади, ковыляющіе хроники душевно - больные, довольные и улыбающіеся; на крыльцѣ флигеля въ темномъ саду, утопающемъ въ весенней грязи — моя помощница, замѣнившая дежурныхъ сестеръ, одиноко любующаяся крестнымъ ходомъ.

И наконецъ — въ заключеніе всего — неудержимо радостная, яркая отъ бѣлыхъ платьевъ сестра, отъ смѣняющихся свѣтлыхъ ризъ священника, отъ цвѣтовъ и огней, быстрая и великолѣпная въ самыхъ своихъ повтореніяхъ и однообразіи счастья — Свѣтлая Заутреня — сплошное побѣдное ликованіе.

Напряженія, котораго требуетъ Страстная, не хватаетъ въ Пасхальную ночь, и безумная усталость валитъ съ ногъ. Въ эту службу, особенно за обѣдней, всегда исторіи и непріятности, — хоръ путаетъ, сестры насилу стоятъ, а главное начинаютъ глупо, ничему смѣяться. И, что хуже всего, — я, при моемъ возрастѣ и положеніи главы нашей семьи, не могу тоже удержаться отъ смѣха, когда вижу, что одна изъ нашихъ сестеръ, чудачка и всегда смѣшившая насъ, очень аккуратная къ службамъ, хотя и католичка, стояла на своемъ мѣстѣ позади меня, откровенно спитъ на ногахъ.

Предсѣдательница, мой большой другъ, но и непосредственное мое начальство, недовольна и говоритъ мнѣ, что если я не перестану, она уйдетъ изъ церкви.

Въ этомъ году смѣха не было, и мы причащались.

Когда мы съ трудомъ добиваемся послѣ разговѣнья до постелей, падая отъ усталости, съ навязчиво преслѣдующимъ мотивомъ Христосъ Воскресе въ ушахъ, — рѣзкій звонокъ телефона пугаетъ наше общежитіе.

Встревоженный, умоляющій голосъ отца, у котораго умираетъ отъ дифтерита ребенокъ, задыхается, и никого нѣтъ.

Сонъ, смыкавшій глаза, проходитъ; встаю съ страннымъ чувствомъ полной пустоты въ головѣ; разговоры, командировка. Грустно посылать сестру въ такую ночь, уже утро, пѣшкомъ черезъ всю Москву. Разбудить кучера или санитара — и думать нечего.

Изъ окна смотримъ на ея одинокую фигуру съ мѣшечкомъ, на блѣдную, пустую, безсонную Москву, гудящую запоздалымъ, дальнимъ звономъ какого нибудь монастыря...

Не такъ же ли гудѣла Москва въ эту ночь и при Іоаннѣ Грозномъ?

К. Ельцова.

Начало Корниловскаго движенія.

VII *)

Меня интересовала канцелярская, закулисная дѣятельность революціоннаго правительства, и я обращался къ моимъ друзьямъ за свѣдѣніями.

В. Д. Набоковъ въ Архивѣ Русской Революціи (т. I) уже далъ много интересныхъ свѣдѣній объ этой закулисной дѣятельности. Я же приведу только два письма изъ коллекціи такихъ "живыхъ сообщеній" мнѣ.

Авторъ, печатаемыхъ здѣсь двухъ главъ, не только извѣстный всей Россіи юристъ, но — по своему положенію — принималъ участіе въ засѣданіяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ его двухъ письмахъ.

Онъ поднимаетъ свой голосъ не только для того, чтобы напомнить "страны родной минувшую судьбу" и не только ради ихъ исторической цѣнности. Мы въ нихъ видимъ драгоцѣнныя авторитетныя указанія опыта.

Кратко, выразительно, ясно авторъ показываетъ, въ какія большею частью неопытныя, дѣтскія, а иногда — съ государственной точки зрѣнія — преступныя руки попало управленіе несчастной страной въ такой важный историческій моментъ...

Керенскій, Гучковъ, Некрасовъ, Зарудный, Малянтовичъ, — эти уже поблекшія тѣни недавняго прошлаго — оборотная сторона русской трагедіи, большевизма...

Каждый изъ нихъ повиненъ передъ родиной, и вина одного не оправдываетъ и не уменьшаетъ вины другого.

Не будемъ говорить о разстрѣлянномъ (?) большевинками Некрасовѣ. Но скажемъ о живыхъ: вина Малянтовича, недомыслiе Зарудnаго не оправдываютъ ни Гучкова за его подпись на Приказѣ № 1, ни Керенскаго.

Исторія нелицепріятно воздастъ каждому по заслугамъ.

1.

Вотъ эти два письма:

ОДНИ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ ?

Когда, послѣ іюльскаго наступленія, на обреченную Россію обрушился ужасъ тарнопольскаго прорыва и калушскихъ звѣрствъ, а за нимъ и конечная катастрофа, мало кто отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что явилось одной изъ главныхъ причинъ этихъ кошмарныхъ событій...

Рѣшительное измѣненіе яснаго облика бывшаго «христолюбиваго» воинства чаще всего объясняется знаменитымъ опытомъ г.г. Стеклова и Соколова, оплаченнымъ — для сего послѣдняго сенаторскимъ званіемъ, а для русской арміи — ея гибелью...

*) См. «Рус. Нед.», № 4.

Между тѣмъ, причины были и иныя... Менѣе явныя, онѣ, по своей внутренней сущности, не уступили извѣстному приказу № 1....

Въ первыхъ числахъ марта, какъ только были окончены работы министерства юстиціи по составленію такъ называемой политической амнистіи, руководитель этихъ работъ, товарищъ министра Зарудный, созвалъ совѣщаніе для выработки амнистіи общеуголовной. Въ это совѣщаніе, помимо чиновъ министерства, были приглашены представители военнаго и военно-морского судебнаго вѣдомства.

Въ основу послѣдняго акта совѣщаніе рѣшило положить прежніе манифесты, но, дабы придать ему не только вполнѣ жизненный, но и отвѣчающій времени — широкій характеръ, была также принята во вниманіе сепаратная практика министерства въ области помилованія и облегченія участи обвиняемыхъ и осужденныхъ.

Двѣ послѣднихъ войны дали въ этомъ отношеніи значительный и своеобразный матеріалъ.

Какъ во время войны съ Японіей, такъ въ особенности въ текущую войну въ министерство поступало огромное количество ходатайствъ лицъ, обвиняемыхъ и осужденныхъ о разрѣшеніи имъ искупить свое прошлое на полѣ брани, причемъ нерѣдко ходатайства эти объяснялись не однимъ стремленіемъ избѣжать отвѣтственности за совершенное...

Во имя охраненія достоинства арміи и интересовъ правосудія разбираться въ нихъ надо было строго... Понимало это тогда и военное вѣдомство, по непремѣнному соглашенію съ которымъ просьбы разрѣшались и, tacitu consensux между главнымъ штабомъ и министерствомъ было установлено на этой почвѣ полное единомысліе.

Все корыстное, позорное не давало права быть воиномъ, все случайное, иногда почти неизбѣжное въ вихрѣ жизни — въ укоръ не шло... Разбой, грабежъ, мошенничество, кража, поджогъ, изнасилованіе закрывали доступъ въ ряды защитниковъ отечества; убійство изъ ревности, нанесенныя въ раздраженіи раны, побои, даже смертельные, но въ деревенской свалкѣ — открывали возможность загладить свою вину въ очистительномъ священномъ огнѣ сраженій. И часто эта возможность не только осуществлялась, но и имѣла доказательствомъ честнаго ея выполненія одинъ, два, а то и всѣ четыре завѣтныхъ креста... Совѣщаніе остановилось на этой практикѣ, но подъ вліяніемъ либо общей мартовской тенденціи, въ порывѣ ли преступнаго легкомыслія — столь расширило ея предѣлы, что отъ цѣнной въ ней разборчивости не осталось и слѣда.

Былъ допущенъ пріемъ въ армію всѣхъ, независимо отъ свойства преступленій и пріемъ этотъ не требовалъ болѣе согласія военной власти... Авторомъ такого расширенія и полнаго искаженія первоначальной идеи явился товарищъ министра Зарудный и, трудно повѣрить, ему очень формально возражали представители арміи и флота.

Такъ создалась ст. 10 Постановленія Временнаго Правительства отъ 17 марта объ облегченіи участи лицъ, совершившихъ уголовныя преступ-

ленія, статья, которая можетъ быть по истинѣ названа дополненіемъ къ приказу № 1...

Угаръ марта не прошелъ и черезъ мѣсяцъ, и 14 апрѣля Зарудный, исходя изъ своей мартовской побѣды, циркулярно разъясняетъ недоумѣвающимъ мѣстнымъ дѣятелямъ, что лица, воспользовавшіяся льготой ст. 10, подлежатъ принятію военными властями безусловно и что, въ случаѣ признанія ихъ негодными къ строевой службѣ, она должна быть замѣнена для инхъ нестроевой. Со своей стороны, военный министръ Гучковъ, несмотря на суровый опытъ многихъ войнъ, вторитъ Зарудному и 20 апрѣля подтверждаетъ правильность его толкованія отъ имени генеральнаго штаба...

Широкой мутной волной текутъ въ армію отбросы общества, но творцу ст. 10 этого мало, и въ апрѣлѣ же онъ прибавляетъ въ инструкціонномъ порядкѣ, что дѣйствіе льготы ст. 10 простирается на лицъ женскаго пола, выразившихъ готовность послужить родинѣ на передовыхъ позиціяхъ въ качествѣ сестеръ милосердія. Великій символъ покрываетъ грудь пристанодержательницы, грабтиельницы, поджигательницы...

Военныя власти не знаютъ, что дѣлать съ такими сестрами, не въ силахъ и урегулировать вопросъ о распредѣленіи солдатъ новой формаціи. Не рѣшаются они составлять изъ нихъ отдѣльныя команды, команды, требующія отвлеченія силъ для надзора за ними, считаются и съ нежеланіемъ кадровыхъ частей принимать такія особыя пополненія и въ концѣ концовъ долько Дзевалтовскій, да товарищи Абрамы, учитываютъ тайныя качества этихъ ордъ, готовыхъ на все для воспріятія идей большевизма и вражескаго золота, да погромовъ и растленія дѣтей во время предательскаго бѣгства...

По роковому совпаденію, будущій военный министръ и верховный главнокомандующій, министръ юстиціи въ моментъ составленія амнистіи 17 марта, навѣстилъ однажды совѣщаніе Заруднаго, просидѣлъ молча тамъ нѣсколько минутъ и, уходя, какъ бы въ трансѣ, сонным голосомъ произнесъ:

— Только не миловать растлителей — это ужасное преступленіе.

Давалъ ли онъ указанія, или на мгновеніе почувствовалъ будущіе подвиги арміи, ставшихъ впослѣдствіи подъ его начало и кровью дѣтей запятнавшихъ жертву іюня, — Богъ знаетъ... Но Зарудный, видимо, не придалъ этому заявленію ни того, ни другого значенія, и растлители остались подъ его покровительствомъ вмѣстѣ съ разбойниками и грабителями... Скоро они оправдали оказанное имъ довѣріе, — себѣ, своимъ инстинктамъ они не измѣнили...

На поляхъ многострадальной Галиціи лежитъ этотъ грѣхъ передъ родиной и главнымъ виновникомъ этого злого дѣла, — если не считать попустительства Керенскаго и Гучкова — къ прискорбію — сынъ честнаго работника на нивѣ русскаго правосудія, одного изъ создателей гордости нашего прошлаго — Судебныхъ Уставовъ Царя Освободителя.

II.

Одни ли большевики?

Вопросъ объ отношеніи «власти» и, въ частности, министерства юстиціи къ событію 3-5 іюля (1917 г.)?„

Но это рамки современности... *) Событіе 4-5 іюля, въ предѣлахъ отношенія къ нему власти, ихъ не избѣгло. Отношеніе это внѣшне тоже въ грани двухъ перестрѣлокъ — іюльской трескотни пулеметовъ и октябрьскаго грома пушекъ «славы и гордости революціи»... Внутренне — начало этому отношенію лирическая вспышка Переверзева, **) а, наконецъ — проза Малянтовича. Въ срединѣ же, какъ и въ сумеркахъ текущаго дня — тишина...

Переверзевъ гораздо болѣе трубадуръ, нежели хранитель печати, своимъ извѣстнымъ порывистымъ ночнымъ выступленіемъ несомнѣнно создалъ переломъ въ точкѣ зрѣнія петроградскаго гарнизона на вооруженное возстаніе 3-5 іюля, и этимъ порывомъ не только значительно оттѣнилъ свой тусклый слѣдъ въ жизни вѣдомства юстиціи, но и опредѣлилъ первоначальное отношеніе къ этому дѣлу министерства юстиціи. Порывъ былъ не лишенъ подъема, и отношеніе къ дѣлу ближайшихъ помощниковъ министерства юстиціи — его товарищей было на первыхъ порахъ явно боевымъ. Скоро, однако, оно стало падать тѣмъ болѣе, что замѣститель Переверзева — Зарудный неуклонно проявлялъ къ вдохновителямъ и участникамъ выступленія особую «объективность». Вѣчная боязнь не оказаться на ея высотѣ была у этого человѣка едва ли не маніакальной.

Завершеніемъ такого ослабленія прежней недолгой энергіи въ разслѣдованіи дѣла, опредѣленнымъ и откровеннымъ переломомъ въ этомъ смыслѣ должно быть, однако, признано появленіе на посту генералъ - прокурора Малянтовича. При первыхъ же слухахъ о возможности назначенія его на должность министра юстиціи, товарищи министра, прекрасно освѣдомленные о дѣловой и политической физіономіи этого лица — такого же, какъ и они, присяжнаго повѣреннаго, — стали предупреждать о вѣроятности оставленія ими службы, въ виду коренного различія ихъ взгляда на дѣло 3-5 іюля съ точкой зрѣнія на это дѣло будущаго министра. Особенно опредѣленно высказывался въ этомъ отношеніи товарищъ министра Вальцъ — извѣстный харьковскій присяжный повѣренный, который за недолгое время нахожденія своего въ должности товарища министра, не только проявилъ себя какъ талатливый юристъ - практикъ, но и какъ человѣкъ исключительнаго мужества и порядочности.

Опасенія не замедлили оправдаться... Внѣ дѣла 3-5 іюля Малянтовичъ, казалось, ничѣмъ болѣе въ роли министра не интересовался. Дѣловыя собесѣдованія вращались почти исключительно около этого дѣла и завершились совѣщаніемъ, на которомъ Малянтовичъ въ рѣчи, скорѣе повѣреннаго Ленина и Ко., нежели представителя законности, обнаружилъ себя вполнѣ.

Въ совѣщаніи этомъ, происходившемъ въ частномъ кабинетѣ мини-

---

*) Писано въ 1918 г. Е. С.

**) Объ этой «вспышкѣ» Переверзева см. ниже.

стра въ зданіи министерства, приняли участіе товарищи министра Скарятинъ, Демьяновъ и Вальцъ (завѣдующій уголовной частью), представители прокуратуры петроградской судебной палаты и суда, а также чины юрисконсульской части министерства — криминалисты.

Малянтовичъ — незаурядный ораторъ реальнаго направленія — покойнаго Жуковскаго — не склонный вообще къ прелюдіямъ настроенія ради, — былъ, видимо, не въ силахъ отказаться на этотъ разъ отъ подобнаго пріема, болѣе свойственнаго иной школѣ. Вопросъ былъ поставленъ широко, какъ широко было обвиненіе, обхватывающее не только посягательство на измѣненіе строя, но и измѣну. Поэтому оцѣнка дѣятельности привлеченныхъ дѣлу адептовъ большевизма была гораздо глубже собственно іюльскихъ событій.

«Сознаемся, будемъ имѣть храбрость сознаться», — говорилъ Малянтовичъ, что мы всѣ въ свое время недалеко стояли отъ нынѣшняго пораженчества... Не мы ли чуть не привѣтствовали наши японскія неудачи вплоть до Цусимы и въ этихъ урокахъ, жестокихъ урокахъ режиму, видѣли залогъ и почву будущаго протеста и оздоровленія...»

Обвиненіе, поскольку оно касалось измѣны, было предъявлено по признакамъ ст. 108 уголовнаго уложенія, предусматривающей, способствованіе или благопріятствованіе непріятелю, почему обмѣнъ мнѣній совѣщанія по этому предмету свелся къ оцѣнкѣ дѣйствій большевистскихъ агентовъ съ точки зрѣнія этого способствованія или благопріятствованія. Здѣсь разница психологіи предсѣдателя и членовъ сказалось особенно рѣзко и, пожалуй, изъ штриховъ этихъ моментовъ создалась та окончательная, реальная черта, по одной сторонѣ которой оказался тогдашній министръ юстиціи, а по другой — его сотрудники...

Первый говорилъ, болѣе того — утверждалъ, что пораженчество и грубый его видъ - большевизмъ — не ушли далеко отъ настроеній передового общества времени борьбы съ Японіей. Прочіе, во главѣ съ товарищемъ министра Вальцемъ, первымъ поднявшимъ брошенную перчатку, пояснили, что оставленіе линіи обороны, торговля хлѣбомъ и мечемъ — всѣ эти цвѣты такъ называемаго братанія, взросшіе на почвѣ пропаганды квазимаксималистовъ, совершенно достаточны для признанія правильности квалификаціи дѣятелей героевъ 3-5 іюля по указанной статьѣ уголовнаго закона.

Какъ всякій словесный бой безъ рѣшающаго вопросъ голосованія, и эти пренія осязательнаго результата не дали. Съ одной стороны, были голоса рядовыхъ работниковъ не только изучившихъ, но изжившихъ дѣло, — съ другой наскокъ veni, vidi, vici, **Впрочемъ,** въ заключительномъ словѣ предсѣдатель упомянулъ о пресловутой объективности, чѣмъ не столько отдалъ дань своему предшественнику — Зарудному, сколько изобличилъ себя въ попыткѣ къ самооправданію...

Отъ великаго до смѣшного... — Товарищи министра со слѣдующаго дня перестали ходить къ министру. Работа шла, но связью между этими

лицами были бумаги и курьеры, ихъ носившіе изъ кабинета въ кабинетъ.

Однако, большинство Временнаго Правительства и совѣтъ республики, видимо, начали склоняться къ опредѣленной позиціи,, къ вопросу объ отношеніи къ дѣлу 3-5 іюля, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ этого обстоятельства обнаружили и другой результатъ совѣщанія. Неожиданно Малянтовичъ отдалъ приказъ о необходимости безотлагательнаго исполненія слѣдственной власти объ арестѣ Ленина; былъ даже указанъ его ардесъ — не тотъ, о которомъ печатали газеты — въ Петроградѣ, на Широкой улицѣ, а въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ!...

Но колесо судьбы уже повернулось, и черезъ день арестъ коснулся не Ленина, а самого Малянтовича (вскорѣ, впрочемъ освобожденнаго) и орудія крейсера «Авроры» авторитетно, надо думать, разъяснили этому блюстителю привосудія столь смущающій его вопросъ о составѣ преступленія въ дѣйствіяхъ вдохновителей іюльскаго мятежа...

Е. С.

Политическое обозрѣніе.

Красинъ скупаетъ **мертвыя души** во Франціи. Парижскія банковскія и грундерскія **трущобы** кишатъ его агентами. Онъ принимаетъ, обѣщаетъ, сулитъ, подкупаетъ, объявляетъ въ газетахъ, что ѣдетъ на югъ, что не то онъ гоститъ у предсѣдателя комиссіи по русскимъ дѣламъ, г. Дальбіеза, не то у него послѣдній гоститъ.

Словомъ «шумимъ, братцы, шумимъ», чтобы всѣми правдами и неправдами добиться «кредитовъ»... И, какъ послѣдній «фейерверкъ», будетъ пущена въ ходъ поѣздка парламентаріевъ въ Москву во главѣ съ деп. Филипото и сенат. Ледерленомъ — милліонеромъ, который очень надѣется на Красина и на котораго **очень надѣется Красинъ.** Примѣръ и урокъ съ де Монзи и Эрріо — всѣмъ этимъ господамъ ничего не сказали. Они считаютъ себя умнѣе и ловчѣе тѣхъ двухъ «туристовъ»...

Пока Красинъ старается здѣсь, Раковскій еще болѣе распинается въ Лондонѣ. Онъ обѣщаетъ заказы, а главное соблазняетъ англичанъ постройкой **Сѣверо - Сибирскаго пути,** параллельно существующему уже Сибирскому пути. Нашлись англичане, какъ сэръ Чарльзъ Стюартъ и Тольботъ, которые сдѣлали видъ, что повѣрили Раковскому и вступили съ нимъ въ переговоры и даже переписку! Но въ то же время они создали **Франко-британскій союзъ Примиренія,** главная цѣль котораго та же, что **Союза держателей русскихъ бумагъ** во Франціи, т. е. требованіе отъ Совѣта **уплаты долговъ.**

Красинъ и Раковскій — послѣдніе два козыря Совѣтскаго правительства, но т. к. ихъ шулерская игра становится все болѣе и болѣе явной для Европы, то конецъ ея не трудно предвидѣть. Съ этой точки зрѣнія интересно привести резолюцію русской секціи Лондонской Торговой Палаты, гла-

сящую, что торговыя сношенія съ Россіей смогутъ возобновиться лишь тогда, когда вернется довѣріе **по возвращеніи конфискованныхъ имуществъ съ справедливымъ вознагражденіемъ** и что просятъ правительство продолжать свои усилія съ этой цѣлью. Торговая Палата также отмѣтила тотъ фактъ, что г. Раковскій оставилъ безъ отвѣта вопросъ, имѣетъ ли обратную силу декретъ, отмѣняющій конфискація частныхъ имуществъ (собственности) Г.г. Красинъ и Раковскій не имѣютъ больше передъ собою Макдональдовъ, Эрріо и имъ подобныхъ. На сцену выступили не болтуны и политическіе Кречинскіе, а **кровно** заинтересованные кредиторы — толпа обобранныхъ, ограбленныхъ кредиторовъ, которыхъ обойти или подкупить гораздо труднѣе.

Къ тому же антисовѣтская политика Чемберлена тоже не измѣнилась, и онъ ее продолжаетъ, хотя и медленно ,отвлекаемый заботами, которыя чинятъ его правительству коммунисты и соціалисты, толкая три главныя рабочія объединенія страны на всеобщую забастовку. Когда мы пишемъ эти строки, въ Парижѣ сообщаютъ, что есть надежда избѣгнуть забастовку и что правительство и страна не будутъ застигнуты врасплохъ. Коммунистамъ предстоитъ еще не одинъ ударъ.

Въ Греціи раскрытъ коммунистическій заговоръ, цѣль котораго создать въ Афинахъ — вмѣсто Вѣны — коммунистическій центръ для Балканъ.

Объединеніе Сербіи закончилось удавшимся геніальному Пашичу примиреніемъ сербовъ и хорватовъ: первый результатъ — вхожденіе въ кабинетъ 4 хорватскихъ министровъ и огромное правительственное большинство въ Скупщинѣ; второй результатъ немедленное послѣ этого подписаніе между Италіей и Югославіей Адріатическаго соглашенія. Муссолини (послѣ 5-лѣтнихъ оттяжекъ) понялъ, что раздоры въ Сербіи кончились.

Во Франціи благополучно прошли кантональные выборы (трети членовъ Генеральныхъ Совѣтовъ). Оффиціальная статистика и лѣвыя газеты (послѣднія шумно) устанавливаютъ новую побѣду бывшаго картеля.

Національные круги доказываютъ противное. На самомъ дѣлѣ выборы новаго ничего не дали, кромѣ пораженія коммунистовъ и нѣсколькихъ новыхъ мѣстъ радикаламъ-соціалистамъ. На будущіе сенатскіе выборы это никакого вліянія имѣть не будетъ вопреки надеждамъ картелистовъ. Этимъ очевидно и объясняется рѣшеніе правительства Пенлевэ принять, наконецъ, мѣры противъ коммунистовъ.

Франкоруссъ.

Повтореніе временъ Зелимъ-Хана.

(На Кавказѣ.)

Одной изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ исторіи жизни кавказскихъ народовъ является абречество, ввидѣ грабежей, разбоевъ и насилій, совершающихся въ разныхъ уголкахъ края надъ мирнымъ населеніемъ. Понятно само собою, что эти вредныя явленія весьма

пагубно, если не сказать больше, отражаются на экономическомъ благополучіи страны. Не мало затратъ времени, усилій, казенныхъ средствъ стоила государству борьба съ послѣдними. Вотъ исторія съ абрекомъ Зелимханомъ въ Чечнѣ и въ районѣ Сѣвернаго Кавказа вообще. Цѣлыхъ 8-9 лѣтъ продолжалось преслѣдованіе его съ шайкой, пока онъ не былъ уничтоженъ. Не мало было такихъ же абрековъ и въ Закавказьѣ въ Елисаветпольской губ., которые десятки и болѣе лѣтъ наводили ужасъ и панику на мирныхъ жителей. Доставалось отъ абрековъ не только мирнымъ обывателямъ, но и мѣстнымъ властямъ и даже воинскимъ частямъ, преслѣдовавшимъ ихъ. Какъ тѣхъ, такъ и другихъ, абреки истребляли безпощадно, если представлялся имъ случай къ тому. Мнѣ вспоминается убійство въ 1908-1909 г. начальника Веденскаго округа полковника Галаева, уничтоженіе цѣлаго отряда полковника кн. Андроникова и партіи инженеровъ съ нимъ въ ущельи рѣки Яссы въ Чечнѣ, нападеніе и ограбленіе, въ 9 часовъ утра, казначейства въ г. Кизлярѣ, закончившееся цѣлымъ рядомъ убійствъ не только служащихъ казначейства, но и случайныхъ прохожихъ. Все это дѣло рукъ абрека Зелимхана. Не малая доля обвиненія въ томъ, что **шайки** абрековъ держались на Кавказѣ десятки и болѣе лѣтъ, въ отсутствіи раціональной борьбы съ ними при наличіи громадныхъ средствъ, отпускавшихся правительствомъ на это дѣло, — падаетъ на мѣстную администрацію. Въ этомъ отношеніи грѣхъ былъ, чего таить, не только на начальникахъ округовъ, но даже и на начальникахъ областей, не брезгавшихъ принятіемъ всякихъ подарковъ отъ главарей шайки абрековъ въ видѣ коней, шашекъ т. д. Иные, какъ, напр., начальникъ Назрановскаго округа, Терской области, полковникъ Котляревскій, шли еще дальше. Названный начальникъ поймался на №№-хъ 500-руб. кредитокъ, поднесенныхъ ему абрекомъ Зелимханомъ изъ ограбленныхъ у плѣненнаго имъ овцевода Мамонтова. Котляревскій послѣ этого поспѣшилъ покончить жизнь самоубійствомъ. Не смотря на злоупотребленія мѣстныхъ властей, борьба краевой власти съ абречествомъ была настолько интенсивна, что къ 1908-10 г. конокрадство почти сократилось, шайки абрековъ на Кавказѣ были выловлены и уничтожены поголовно. Вздохнулъ, послѣ этого, свободно трудовой народъ. Онъ уже спокойно выѣзжалъ на свои полевыя работы, спокойно возвращался съ нихъ домой, не боясь ни за свою жизнь, ни за цѣлость своей скотины. Наступила *"великая русская безкровная"*, и абречество на Кавказѣ приняло такія размѣры, коихъ оно не имѣло никогда! Пожалуй, въ томъ нѣтъ ничего и удивительнаго послѣ того, когда вся Великая Россія, одна шестая часть суши на землѣ, представляетъ изъ себя сплошную цѣпь — насилій, грабежей, убійствъ, разбоевъ. Тѣмъ не менѣе считаю необходимымъ остановиться на тѣхъ ужасахъ, которые въ этомъ отношеніи совершаются нынѣ на Кавказѣ. Рядъ писемъ съ Кавказа, а также и оффиціальный органъ, если можно назвать и таковымъ, Сѣверо -

Кавказск. Областного Комитета газета *"Правда"*, отъ 26 іюня с. г. № 67, — говорятъ объ этомъ.

Вотъ о чемъ пишутъ въ письмахъ и въ назнанной газотѣ. Привожу только самые характерные штрихи изъ нихъ въ общихъ чертахъ. Край окончательно терроризованъ шайками грабителей. Нѣтъ ни одного лѣса, ни одной рощи, ни одной проѣзжей или проселочной дороги, гдѣ бы не сидѣли грабители. Грабежъ среди бѣла дня, грабежъ и въ полѣ и въ дорогѣ, и въ селахъ и въ городахъ. Туманная дождливая ночь. Перевалило за полночь. Вдругъ съ двухъ сторонъ сел. Зашкулъ, Терской области, раздается ожесточенная стрѣльба. То шайка абрековъ, намѣтивъ своихъ жертвъ днемъ, напала на аулъ и грабитъ жителей. Вотъ и нападеніе шайки грабителей на пастуховъ близъ станицы Воздвиженской, Хасавъ - Юртскаго округа. Пастухи окопались. Перестрѣлка длится съ вечера до 5 часовъ утра. Вышли патроны у пастуховъ и они спасаются бѣгствомъ, оставивъ обрекамъ стадо барановъ въ 1.350 головъ. Абреки угоняютъ его цѣликомъ, оставивъ на мѣстѣ 5 человѣкъ убитыми. Убиты и два пастуха, ранено — 6. Такое же нападеніе на пахарей въ полѣ близъ ст. Кескемъ. Двое изъ пахарей убиты, а волы и лошади ихъ, въ количествѣ 46 головъ, уведены абреками. По дорогѣ со ст. Екатериноградской въ ст. Котляревскую, Терской области, ѣдетъ 27 подводъ. Оцѣпивъ ихъ, абреки распрягли 56 лошадей, угнали ихъ по направленію въ ближайшій лѣсъ. Вотъ и набѣгъ на слободу близъ г. Грознаго. Адомъ стоитъ стрѣльба по улицамъ въ 2 ч. дня. Сопротивленія ни со стороны жителей, ни со стороны красныхъ частей, расположенныхъ невдалекѣ въ казармахъ, — *никакого!* Обшаривъ всѣ торговыя заведенія, забравъ все, что нужно, — грабители со стрѣльбой оставляютъ городъ. Такъ грабители убиваютъ безнаказанно людей, угоняютъ скотину, гурты барановъ, грабятъ и безъ того разоренныхъ жителей. Такъ терроризовано населеніе края, такая анархія царитъ въ немъ нынѣ. Нельзя хлѣбопашцу выѣзжать на полевыя работы ранѣе восхода солнца и оставаться тѣмъ долѣе, какъ за 2-3 часа до захода его. Выѣзжать на работу и возвращаться съ поля возможно только группами, но ни въ коемъ случаѣ не въ одиночку. — Бѣдный труженикъ - хлѣбопашецъ работаетъ днемъ въ полѣ, а ночью, съ винтовкой въ рукахъ, караулитъ дома свою послѣднюю скотину. Со слезами умоляетъ мирное населеніе начальство оградить ихъ отъ грабителей, но его стоны и просьбы остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Такъ *заботятся* о спокойствіи и благополучіи трудового народа *устроители* соціалистическаго рая на землѣ.

Бекъ - Мурза.

Хроника.

О ГНѢДИЧѢ

Прочелъ извѣстіе о новой смерти.

Умеръ Петръ Петровичъ Гнѣдичъ. Подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія въ моей памяти промелькнула тѣнь Петра Петровича.

Я не собираюсь писать его некролога: для этого нѣтъ времени, приходится считаться съ условіями типографской работы еженедѣльнаго изданія, во-первыхъ, а во вторыхъ, подъ руками нѣтъ свѣдѣній для точности некролога.

Не собираюсь писать и портрета писателя. Ограничиваюсь нѣкоторымъ эскизомъ этого портрета или, выражаясь языкомъ репортера, — моментальнымъ снимкомъ.

Кто же умеръ, кого недостаетъ въ оскудѣвшей и осиротѣвшей семьѣ русскихъ писателей? Недостаетъ талантливаго литератора въ настоящемъ широкомъ значеніи этого слова.

Недостаетъ одного изъ джентельменовъ нашей литературы. Гнѣдичъ былъ именно джентельменомъ. Къ нему идетъ это слово и другого не подберешь.

Онъ былъ джентельменомъ и отсавался имъ въ своемъ литературно - художественномъ творчествѣ, въ своихъ личныхъ отношеніяхъ, въ своей общественной дѣятельности, въ своей частной жизни.

Его друзья — Григоровичъ, В. П. Долгоруковъ, Савина, Вейнбергъ, Суворинъ, Лешковская, Давыдовъ... Безконечная вереница друзей, гирлянда именъ и талантовъ исчезли ранѣе его.

Петра Петровича передъ войной постигъ ударъ. Гнѣдичъ не падалъ духомъ и вѣрилъ въ жизнь. Онъ не ошибся, поправился и снова принялся за работу...

Петра Петровича я помню въ литературныхъ кружкахъ, помню его какъ беллетриста, драматурга, управляющаго труппой Александринскаго театра, вѣдающаго художественной частью Малаго театра (Суворинскаго), какъ преподавателя, лектора въ Театральной школѣ, которой я имѣлъ честь руководить съ М. Г. Савиной (Школа Литературно - Художественнаго общества), какъ цѣнителя и знатока искусствъ, оставившаго въ этой сферѣ драгоцѣнное литературное наслѣдство. Помню П. П. Гнѣдича, какъ художника, предпочевшаго, однако, литературу. Я видѣлъ Гнѣдича на сценѣ, гдѣ онъ ставилъ пьесы, набрасывалъ эскизы декорацій, костюмовъ и т. д.

Вы припоминаете, какъ многогранна и разнообразна была работа Гнѣдича, какъ деликатно, литературно было его творчество, какъ онъ цѣнилъ русскій языкъ.

Мнѣ случилось однажды присутствовать при бесѣдѣ Гнѣдича съ ученицами Театральной школы о Тургеневскихъ женскихъ образахъ и слышать его тонкія, нѣжныя, психологическія характеристики. Онъ не только любилъ Тургенева и почиталъ его, но онъ проникался имъ, чувствовалъ его всей душою.

Гнѣдичъ, впрочемъ, не менѣе Тургенева зналъ Шекспира. Кого онъ не зналъ въ міровой литературѣ? Зналъ не поверхностно, но глубоко, досконально и всегда былъ готовъ для любого диспута. Когда Гнѣдичъ стоялъ во главѣ театра, на него сыпался градъ остротъ - фельетонистовъ, репортеровъ, юмористовъ, которые, по волѣ цензуры, лишены были возможности откликаться на многія проявленія общественной жизни, и поэтому, какъ пчелы на цвѣтки, летѣли на театръ и его сотрудниковъ.

Назначили вѣдать театромъ Алексѣя Потѣхина — принялись за него. Пришелъ Викторъ Александровичъ Крыловъ, — жалили его. Потомъ Гнѣдича, Медвѣдева, словомъ каждаго...

Петръ Петровичъ не огорчался насмѣшками или придирками, но его огорчалъ не разъ тонъ этихъ обличеній, тонъ, который бывалъ оскорбителенъ. И все таки Гнѣдичъ оставался неизмѣнно любезнымъ и корректнымъ, когда печать нуждалась въ немъ. Онъ просилъ всѣхъ журналистовъ обращаться къ нему непосредственно, чего нѣкоторые изъ его предшественниковъ не любили...

Во всей дѣятельности и жизни Гнѣдича говорило о себѣ джентельменство и ему онъ не измѣнялъ. Смѣю думать, и не измѣнялъ до конца жизни, хотя она на закатѣ принесла ему не мало горя и лишеній.

П. П. Гнѣдичъ подарилъ мнѣ интереснѣйшую записку о томъ, какъ онъ сдѣлался литераторомъ и какъ помогъ ему въ этомъ, совершенно случайно и не подозрѣвая, М. Е. Салтыковъ-Щедринъ. Записка осталась въ Петроградѣ. Вспомнить ея содержаніе не могу.

А. П.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Печатаемый нами очеркъ «въ оградѣ бѣлаго монастыря» является отрывкомъ изъ воспоминаній К. Ельцовой, которыя въ ближайшемъ будущемъ появятся въ печати отдѣльной книгой подъ названіемъ «Дни сочтенные».

Авторъ воспоминаній (перу котораго принадлежитъ давно напечатанный и въ свое время нашумѣвшій романъ «Въ чужомъ гнѣздѣ») въ своей книгѣ, описывая жизнь полумонастырской общины сестеръ милосердія, посвятившей себя во время войны уходу за душевно - больными, беретъ эпоху нашего «лихолѣтья», еще не затронутую нашей литературой и печатью, начиная отъ развала Россіи и русской арміи при Временномъ Правительствѣ и кончая большевизмомъ и добровольческимъ движеніемъ. Въ качествѣ настоятельницы общины, а затѣмъ и одной изъ старшихъ сестеръ Добровольческой арміи, авторъ былъ свидѣтелемъ - очевидцемъ многихъ событій страшнаго русскаго перелома, правдиво и талантливо пересказанныхъ въ его книгѣ.

Нѣсколько главъ изъ книги «Дни сочтенные» любезно предоставлены г-жей К. Ельцовой для напечатанія журналу «Русская Недѣля».

PAGE FRANÇAISE

UNE MISE AU POINT DES PORTEURS FRANÇAIS DE FONDS RUSSES

Au Congrès du 5 juillet, M. Aristide Briand, ministre des Affaires étrangères, faisait parvenir au « Comité Central Exécutif » une lettre dans laquelle il certifiait aux Porteurs qu'il n'y avait jamais eu « expropriation » des droits des Porteurs Français d'Emprunts Russes « dans les termes du « Décret du 27 février 1925 et que la vérificvation du montant de la « Créance Française entreprise par des Experts Français et Russes, ne « pouvait d'aucune manière être considérée comme portant atteinte aux « droits des Porteurs, ni, à plus forte raison, être considérée comme une « œuvre de « liquidation ».

D'autre part, le 10 juillet, M. Philippe Berthelot, ambassadeur de France et Secrétaire général, au nom de M. Briand, ministre des Affaires étrangères, ajoutait qu' « en raison du caractère d'intérêt général que « la diffusion des titres d'emprunts russes confère au règlement des ques- « tions se rattachant à la Créance Privée Française sur la Russie, le « Gouvernement suit, en effet, avec attention les efforts que déploient ses « Nationaux en vue de rechercher la formule la plus propre à sauvegar- « der et à réaliser leurs droits sur l'Etat Russe ».

Le « Comité Central Exécutif » dans ses réponses à Monsieur le ministre des Affaires étrangères et à M. Philippe Berthelot, prend acte de ce que dans cette dernière lettre, il n'est plus question de substituer aux droits des Porteurs les solutions préconisées par des personnalités sans mandat et prises en dehors des Associations de Porteurs.

Il invoque le traité de Versailles, ses annexes et les décisions des Conférences Internationales pour que soit enfin réparti, entre les différents Etats détachés de la Russie et de l'U.R.S.S. et en tenant compte des avoirs russes détenus en France, le paiement des arrérages et amortissements échus depuis 1918. Il se plaint de l'état chaotique dans lequel les Administrateurs Russes en France ont mis les avoirs des Sociétés russes existant en France depuis 1918 et de l'inaction dans laquelle sont restés, à leur sujet, jusqu'à ce jour, les Pouvoirs Publics. Il demande, en conséquence, que l'Office des Biens et Intérêts Privés du Ministères des Affaires Etrangères serve au moins à produire, auprès du Gouvernement de l'U.R.S.S., les états des pertes qui ont été faite à cet Office en 1918, pour aboutir à la restitution des avoirs et que les déclarants de l'Office puissent être avisés par l'Office même, de toutes les Assemblées générales tenues par les Associations pour la revalorisation des titres, la restitution des avoirs, la reconstitution ou la liquidation des Sociétés ayant leurs exploitations en Russie.

Etant donnés les retards apportés dans le règlement de la Créance

sur l'ancien Gouvernement Russe et les interprétations inexactes presque toujours fournies par les débiteurs des Créanciers Français de la Russie et qui ont été reproduites dans la Presse, il était indispensable de fixer, à l'aide de documents officiels, les conditions dans lesquelles allaient pouvoir s'engager les négociations qui doivent, tout d'abord, établir la répartition entre les Etats détachés, de la partie de la Créance exigible.

EBATS JUVENILES

C'est sous ce titre que le **XXe Siècle,** de Bruxelles, donne une fin pleine d'ironie à son feuilleton du 13 juillet, consacré au Pays des Soviets::

« On mande de Minsk qu'une conférence des organisations **comsomoliennes** de Russie-Blanche (**comsomol** — union de la jeunesse communiste), vient d'y avoir lieu. La conférence terminée, une grande démonstration s'est déroulée dans un des parcs de la ville, démonstration au cours de laquelle des discours violents ont été prononcé à l'adresse des Puissances de l'Entente. Là-dessus, on a, au chant de l'Internationale, solennellement brûlé les drapeaux anglais, français, polonais et roumain. Le drapeau anglais a été l'objet d'outrages particuliers: avant de le brûler, les aimables jeunes gens en question l'ont traîné dans la boue et déchiré en morceaux.

Evidemment, si demain les Soviets font un signe, pareille mésaventure arrivera au drapeau allemand ou au drapeau turc. Il serait plus que ridicule de chercher dans de pareilles « démonstrations » autre chose que de l'apachisme revêtant une étiquette soi-disant politique. Mais de toute façon, les malfaiteurs précoces en question auront versé dans l'exagération à propos du drapeau britannique. L'**Union Jack** n'est pas seulement le drapeau de Baldwin et de Chamberlain, c'est aussi celui de Lloyd George, qui sauvait les Soviets en arrêtant, en 1920, la victorieuse offensive polonaise, à la veille d'un effort combiné des Polonais et de Wrangel contre Moscou; c'est aussi celui de Mac-Donald qui, l'an dernier, aurait accordé aux Soviets, s'il n'avait dépendu que de lui, ce qu'ils désirent le plus au monde, un emprunt; c'est encore celui de Purcell, Purcell qui a tant travaillé pour la « bonne cause », Purcell qui a si consciencieusement cherché à blanchir la réputation des Soviets, Purcell que les électeurs de **Forest of Dean** vont peut-être envoyer, mardi siéger à la Chambre des Communes et y défendre les intérêts bolchevistes.

Je proteste en leur nom.

Comte PEROVSKY.

Notre excellent confrère aurait pu ajouter à ces « manifestations » de la « **jeunesse** », celles du « peuple » organisées par toutes les **tché-ka,** celles de l'armée et de la flotte rouge, etc. L'Europe est **absente** et les Soviets se permettent tout!

Directeur-Gérant : E. SEMENOFF.
Imp. d'Art Voltaire (O. Zeluk, Directeur), 4, Passage Alexandrine Paris (XI)

Условія подписки

ВО ФРАНЦІИ:

6 фр. въ мѣсяцъ; — 16 фр. за 3 мѣсяца; — 28 фр. за 6 мѣс.

ЗАГРАНИЦЕЮ:

8 фр. въ мѣсяцъ; — 22 фр. за 3 мѣсяца; — 40 фр. за 6 мѣс.

КАЛИНА

ПОРТНОЙ

Téléphone : Gutenberg 52-71. 25, av. de l'Opéra, Paris I

„Русскій Альманахъ“

изданный въ Парижѣ

АДРЕСНАЯ И СПРАВОЧНАЯ КНИГА ДЛЯ РУССКИХЪ, живущихъ за границей

Адреса французскихъ и русскихъ учрежденій, организацій, предпріятій и лицъ разныхъ профессій. — Французское законодательство, административныя распоряженія и правила для иностранцевъ. — Справочныя и полезныя свѣдѣнія

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: 45, RUE TRUFFAUT, PARIS (XVII•)

„Боярскій Теремъ“

СЛУЧАЙНЫЯ ВЕЩИ, МѢХА, ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ И КУСТАРНЫЯ РУССКІЯ ИЗДѢЛІЯ

Чай ВЪ ДРЕВНЕЙ ПАЛАТѢ отъ 3 до 7 часовъ вечера.

РУССКАЯ и ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ въ исполненіи извѣстныхъ артистовъ

38, RUE DE BERRI (8•) Téléph.: Élysées 13-11

“QUELQUES OBJETS ANCIENS“

40, Rue Tronchet, Paris (8•) Téléphone : Louvre 0-99

Антикварный Магазинъ А. Г. ЛѢСИНА

Покупаетъ, продаетъ и принимаетъ на комиссію

Старинныя художественныя вещи.

Подписывайтесь на „Русскую Недѣлю“!

Imprimerie d'Art Voltaire, 4, Passage Alexandrine, Paris (XI•)

№ 6. Парижъ, 8 Августа 1925. № 6.

РУССКАЯ НЕДѢЛЯ.

(LA SEMAINE RUSSE)

ЖУРНАЛЪ
Политики, Литературы и Искусства.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ :

А. И. ГРАММАТИКОВА, М. А. КАЛЛАШЪ (КУРДЮМОВЪ),
В. Н. ЛОДЫЖЕНСКАГО, П. А. НИКАШИНА и Е. П. СЕМЕНОВА

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА :

Политическое Обозрѣніе ..... ФРАНКОРУССА.
Объ Апокалипсисѣ ..... Н. КУРДЮМОВА.
Организація молодежи ..... В. ЛАДЫЖЕНСКАГО.
Церковь за рубежемъ ..... І. НИКАНОРОВА.
Размышленія на улицѣ ..... П. НИКАШИНА.
Мой отъѣздъ къ туркамъ ..... В. ИЛОВАЙСКАГО.
Пока не поздно ..... HELIOS.
Къ банковской панамѣ ..... ЛѢТОПИСЦА.
Хроника.
Page française
Объявленія.

ВЫХОДИТЪ ПО СУББОТАМЪ.

Цѣна 1 фр. 50 с.

РЕДАКЦІЯ : 47, Rue Brancion, Paris (15e)
КОНТОРА : 27, Rue Claude-Lorrain, Paris (16e)

Voir page française à la fin

"QUELQUES OBJETS ANCIENS"

40, Rue Tronchet, Paris (8e) *Téléphone : Louvre 0-99*

Антикварный магазинъ А. Г. ЛѢСИНА

Покупаетъ, продаетъ и принимаетъ
на комиссію
старинныя художественныя вещи.

РУССКАЯ НЕДѢЛЯ

(La semaine Russe)

ЖУРНАЛЪ

Политики, Литературы и Искусства.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Во Франціи

6 франковъ въ мѣсяцъ—16 франковъ за 3 мѣсяца—28 фр. за 6 мѣсяцевъ

Заграницей

8 франковъ въ мѣсяцъ—22 франка за 3 мѣсяца—40 фр. за 6 мѣсяцевъ

Адресъ конторы: «**La semaine Russe**» **27, Rue Claude Lorrain Paris (XVIe).**

„Возрожденіе"

Пріемъ подписки и объявленій производится въ Парижѣ :

Въ конторѣ газеты 5, Rue des Gobelins и 4, rue de Sèze; у M. I. Schneider, 27, Rue Tronchet и въ книжныхъ магазинахъ :

«A la Joie du Bibliophile», 6, Rue Godot-de-Mauroy;

«Aux Vieux Livre», 3, Rue d'Anjou, Téléph.: Élysées 62-90

Т-ва «Н. П. Карбасниковъ» (S-té N. P. Karbasnikoff), 9, rue Dupuytren;

«Москва», (Moskwa), 9, rue Dupuytren «Маякъ» (Mayak) 22, Av. des Ternes

Условія подписки:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	12 мѣс.
Во Франціи	8 фр. 50 с.	24 фр.	45 фр.	85 фр.
За границей	10 фр. 50 с.	30 фр.	55 фр.	100 фр.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА 25 САНТ.

Подписывайтесь на „Русскую Недѣлю“.

Политическое обозрѣніе.

Анатоль Франсъ говорилъ своимъ друзьямъ, интересовавшимся политикою: «если вы хотите быть въ курсѣ политическихъ событій, начинайте чтеніе своей газеты не съ политическаго отдѣла, а съ биржевого. Большой писатель и умный человѣкъ, былъ правъ. Его совѣтъ особенно правиленъ въ настоящій моментъ.

Заглянувъ въ биржевой отдѣлъ, вы узнаете о положеніи Франціи, въ которой мы живемъ, по колебаніямъ цѣны все еще больного франка; вы узнаете о положеніи « франко - совѣтскихъ » отношеній по колебаніямъ курса русскихъ бумагъ. «Готовы» (?) совѣты признать (?!) «часть» долга, — русскія бумаги поднимаются въ цѣнѣ; происходитъ какое - нибудь очередное «выступленіе» Чичерина, Красина, Раковскаго, и бумаги падаютъ. За послѣднюю недѣлю Красинъ — и съ нимъ работающіе — сочинили очередной **бумъ:** прогулка Красина на югъ въ милой и пріятной компаніи, встрѣчи и бесѣды «совѣтскаго посла» съ г. Дальбіезомъ, предсѣдателемъ «русской комиссіи» (вмѣсто г. де Монзи, ставшаго министромъ), очень ловко пущенные слухи (кѣмъ?) черезъ **опредѣленныя агентства о предстоящемъ соглашеніи** — и русскія бумаги пошли вверхъ — кто то нажился (конечно, пустившіе эти слухи, или узнавшіе во-время о нихъ — **заработали!).** Затѣмъ выяснилось то, что на самомъ дѣлѣ происходитъ въ кругу Красина, Дальбіеза и ихъ парижскихъ единомышленниковъ и «честныхъ маклеровъ», и бумаги снова упали... И все осталось по - прежнему — только г. Красинъ и его «друзья» остались... въ выгодѣ.

Что же на **самомъ дѣлѣ** произошло? По однимъ газетнымъ свѣдѣніямъ, конечно, трудно себѣ о томъ составить ясное понятіе. Надо умѣть ихъ читать, сопоставлять свѣдѣнія совѣтскихъ и большевистскихъ газетъ, особенно же съ про-совѣтскою кампаніею, недавно начатую биржевымъ агентскимъ листкомъ «Санъ - Филь» въ пользу совѣтовъ подъ видомъ «объективныхъ» телеграммъ, замѣтокъ и т. п. Сопоставляя все это, мы узнаемъ, что Красинъ, дескать, привезъ изъ Москвы новыя предложенія, которыя онъ изложилъ г. Дальбіезу (зачѣмъ надо было ѣхать для этого на пиренейскіе курорты — пока еще не ясно!). Назначена для разслѣдованія этихъ новыхъ предложеній комиссія, въ которую вошли все тотъ же де Монзи (предсѣдателемъ), Серрисъ, Сейду и де Музи. Предложеніе совѣтовъ: признаніе 10% довоенныхъ долговъ (капитала); 2 милліард. неуплаченыхъ купоновъ; выпускъ новыхъ бумагъ вмѣсто старыхъ, распредѣленіе остального долга между отошедшими отъ Россіи новообразованіями; установленіе сроковъ платежей въ зависимости отъ политическихъ обстоя-

тельствъ! Большаго издѣвательства даже отъ совѣтовъ трудно было ожидать. Въ довершеніе всего, для веденія этихъ новыхъ переговоровъ назначенъ новый совѣтскій агентъ тов. Рейнгольдъ. Мы не знаемъ, какъ отнесится къ этому новому совѣтскому **ходу** г. де Монзи и его комиссія, но на правительство новое предложеніе Красина произвело отрицательное впечатлѣніе, хотя все поручено г. де Монзи.

Тѣмъ не менѣе въ виду отъѣзда г. Эрбетта изъ Москвы, туда посланъ быв. членъ «русской комиссіи» г. Э. Лабоннъ, весь пропитанный психологіей Эрріо и де Монзи по отношенію къ Совѣтамъ, знающій такъ же мало послѣдніе, какъ и его бывшіе патроны, хотя онъ и былъ консульскимъ агентомъ въ Москвѣ въ 1916 и 17 г.г. Совѣты въ восторгѣ отъ этого назначенія — тѣмъ болѣе, что, какъ сообщаетъ **Танъ,** г. Эрбеттъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы оффиціально опровергъ слухи: о томъ, что будто бы французское правительство запросило совѣтское (передъ «экономическими франко - совѣтскими переговорами») о связи между Коминтерномъ и Совнаркомомъ (!?) и о томъ, что въ сентябрѣ соберется-де конференція представителей Англіи, Бельгіи, Италіи и Малой Антанты для образованія **анти-большевистскаго блока!** Мы не повѣрили бы этому по истинѣ юмористическому сообщенію, если бы оно не появилось въ такомъ серьезномъ органѣ, какъ **Танъ!** Таковы франко - совѣтскія дѣла, дѣла правительственныя, за которыми и внѣ которыхъ идетъ большая глубокая работа въ самой гущѣ населенія, въ средѣ 3-4 милліономъ держателей русскихъ цѣнностей, которые начали организовываться и поднимать и свой голосъ и съ которыми и французскому правительству и совѣтскимъ дипломатамъ придется считаться! Но объ этомъ въ другой разъ.

*
**

Марокканская война принимаетъ благопріятный для Франціи оборотъ съ тѣхъ поръ, какъ заключено франко - испанское соглашеніе и какъ въ Марокко послано достаточно войскъ, чтобы иниціатива военныхъ дѣйствій перешла отъ Абдъ - эль - Крима къ французскому командованію. Въ связи съ этимъ усилились слухи о мирныхъ переговорахъ. Абдъ - эль - Кримъ все еще надѣется на помощь друзей — Германіи, Москвы и французскихъ коммунистовъ, — чтобы добиться лучшихъ условій мира.

Франкоруссъ.

Объ Апокалипсисѣ.

I

Въ нашемъ прошломъ, въ борьбѣ и скрещиваніи его идейныхъ устремленій, есть немногія одиночки, которыя прошли свой жизненный и творческій путь ни разу не появившись на томъ широкомъ общественномъ форумѣ, гдѣ восторженые почитатели громко привѣтствуютъ "властителей думъ".

У этихъ одиночекъ были свои особенныя, *боковыя* тропинки, ими самими проложенныя, по которымъ они двигались, въ сторонѣ отъ "большихъ дорогъ", двигались съ огромной силой внутренняго напряженія, "за свой страхъ и рискъ". въ полномъ смыслѣ этого слова.

Но, отвергнутые при жизни за свое разительное несходство съ общимъ идейнымъ рисункомъ современной имъ эпохи, они не могли исчезнуть и погаснуть безслѣдно. Исторія слагала ихъ въ свое хранилище "до срока", до того времени, когда поверхностныя и пристрастныя оцѣнки замѣнятся глубокимъ анализомъ непредубѣжденной и пытливо ищущей мысли.

Срокъ наступилъ. Революція мучительнымъ хирургическимъ пріемомъ сняла "катаракту" со многаго множества слѣпыхъ и подслѣповатыхъ глазъ. Исчезла, по крайней мѣрѣ, тамъ, въ Россіи, дурная привычка сортировать людей по этикеткамъ, по обложкамъ и замѣнилась потребностью подходить вплотную *къ существу* лица или предмета.

Къ двумъ такимъ лицамъ, къ двумъ одиночкамъ, подошла и подходитъ, чѣмъ дальше, тѣмъ внимательнѣе духовно уцѣлѣвшая интеллигенція нынѣшней Россіи. Эти два лица — К. Н. Леонтьевъ и В. В. Розановъ.

Одинъ — философъ и беллетристъ, несмотря на свой огромный талантъ, еще при жизни какъ бы вычеркнутый изъ списка живыхъ и настолько обойденный всеобщимъ молчаніемъ, что лишь очень немногіе знали и знаютъ его даже по имени. Зачисленный сразу въ лагерь самыхъ отчаянныхъ реакціонеровъ, онъ такъ и умеръ за той плотно заколоченной дверью, на которой его отрицатели наклеили обязательную для широкой публики отмѣтку: "входъ воспрещается". И толпа дружно прошла мимо этой сложной и исключительно интересной личности, "не удостаивая взглядомъ" ни его блестящихъ и своеобразныхъ твореній, ни его удивительной судьбы, которая этого чистокровнаго эллина девятнадцатаго столѣтія, этого (по удачному выраженію одного изъ его позднѣйшихъ біографовъ) "Алкивіада-пашу" привела черезъ Аѳонъ и черезъ Оптину пустынь въ Троице - Сергіеву лавру, гдѣ онъ и окончилъ въ тайномъ постригѣ свои дни, навсегда скрывъ подъ гробовой монашеской мантіей "смиреннаго инока Климента" кипучіе "порывы мыслей и страстей" желчно - отталкивающаго и вмѣстѣ съ тѣмъ геніально обаятельнаго Константина Леонтьева.

Другой — публицистъ и философъ, а прежде всего, художникъ и въ публицистикѣ и въ философіи; "правый", во многомъ доходившій до самой лѣвой лѣвизны; капризный и неуловимо перемѣнчивый, откровенный до дерзкой непристойности и вѣчно томящійся въ своемъ душевномъ уединеніи, мучающій и себя и своего читателя постоянной недосказанностью и боязливымъ оглядываніемъ и на друзей и на враговъ. Лирическій даже въ цинизмѣ и нерѣдко циничный въ самой задушевной лирикѣ своихъ переживаній, лукавый "себѣ на умѣ" и геніально при-

мѣтливый наблюдатель и критикъ проходящихъ передъ нимъ теченій жизни, которая для него самого сложилась изъ цѣлаго нагроможденія вольныхъ и невольныхъ парадоксовъ. Весь ограненный самыми тонкими гранями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъявленный самыми мелкими, самыми извилистыми трещинами, житейски - сѣренькими и жтейски - грязненькими, онъ привлекалъ очарованіемъ своего совершенно особеннаго таланта и отталкивалъ темной запутанностью своей мозаической натуры.

Его знали и читали несравненно больше, чѣмъ Леонтьева, но и его *обошли стороной,* осудивъ за "направленіе", котораго у него, въ обычномъ пониманіи этого слова, даже и не было. Если Леонтьевъ былъ отдѣленъ отъ широкихъ общественныхъ круговъ плотно заколоченной дверью, то про Розанова можно сказать, что онъ прожилъ свою жизнь, какъ бы за рѣшеткой, передъ которой съ недоброжелательствомъ и любопытствомъ иногда пріостанавливались проходящіе.

Можетъ быть, больше другихъ понимавшій, что значитъ быть "непризнаннымъ въ своемъ отечествѣ", Розановъ особенно любилъ Константина Леонтьева, любилъ упорно и одиноко его одинокую память какимъ то наболѣвшимъ уголкомъ своей души. И судьбѣ угодно было сблизить земные концы ихъ обоихъ. Послѣ революціонной катастрофы октября, Розановъ покидаетъ Петербургъ и въ послѣдніе годы своей жизни оказывается возлѣ той самой Троице - Сергіевой лавры, гдѣ угасъ Леонтьевъ. Чувствуя близость своей кончины, В. В. ясно и твердо высказываетъ желаніе быть похороненнымъ около Леонтьева, который ему становится въ этотъ періодъ еще ближе и еще дороже. Эта воля была исполнена и рядомъ съ могилой "инока Климента" выростаетъ холмикъ другой могилы, въ которой находитъ свое вѣчное упокоеніе мятежный Розановъ, когда-то страстный христоборецъ, пылкій противникъ Христа и Церкви, а подъ конецъ духовно проясненный и примиренный "грѣшный рабъ Божій Василій", какъ онъ самъ называлъ себя передъ смертью...

Русская революція потеряла счетъ смертямъ и могиламъ. Всѣ цѣнности жизни, вся красота ея богатаго творческаго разнообразія буквально утоплены въ крови и слезахъ, удушены въ смрадѣ преступленій, лжи и насилія... Спрашиваешь себя, почему же въ такое время эти два образа — К. Н. Леонтьевъ и В. В. Розановъ (послѣдній особенно) — вызываютъ къ себѣ, именно въ Россіи, совершенно исключительный интересъ, вплоть до возникновенія двухъ, тѣсно между собою связанныхъ литературно - философскихъ обществъ, носящихъ имена этихъ писателей?

Общества занимались собираніемъ и изученіемъ писемъ, замѣтокъ, ненапечатанныхъ произведеній, біографическаго матеріала, однимъ словомъ, всего того, что помогло бы съ наибольшей полнотой воспроизвести образы обоихъ писателей, нсачала путемъ докладовъ и чтеній сравнительно въ тѣсномъ кругу, а, затѣмъ, путемъ изданія и широкаго распространенія тщательно провѣренныхъ и подобранныхъ матеріаловъ. Надо знать

условія совѣтской жизни и злобное искорененіе тамъ всякаго роста свободной мысли, чтобы понять, какъ трудна и самоотверженна была такая работа. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь эти общества распались и ихъ наиболѣе дѣятельные члены въ большинствѣ разсѣяны по глухимъ угламъ ссылки, просто потому что они свои знанія и таланты осмѣливались тратить не на пропаганду "заслугъ" Ленина, не на комсомольское развращеніе молодежи, а на нѣчто иное. Но еще въ 1921 году, когда существовала, какимъ то чудомъ возникшая "вольная Академія духовной культуры" въ Москвѣ, не только въ аудиторіи, но на лѣстницахъ не хватало мѣста слушателямъ. Среди ряда темъ и вопросовъ, освѣщавшихся на лекціяхъ Академіи (темъ, главнымъ образомъ,религіозно - философскаго содержанія), я помню докладъ о Леонтьевѣ, собравшій огромную толпу, которая стояла у подъѣзда, по крайней мѣрѣ, за часъ до начала чтенія. Измученные тяжкимъ существованіемъ люди, подавленные заботами, и голодные, находили возможность и время идти по неосвѣщеннымъ улицамъ со всѣхъ концовъ города, чтобы знакомиться съ жизнью и творчествомъ писателя, о которомъ не такъ давно еще никто и слышать не хотѣлъ...

Помню бесѣды Розановскаго общества, устраиваемыя почти конспиративно, и людей вплотную набивавшихся въ залъ и выставлявшихъ часами на ногахъ за неимѣніемъ стульевъ...

Откуда все это?

Революція разсыпала и разрушила прежнюю интеллигентскую кумирню, уничтожила всѣ условные подходы и пріемы жреческаго культа "избранныхъ" и пробудила въ измученныхъ душахъ жажду *свободнаго и полнаго изученія свободной и полной человѣческой личности.*

Конечно, я имѣю въ данномъ случаѣ въ виду настоящихъ людей, которые отъ революціи духовно не пострадали, а въ испытаніяхъ ея только очистили мысль и вкусъ, и укрѣпили совѣсть. Очищенная мысль и укрѣпленная совѣсть потребовали: — Дай намъ всего человѣка цѣлостнаго и подлиннаго со всѣми его спотыканіями на пути жизни, со всѣми свѣтлыми и темными пятнами, со всѣмъ сложнымъ узоромъ его души. Мы не будемъ идейно жантильничать и жеманно морщиться ни отъ содѣяннаго имъ грѣха,ни отъ какой его неказистости,если въ немъ только есть пытливый духъ исканія правды и мука объ этой правдѣ, безъ которой не осмыслена и не пріемлема жизнь. — Такой ясный и искренній подходъ къ человѣческой личности, не замутненный никакими соображеніями стараго общественнаго этикета о "регрессивности" и "прогрессивности", впервые открылъ передъ остатками прозрѣвшей русской интеллигенціи всю широту и все разнообразіе прошлаго русской культуры.

Встала передъ глазами картина удивительная:

На сложномъ и разнохарактерномъ творчествѣ цѣлаго ряда поколѣній, на огромныхъ богатствахъ мысли и таланта убогіе цензурные ярлычки:

"Одобрено и рекомендуется".

и "Не одобрено и строжайше воспрещается".

Все *не одобренное* такъ и лежитъ въ нераспакованномъ видѣ, обнесенное идейнымъ тыномъ ради идейной предосторожности, сданное въ какой-то вѣчный карантинъ, дабы "зараза" не распространялась.

Образованныя массы,слѣдовавшія, какъ стадо за своими вожаками, послушно проходили мимо "запрещенныхъ пунктовъ" боясь даже случайной оглядкой оскорбить сектантсткій пуризмъ ханжески - придирчивыхъ оффиціальныхъ "духовниковъ" нашей общественности.

Нельзя не признать, что наша собственная интеллигентская цензура въ прошломъ была куда нетерпимѣе самой строгой цензуры правительственной: одинъ неосторожный шагъ, одно невзвѣшенное слово, хотя бы и задушевное, искреннее — и вотъ поставлено клеймо, выданъ своего рода "волчій паспортъ". Требовалось, чтобы всѣ шли въ ногу по указанной линіи, ни въ коемъ случаѣ не выходя за черту. Оцѣнки были пристрастны, характеристики большею частью вычурны и тенденціозны, дабы выдѣлить и оттѣнить и въ твореніи и въ творцѣ все отвѣчающее духу времени и замолчать, искусно "задрапировать" все несогласное съ содержаніемъ интеллигентскаго катехизиса. Самая пропорція размѣровъ была непростительно нарушена въ угоду все тому же катехизису, и въ "табели о рангахъ" русскаго Пантеона происходило размѣщеніе не по степени одаренности, а по степени угожденія "передовому направленію". Большіе таланты часто затѣнялись, ничтожества дружно извлекались на поверхность и загипнотизированная толпа, невдумываясь, воздавала имъ почести, и цѣлыя поколѣнія выращивались на слѣпомъ поклоненіи мыльнымъ пузырямъ. Художественный вкусъ, чувство подлинной красоты, настолько убивались подобнымъ воспитаніемъ, что въ средѣ образованнаго класса элементарное эстетическое чутье оказывалось на уровнѣ мѣщанской улицы, которая, проходила, напримѣръ, мимо геніальной лирики Фета, глубочайшей поэзіи Тютчева и упивалась бездарно - чувствительными стихами Надсона только потому, что Фета заклеймили репутаціей "крѣпостника", а Надсонъ "страдалъ" и умеръ отъ чахотки, запечатлѣвъ собой въ воображеніи русской публики нѣкій трагическій образъ, весьма напоминающій образъ того самаго "студента Гастоши", о которомъ въ припадкѣ ночлежнаго романтизма, обливаясь слезами, разсказываетъ Горьковская Настя "На днѣ".

Художественная тупость русской публики, искусственно ей привитая черезъ подавленіе прирожденной одаренности русскаго народа, сыграла роковую роль не только въ оцѣнкѣ созданій и создатели нашего искусства, но и въ отношеніи къ самымъ улубочайшимъ и кореннымъ основамъ русской жизни.

Въ " нераспакованныхъ ящикахъ" оставалась до самаго послѣдняго момента, наряду со многимъ другимъ, и русская религіозно - философская мысль, которая отъ самыхъ отдаленныхъ временъ нашей исторіи,

начиная съ самыхъ примитивныхъ своихъ проявленій, подтверждала и выражала органическое свойство русской души — ея стремленіе къ богоискательству.

Невѣжественнымъ пренебреженіемъ руководителей общественнаго вниманія эта религіозная мысль была раздрана въ самой своей сердцевинѣ и одна половина ея упала въ толщу неграмотной и полуграмотной массы, растекаясь цѣлой сѣтью ручейковъ по извилистымъ и часто мутнымъ русламъ многочисленныхъ сектъ, жизнью которыхъ у насъ никто не интересовался, кромѣ "приставленныхъ къ дѣлу" полицейскихъ урядниковъ, — а другая половина стала достояніемъ очень малочисленныхъ группъ и отдѣльныхъ единицъ, вынужденныхъ совершенно замкнуться въ этомъ своемъ "приватномъ занятіи", ибо образованные слои одинаково игнорировали всякихъ богоискателей, и наверху и внизу, какъ игнорировали и всѣ величайшія художественныя сокровища церковнаго творчетсва, церковной поэзіи, музыки, живописи, церковной символики и мистики, преступно забывая о томъ, что именно эти сокровища и были истоками русской національной культуры.

Оторванная отъ исконныхъ національныхъ началъ, русская интеллигенція, "подбитая либеральнымъ вѣтеркомъ", просто не могла вмѣстить въ свой неглубокій дорожный чемоданъ всѣхъ достиженій русской культуры, а потому отобрала самое *ходовое* и, собравшись въ путь, какъ Чичиковъ, ради "коловращенія людей" и "коловращенія" идей, все непортативное, все ею неодобренное засыпала и законопатила, какъ законопатизаютъ локодцы съ вредной водой. Но когда Чичиковъ съ позоромъ провалился на своихъ сложныхъ операціяхъ съ "мертвыми душами" доселѣ молчаливаго русскаго народа, всѣ тѣ, въ комъ не угасла живая жизнь, закричали въ потемкахъ совѣтскаго застѣнка неудержимое ничѣмъ:

— Жажду !

Бросились открывать колодцы, распаковывать запечатанное и запрещенное, чтобы объять и понять во всей полнотѣ ту самую русскую стихію, которая могла породить Достоевскаго и Ленина, Платона Каратаева и хулиганствующаго матроса Дыбенко; Серафима Саровскаго и палачей въ рясахъ "живой церкви"; Пушкина и "Демьяна Бѣднаго". Для пониманія этой русской стихіи и ея возможныхъ дальнѣйшихъ движеній явилась непреодолимая потребность заглянуть именно туда, куда никто не заглядывалъ, выслушать тѣхъ, кому поворачивали спину и всмотрѣться въ причудливо - сложные изгибы мысли и души наиболѣе яркихъ и талантливыхъ русскихъ "одиночекъ". Леонтьевъ и Розановъ оказались "въ первомъ ряду" не только по своей величинѣ. Блестящая критика, которой подверглались съ ихъ стороны затрепанные "путеводители" такъ называемой "передовой интеллигенціи" была сама по себѣ просто бальзамомъ на раны для всѣхъ потерпѣвшихъ крушеніе. По всей силѣ пословицы "лучше поздно, чѣмъ никогда", русскіе люди на обломкахъ разбитой и опрокинутой жизни жадно упивались безпощадной оцѣн-

кой своихъ вчерашнихъ кумировъ, почерпая эту оцѣнку изъ тѣхъ самыхъ устъ, которыя такъ еще недавно заграждались нетерпимой рукой, казалось, непоколебимыхъ общественныхъ авторитетовъ.

Этотъ порывъ назадъ, къ "отверженнымъ", отнюдь не слѣдуетъ разсматривать, какъ *реакцію,* въ обычномъ значеніи этого слова, т. е. простое движеніе "слѣва" "направо". Реакція эта гораздо глубже, сложнѣе и между "лѣвыми" и "правыми" точками она не только не укладывается, но даже измѣрять ее такими мѣрками невозможно. Основное ея содержаніе можно опредѣлить, какъ поворотъ отъ кругозоровъ,отъ обязательныхъ "пригвожденныхъ" точекъ зрѣнія и узкой нетерпимости къ *подлинной свободѣ* и самому вдумчивому и широкому обхвату фактовъ и явленій ясной мыслью раскрѣпощеннаго сознанія. Сознаніе раскрѣпостилось съ того момента, когда оно стало *религіознымъ* до конца, когда оно возжаждало всей полноты міра и съ узенькихъ дорожекъ вышло на свѣтлый и просторный путь, ибо просторный путь доступенъ именно только религіозному сознанію, которое одно лишь и очищается отъ всякаго человѣческаго страха, отъ пугливой дрожи передъ всевозможными "жупелами", заставляющими сплошь и рядомъ испуганно отступать самоувѣренное мышленіе раціоналистическаго порядка.

Обнаружился знаменательный и достойный вниманія фактъ. Въ то время какъ *"свободомыслящая"* интеллигенція цѣликомъ *отвергла* Леонтьева за "реакціонность" и "изувѣрство", Розанова — за уклоны "вправо" и непочтительныя сужденія о ея "герояхъ", интеллигенція *религіозно - мыслящая цѣликомъ приняла* ихъ обоихъ не какъ "правило вѣры", обязательное для руководства, а какъ человѣческіе образы большого и сложнаго значенія. Она прекрасно поняла, что изъ личности нельзя вынимать частицы и кусочки по усмотрѣнію, нельзя превращать ее въ какую-то хрестоматію избранныхъ отрывковъ изъ нея самой, ибо тогда, вмѣсто цѣльнаго человѣка, получатся пошлыя и никому ненужныя прописи. И если пріемлемъ Леонтьевъ, то пріемлемъ со всѣми своими ступенями, не только съ православіемъ, но и откровеннымъ язычествомъ, съ жаднымъ до неразборчивости поглощеніемъ жизни. *Только* такъ *весь взятый,* онъ весь и виденъ и содержателенъ. Тѣмъ болѣе изъ Розанова нельзя выписывать одинаковыя по тону цитаты и въ качествѣ нравоученія преподносить его "исправленнаго" и "исправившагося", публикѣ.

Онъ будетъ одинаково незаконченъ безъ своего послѣдняго покаяннаго періода, какъ и безъ демонически-жуткаго "Темнаго Лика".

Для пониманія неизмѣримаго масштаба русской души и противорѣчивыхъ возможностей русской стихіи, Леонтьевъ и Розановъ могутъ быть поставлены только рядомъ съ Достоевскимъ.

Въ этихъ трехъ, неповторимыхъ въ ихъ геніальномъ своеобразіи фигурахъ заложены тайны какого-то русскаго апокалипсиса.

На одной страничкѣ этого апокалипсиса я и хочу остановить вниманіе дальше. *(Продолженіе слѣдуетъ)*

М. Курдюмовъ.

Организація молодежи.

I.

"Русская Недѣля" уже отмѣтила стремленіе разрушителей къ единенію во что бы то ни стало. И не только къ единенію національному (націонализмъ они отрицаютъ), но и къ всемірному. "Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь", "въ борьбѣ обретешь ты право свое"... Итакъ соединеніе прежде всего и борьба. Съ чѣмъ? Съ религіей, государствомъ, семьей и собственностью, съ вѣчными и божественными основами человѣческой жизни. То обстоятельство, что до большихъ и всѣмъ очевидныхъ успѣховъ разрушителей противъ нихъ не соединились люди, если хотите, понятно. Ложныя теоріи, надуманныя утопіи, долго могли казаться бредомъ фантазеровъ или просто озлобленныхъ людей, — бредомъ, не нарушавшемъ нормальнаго теченія человѣческой жизни. Не была учтена ни сила соблазна, ни сила самаго единенія, не встрѣчавшая себѣ отпора въ объединеніяхъ людей убѣжденій противоположныхъ.

И теперь во имя того самаго, съ чѣмъ боролись и продолжаютъ безпощадную борьбу разрушители, соединяются люди. На долю разрушителей, послѣ того горя и ужаса, которое они несутъ людямъ, выпадаетъ судьба мефистофеля изъ безсмертной трагедіи Гете, злого духа говорящаго о себѣ, что онъ

частица силы той,
Что вѣкъ желая зла, лишь благосозидаетъ.

Такъ, въ одной недавней газетной замѣткѣ мы читаемъ, что "Въ Москвѣ открылась конференція союза безбожниковъ въ составѣ 199 делегатовъ. Въ президіумъ избраны Красинъ, Горевъ, Ярославскій и др. Нѣкоторые делегаты заявили, что среди активныхъ безбожниковъ, особенно въ деревнѣ, наблюдается разочарованіе. Другіе докладчики указывали на то, что результатомъ агитаціи безбожниковъ является не уничтоженіе религіи, а наоборотъ укрѣпленіе религіознаго чувства".

Мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи, на радость читателей, такое извѣстіе съ нашей порабощенной родины, не имѣющей возможности сплотиться хотя бы для духовной борьбы за религію своихъ отцовъ и дѣдовъ. И къ счастью, извѣстія о религіозномъ подъемѣ среди родного намъ народа попадаются далеко не рѣдко даже въ совѣтскихъ газетахъ. Но борьба противъ такого подъема идетъ самая ожесточенная, на что указываетъ самый фактъ открыто засѣдающей конференціи "союза безбожниковъ".

Религіозный подъемъ въ рядахъ русской эмиграціи находится въ неизмѣримо лучшихъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, условіяхъ и уже далъ новое въ организаціи молодежи явленіе въ видѣ русскихъ

православныхъ братствъ. Мы узнаемъ изъ прошлогодняго отчета о съѣздѣ въ Аржеронѣ, что такіе кружки существуютъ въ Парижѣ, Кламарѣ, Берлинѣ, Прагѣ, Бѣлградѣ и что цѣлый рядъ городовъ посылаетъ на этотъ съѣздъ своихъ представителей. Такимъ образомъ развивается духовная жизнь молодежи, принимая организованную форму. Мы мало знаемъ исторію своего родного народа и еще менѣе интересуемся ею. Только поэтому и можно назвать такую форму организаціи людей новой, да развѣ еще потому, что въ жизни современниковъ она на нашихъ глазахъ появляется впервые. Въ прекрасной брошюрѣ г-жи Калашниковой читатель найдетъ исторію русскихъ православныхъ братствъ. Онъ узнаетъ, что они появились еще въ XII вѣкѣ, что существовали по всей Руси и что въ XУ вѣкѣ они сыграли значительную роль въ юго-западномъ краѣ во время ожесточенной борьбы католичества съ православіемъ. Гдѣ борьба, тамъ и самозащита. И теперь, во время напряженнѣйшей борьбы не только уже съ православіемъ, а съ самимъ Христіанствомъ, такія организаціи являются и естественными и необходимыми. Цѣль подобныхъ братствъ совершенно ясна: помочь своимъ членамъ въ осуществленіи ими практическаго христіанства. И это особенно цѣнно въ дни ожесточеннаго гоненія на самую идею христіанства. Православныя братства среди русской эмигрантской молодежи еще не закончили своей организаціи, но, во всякомъ случаѣ, являются уже факторомъ духовной силы, что уже само по себѣ представляется силой, могущей противопоставить усиліямъ соціалистическихъ разрушителей. Разгораясь постепенно, какъ отдѣльные огоньки по всему міру, такія братства, по справедливому замѣчанію г-жи Калашниковой, мерцаютъ среди языческаго, по своему складу, міра. И несомнѣнно, что въ будущемъ имъ предстоитъ миссіонерская дѣятельность. Въ ней и выразится организованная духовная борьба съ соблазнами, борьба за религію, эту божественную основу человѣческой жизни.

II.

Свѣтское образованіе стремится къ усвоенію знаній, необходимыхъ въ современной жизни. Просвѣщеніе, въ широкомъ смыслѣ этого слова, — къ совершенному развитію духовныхъ и физическихъ силъ человѣка. Таковъ былъ идеалъ классическаго воспитанія, ставшаго девизомъ "здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ". И эта забота о тѣлесномъ здоровьѣ не вездѣ выродилась въ безцѣльную спортивную заботу футболистовъ и велосипедистовъ и не вездѣ оторвалась отъ заботы о совершенствѣ духовномъ, о воспитаніи воли и альтруизма и, въ частности, отъ укрѣпленія чувства патріотизма. На такихъ основахъ въ Чехіи въ 1862 году создались сокольскія общества, сыгравшія огромную роль въ дѣлѣ освобожденія Чехіи и спасенія сравнительно малочисленный родной народъ отъ грозившей ему денаціонализаціи. Теперь —

денаціонализація грозитъ русской эмигрантской молодежи и вполнѣ естественно, что въ ея средѣ развиваются сокольскія организаціи, начавшіяся еще въ Россіи.

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ намъ остановиться на исторіи развитія сокольскаго движенія вообще и на его первыхъ шагахъ въ Россіи. Характернымъ, однако, для этого движенія является то, что, возникнувъ въ славянской странѣ, оно создало почву для всеславянскаго единенія, являясь, такъ сказать, специфически славянскимъ движеніемъ.

Неудивительно поэтому, что сокольство въ эмиграціи получило развитіе въ странахъ славянскихъ, насчитывая теперь *двѣнадцать съ половиной тысячъ человѣкъ* и проникая постепенно въ центры русской эмиграціи въ другихъ странахъ. Интересно поэтому остановиться на задачахъ сокольскаго движенія вообще. "То, что ты пріобрѣлъ гимнастикой, пусть сохранятъ тебѣ нравственность и воздержанность", говоритъ основатель сокольничества. Дальше идетъ воспитаніе воли, организація сильнаго, стойкаго и дѣятельнаго характера. "Утверждая идею всесторонняго развитія личности, сокольство, однако, ставитъ всякому соколу обязательную задачу по обслуживанію общихъ интересовъ. Эгоизмъ чуждъ сокольству. Вся сокольская идея прожжена чувствомъ братской любви и солидарности между всѣми соколами."

Такъ говоритъ г. Вадковъ въ лекціи, произнесенной имъ въ Юго-Славіи, указывая на самоотреченіе и самопожертвованіе, какъ на обязательные принципы сокольства, и нельзя не согласиться съ нимъ въ томъ, что "въ нашихъ эмигрантскихъ условіяхъ, когда развращенность, безпринципность и отсутствіе моральныхъ устоевъ у взрослыхъ не можетъ не вліять пагубно на нашихъ дѣтей, сокольство призвано сохранить и уберечь молодежь отъ нравственнаго паденія". Такъ это по отношенію къ молодежи. По отношенію же къ взрослымъ своимъ сочленамъ идея правильно понятаго и организованнаго сокольства не можетъ не стремиться къ тому, чтобы вообще сохранить все то, что есть честнаго, сильнаго и спокойнаго въ русской эмиграціи.

Послѣдняя, конечная и, очевидно, самая цѣнная задача не можетъ быть осуществлена безъ развитія и укрѣпленія національнаго самосознанія, какъ разъ той основы человѣческой жизни, съ которой ведутъ такую упорную борьбу соціалистическіе разрушители. И сокольство съ самаго своего возникновенія ставитъ себѣ эту задачу развитія національнаго самосознанія и глубокаго патріотизма: "единеніе прежде всего, отечество выше всего". Чешскій основатель сокольства, докторъ Тыршъ, опредѣляетъ его такъ: "сокольскіе союзы являются союзами національными и патріотическими, а не союзами въ узкомъ политическомъ смыслѣ". Какъ далеко это опредѣленіе отъ раздирающей міръ политической партійности, составляющей, къ сожалѣнію, и донынѣ язву въ средѣ русской эмиграціи и какъ противоположно оно разрушительной

идеѣ интернаціонала. А между тѣмъ вся разрушительная сила интернаціонала въ организаціи, которой не было среди людей, національно настроенныхъ. Говоря о значеніи Рускаго Сокола заграницей, г. Черемошенко роняетъ слова, надъ которыми стоитъ задуматься всякому русскому человѣку.

"Въ настоящій моментъ на нашей родинѣ производится въ огромныхъ размѣрахъ опытъ принудительнаго отреченія отъ своей народности, перевоспитаніе нашего народа въ смыслѣ непонятнаго ему интернаціонала. Что позволяетъ ничтожной по сравненію со всей Россіей группѣ людей производить надъ огромной страной этотъ опытъ? — Организація... Русскіе патріоты проиграли передъ октябрьской революціей свою игру большевикамъ именно потому, что имъ не хватало организаціи, ихъ дѣйствія были разрознены".

Такъ было въ прошломъ. И опытъ, тяжкій и горькій опытъ этого прошлаго учитъ тому, что борьба съ соціалистическими разрушителями возможна только въ условіяхъ организаціи борящихся. Одной изъ такихъ организацій и представляется развивающееся въ русской эмиграціи сокольство. Естевенно - неовльно и въ сокольствѣ русская мысль связана съ освобожденіемъ и возрожденіемъ родины. И не даромъ его руководителями ставится соколамъ задача въ эмиграціи "унести съ собой въ Россію все, что здѣсь есть лучшаго въ области знаній, техники и культуры". Нѣтъ такого русскаго человѣка и нѣтъ такой русской организаціи, которые не стремились бы на родину съ завѣтной мыслью объ ея освобожденіи. Для сокольства это выражается горячимъ призывомъ г. Вадкова.

"Когда же настанетъ этотъ великій и желанный часъ, русскіе сокола стальными мышцами сокрушатъ тѣхъ, кто станетъ на пути ихъ, яснымъ умомъ своимъ разгонятъ тьму невѣжества, пылающимъ сердцемъ покажутъ, какъ любить надо Родину, личнымъ примѣромъ и мощной волей поведутъ за собой къ великому дѣлу — строительства русскаго государства".

Отъ успѣха этого стоительства и разрѣшенія вопроса, поставленнаго еще великимъ Пушкинымъ: "славянскіе ручьи сольются ль въ русскомъ морѣ, оно ль изсякнетъ?" И надо сказать правду, что ничего такъ не боится пытающійся разрушить весь міръ интернаціоналъ, какъ организаціи силъ, ему противоположныхъ. Что же касается до русской эмиграціи, то весь ея смыслъ и ея историческая задача, вся ея миссія заключается въ созданіи организацій для борьбы съ коммунизмомъ, обратившимъ въ рабство ея родину и угрожающимъ всему человѣчеству.

***

Двѣ возникшія среди русской эмиграціи организаціи мы отмѣтили здѣсь, поневолѣ ограничиваясь самыми короткими характеристиками.

И кажется на первый взглядъ, что между ними нѣтъ ничего общаго. И дѣйствительно, безконечно далеки онѣ другъ отъ друга по духу. Одна стремится къ вѣчному, для другой вѣчное слово заслоняется исканіемъ правды временной человѣческой жизни. И если есть между ними общее, то только въ утвержденіи тѣхъ божественныхъ и вѣчныхъ основъ человѣческаго существованія, противъ которыхъ воюетъ интернаціоналъ. И брань съ нимъ неизбѣжна для человѣчества. Возможна же она лишь при организаціи всякаго рода... Борьба за Родину... Вѣдь и св. Сергій благословилъ на борьбу съ Мамаемъ, и два схимника по его волѣ сложили головы на Куликовомъ полѣ.

Вл. Ладыженскій.

Церковь за рубежомъ.

Смерть Патріарха Тихона, ставшаго тѣмъ объединяющимъ центромъ, къ которому устремлялись всѣ церковные токи, и тѣмъ авторитетомъ, о твердыню котораго разбивались всѣ вредные для Церкви или ей враждебныя теченія, смутила всѣхъ.

Но порядокъ мыслей она вызвала разный.

У людей церковно мыслящихъ и ревнующихъ о церковномъ дѣлѣ по существу — стремленіе сохранить то завоеваніе, которое Церковь сдѣлала.

Какое?

Вопреки пропагандѣ, мучительству, ссылкамъ и соблазнамъ, она сохранила свою свободу и авторитетъ. Въ нищетѣ и страданіи она стала свѣтильникомъ, на который обращены взоры всего міра.

Внутри въ Россіи большевистская борьба съ ней безплодна и сами гонители ея не знаютъ, что еще предпринять противъ этой нерушимой стѣны.

Такимъ путемъ велъ Церковь почившій Святитель, и его завѣты должны быть сохранены, какъ путь уже испытанный.

Другой порядокъ мысли говорилъ, что теперь то и насталъ моментъ осуществить давнишнюю мечту объ автокефаліи. Патріарха и авторитета его имени нѣтъ. Церковь подъ гнетомъ, и рѣшенія нынѣшней церковной власти безъ труда можно объявить недѣйствительными, вынужденными. Зарубежная Церковь свободна. Ее надо объявить независимой отъ Церкви подъяремной, возглавить авторитетнымъ іерархомъ, который явится замѣстителемъ Патріарха — и не только за рубежемъ, но для всей Русской Православной Церкви.

Объ этомъ шли совѣщанія въ разныхъ кружкахъ и организаціяхъ, пущены были въ бѣженскихъ кругахъ всевозможные слухи. Въ редакціяхъ газетъ, а въ особенности ярко и опредѣленно выдвинувшихъ цер-

ковный вопросъ дѣлались попытки убѣдить газеты взять дурой тонъ, вести автокефалистскую линію.

Было названо и имя зарубежнаго замѣстителя патріарха — имя высокое и авторитетное — имя Митрополита Антонія.

Не трудно понять и оцѣнить весь безконечный вредъ этой закулисной кампаніи. Между высшими іерархами зарубежной церкзи создавался несуществующій конфликтъ. Единство церковнаго сознанія разрывалось. Никакого учета дѣйствительной церковной обстановки не дѣлалось. Все принималось въ жертву какимъ то расчетамъ и планамъ, не вытекавшимъ изъ церковныхъ нуждъ и запросовъ.

Къ скастью, наши іерархи своимъ авторитетнымъ голосомъ положили конецъ важнѣйшему изъ сомнѣній.

Передо мною лежатъ два пастырскихъ посланія: Митрополита Антонія и Митрополита Евлогія. Оба посланія обращены къ паствѣ по поводу кончины Патріарха Тихона.

Въ своемъ "Окружномъ посланіи" (Нов. Вр. 30 апр. 1925 г. № 1199) Митрополитъ Антоній говоритъ: "Если будете принимать къ сердцу приведенныя (выше) словеса Ап. Павла (Ефес. VI, 14,16), то, что бы ни пришлось намъ претерпѣть, лишившись нашего великаго Отца - Патріарха Тихона, но вѣрѣ нашей и Церкви не будетъ урона; отторженные отъ Россіи предѣлы Польши и Финляндіи, коимъ чуждая мірскія и церковная власть навязала церковныя и административныя отдѣленія отъ Матери - Церкви Россійской, вопреки постановленіямъ Вселенскихъ Соборовъ (Карѳ. 24), къ вѣрѣ не охладѣваютъ и всѣмъ сердцемъ стремятся попрежнему подъ власть своего законнаго главы — Патріарха Московскаго и всея Руси.

Васъ, возлюбленные, нынѣ также будутъ соблазнять, чтобы отдѣлитьсл отъ сей главы. Но каждый изъ васъ долженъ на такіе соблазны отвѣчать словами св. Максима Исповѣдника, котораго принуждали причащаться вмѣстѣ съ отщепенцами: " аще и вся вселенная съ ними причастится, азъ единъ не причащуся". Должно помнить слово Господне: "какая бо польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою; или что дастъ человѣкъ измѣну на души своей (Марк. VIII, 36, 37). Умножайте же возлюбленные, свою ревность о Христѣ и о Церкви, изучайте Божественное Писаніе, а кто можетъ и священные каноны Вселенскихъ Соборовъ, дабы использовать заповѣдь Ап. Петра: будьте всегда готовы всякому, дабы использовать заповѣдь въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ (I, 3, 15). Тогда и смутныя обстоятельства нашего церковнаго управленія не поколеблютъ нашего Православія, *не дадутъ успѣха соблазнителямъ, еретикамъ, новымъ раскольникамъ и безбожникамъ,* а отлетѣвшая душа нашего Патріарха скажетъ Господу: "се азъ и дѣти мои, яже ми далъ есть Богъ" и — "отъ нихъ же далъ еси мнѣ, не погубихъ никогоже".

Столь же рѣшительно высказывается Митрополитъ Евлогій въ своемъ "Пастырскомъ посланіи":

— "Патріархъ Тихонъ — говоритъ Митрополитъ, — былъ не только носителемъ высшей Церковной власти, но и живымъ средоточіемъ ея внутренняго существа, воплощеніемъ ея духовной силы, ея высшимъ авторитетомъ. Онъ далъ намъ истинное, глубочайшее и правильное истолкованіе святительскаго наставленія: воздадите кесарево кесарю, а Божіе Богу. Онъ научилъ насъ строго отличать временное и преходящее отъ вѣчнаго и нетлѣннаго, всячески предостерегая отъ смѣшенія Града Божія съ царствомъ человѣческимъ. Онъ научилъ насъ чтить св. Церковь, какъ величайшую, абсолютную, самодовлѣющую цѣнность, независимо отъ служенія ея земнымъ, человѣческимъ, хотя и возвышеннымъ цѣлямъ общественнымъ и государственнымъ.

Видя распыленность своей паствы по всему земному шару, Патріархъ Тихонъ особенно ревностно заботился о каноническомъ единствѣ Русской Православной Церкви. Ему ясно было, что отказывающіяся отъ этого единства части ея обрекаются на духовную слабость, на внутреннее безсиліе, что онѣ становятся неизбѣжно игралищемъ случайныхъ мѣстныхъ политическихъ вліяній и всегда относился отрицательно къ этимъ самочиннымъ автокефаліямъ, создававшихся въ разныхъ новообразованныхъ государствахъ. Этотъ завѣтъ Святѣйшаго Патріарха Тихона особенно твердо должны помнить мы, наша зарубежная бѣженская Церковь, разсѣянная по цѣлому свѣту. Вся наша сила, все наше вниманіе въ единеніи съ нашею духовною Матерію, и всею Русскою Церковію, которая возглавлялась Патріархомъ Тихономъ, и теперь возглавляется законными правопреемниками его церковной власти".

Такимъ образомъ, высшіе наши іерархи высказались опредѣленно отчетливо и рѣшительно. Можно говорить съ полною увѣренностью, что все церковное въ бѣженской массѣ, все отдающее себѣ отчетъ въ силѣ и значительности единства церковнаго не мыслитъ и не можетъ мыслить иначе.

И вѣроятно, — если бы пастыри церковные пожелали освѣдомиться о мнѣніи своего церковнаго народа, для чего есть каноническая форма епархіальныхъ собраній — иныхъ мнѣній они не услышали бы. Сейчасъ, когда изъ невѣдомыхъ источниковъ ползутъ извѣстія о затѣваемой автокефаліи, о расколѣ церковномъ и т. п., это болѣзненное и вредное явленіе, которому долженъ быть положенъ конецъ: наше время слишкомъ отвѣтственно въ церковномъ смыслѣ, слишкомъ много взоровъ обращено на Православную Церковь, чтобы мыслить иначе.

І. Никаноровъ.

(Продолженіе *"Корниловскаго Движенія"*, за недостаткомъ мѣста — въ слѣдующемъ номерѣ.)

Размышленія на улицѣ.

(Листки изъ дневника).

Странное чувство переживаешь на чужбинѣ. Это — чувство нежуткой торопливостью. Крадучись, они настаютъ и крадучись они ухообыкновенной быстроты, скоротечности жизни. Дни бѣгутъ съ какой то лятъ. Убѣгаютъ дальше; спѣша, оглядываются они назадъ, какъ бы прощаясь, какъ бы сожалѣя о чемъ то...

Испытаешь это чувство только здѣсь, на чужой сторонѣ. Вспомнишь старую ушедшую жизнь. Ту необыкновенную, полновѣсную, сейчасъ непонятную жизнь, когда, бывало, задыхаешься отъ ея полноты, отъ ея неизвѣданныхъ тайнъ. И тогда случались сумерки и неудачи, и одиночество. Но надъ головой было родное небо, а подъ ногами родная земля, и переживалось все иначе, чѣмъ теперь.

И вотъ все это утонуло куда то въ бездонную глубину. И чувствуешь это до ужаса, до жути. Въ Парижѣ какъ то особенно переживаешь всю случайность существованія, всю скоротечность бѣгущихъ дней. Въ жалкихъ мебляшкахъ слышишь грохотъ и гулъ чужой, огромной, полной чудесъ и сказокъ жизни. Слышишь это, и вдругъ содрогнешься. И вдругъ поймешь, что все это марево, весь этотъ гулъ, всѣ эти огни — все это переливается, шумитъ и сіяетъ, васъ не замѣчая. Превращаешься въ каку юто пыль подъ тысячами, милліонами чужихъ ногъ. Эти чужія подошвы безжалостно топчутъ и ваше прошлое и настоящее. Поймешь все это и вдругъ содрогнешься. И несешь съ собою, какъ тяжелый камень, усталое сердце...

Утромъ проснешься, какъ и всегда за эти пять лѣтъ, послѣ глубокаго сна безъ сновидѣній. Вѣроятно, нервы устали, какъ у чернорабочаго мускулы. Не сонъ, а какое то изнеможеніе. Проснешься и съ ненавистью, какъ и вчера, вспомнишь, что надо опять жить, опять ухватиться за что-то, опять. вцѣпившись изо всѣхъ силъ, удержаться на поверхности. Уцѣлѣть до вечера. Опять прожить день...

И вотъ невольно живешь улицей, ея суетой, ея безконечно скользящей лентой. Дѣлаешься ея добычей, жертвой ея впечатлѣній. Прилаживаешь къ ней свое одиночество, свою тревогу и какъ то остро думаешь, когда слышишь ея гулъ.

Кажется, у Бальзака въ романѣ "Погибшія мечты", описано жуткое очарованіе одиночества, когда человѣкъ, заброшенный въ огромномъ Парижѣ, цѣлыми днями бродитъ по улицамъ, спасаясь отъ немолкнущей тревоги. Добыча улицы, онъ бродитъ до изнеможенія. Но-

чью онъ возвращается въ свою мансарду, съ высоты 6-го этажа смотритъ на Парижъ, покрытый заревомъ ночныхъ огней. Съ ненавистью и страхомъ смотритъ онъ на гигантскій городъ и, грозя кулакомъ, проклинаетъ его.

О, конечно, не Парижъ человѣкъ этотъ проклинаетъ, а одиночество свое! И я вспоминаю эту грозящую кулакомъ фигуру каждое утро, когда просыпаюсь и поскорѣй ухожу.

Есть мои любимые уголки въ огромномъ Парижѣ. Сидишь, мечтаешь, и никто, ни одна душа, не найдетъ тебя. Утромъ идешь туда съ какимъ то страннымъ чувствомъ, какъ будто посѣщаешь близкаго друга.

Живу я на Монпарнассѣ, воспѣтомъ Бодлеромъ. Нигдѣ въ Парижѣ нѣтъ такихъ изумительныхъ по интимному уюту уголковъ, уличекъ, маленькихъ площадей, старинныхъ особняковъ, какъ здѣсь.

Утромъ еще не жарко, и каштаны тепло поблескиваютъ на солнцѣ. Иду мимо памятника маршала Нея. Люблю смотрѣть на эту бронзовую фигуру романтика бонапартизма. Онъ грозитъ кому то шпагой, а каштаны тихо шелестятъ надъ его головой. Спѣшу въ Люксембургскій садъ посидѣть и покурить у фонтана Медичи. Тамъ еще пусто. На свѣтлыхъ полянахъ среди темной зелени кротко перелетаютъ съ мѣста на мѣсто голуби. Хлопотливо суетятся на дорожкахъ воробьи. Сажусь на скамью и курю. Бронзовый Нептунъ, угрожающе нахмуривъ брови, склонился бородатымъ лицомъ надъ бронзовой Нереидой. Журчитъ вода въ чашѣ фонтана. Солнечные зайчики танцуютъ по струйкамъ. Страстно вздыхая, воркуетъ голубь, и, косясь чернымъ глазомъ, осторожно купается въ чашѣ. Капли воды, сверкая, падаютъ съ сизыхъ крыльевъ...

Сижу и курю. И вдругъ на мгновенье улетаетъ изъ сердца тревога, и вспомнишь почему то Россію, деревенскую глушь, когда съ рѣки пахло утренней іюньской свѣжестью, луга блестѣли отъ невыплаканныхъ слезъ, а вдали четко бѣлѣли березовые стволы, туго затянутые бѣлымъ шелкомъ. Вспомнишь это, и хочется вѣрить, что это все вернется.

Но возможно ли это?

Быстро иду изъ Люксембургскаго сада. И бронзовый Нептунъ, и каштаны, и свѣтлыя лужайки съ воркующими голубями кажутся чужими, холодными, не нужными мнѣ.

Полосатое жалюзи кафе ярко желтѣетъ на солнцѣ. Уже жарко, и за столикомъ сидятъ аборигены нашего кафе. Кафе это — излюбленный уголокъ иностранцевъ и монпарнасской художественной богемы. Все знакомыя лица, и мы молча раскланиваемся. Это все молодежь. Англичане, американцы, голландцы, шведы. Молодежь счастливыхъ странъ, еще живущихъ старой жизнью. На лицахъ и фигурахъ разлиты краски быта, привычкъ, непонятнаго мнѣ увѣреннаго покоя.

Преобладаютъ и задаютъ тонъ англичане. Съ чувствомъ неволь-

ной зависти слѣдишь за ними. Въ нихъ англійская прочность, увѣренность, спокойная солидность. Эта солидная добротность даже въ ихъ мѣшковатыхъ костюмахъ традиціоннаго сѣраго цвѣта, толстой обуви, отличномъ бѣлье. Видно, люди живутъ не только сегодня и завтра, но собираются жить долгіе годы.

Англійскую молодежь холятъ и берегутъ. Эта бережливость къ самому себѣ, къ своимъ переживаніямъ, на крѣпкихъ бритыхъ лицахъ.

Какъ эта скупая бережливость ихъ, сторожкость далеки отъ нашей расточительности, отъ нашихъ перепрыгиваній черезъ пропасти, скачковъ въ неизвѣстность! Нашъ Достоевскій сказалъ: у русскаго человѣка — странная черта. Идетъ, трудится, впадаетъ даже въ аскетизмъ и подвижничество. Вдругъ на пути грязная канава. Перескочи черезъ нее. Усилій пустякъ. Но нѣтъ, нашъ русскій аскетъ, нашъ Иванъ Карамазовъ, вдругъ почувствуетъ непреодолимое и страстное желаніе упасть ничкомъ въ канаву, прямо въ грязь.

Вотъ этой Карамазовщины и плаксиво ноющей мармеладовщины не отыщешь въ англійской молодежи.

Иногда залюбуешься англійской барышней, какъ типомъ. Помню одну. Въ желтой соломенной шляпѣ, покрытой бѣлой вуалью, рыжеватая, съ загорѣлой шеей, она съ улыбкой читала письмо за столикомъ. Пачка синихъ, сѣрыхъ, зеленыхъ конвертовъ съ англійскими почтовыми марками лежала передъ ней. Желтый томикъ романа всунутъ былъ въ ея кожаную сумочку. Ей пишутъ, о ней думаютъ ежедневно тамъ, въ Лондонѣ или Ливерпулѣ. И вотъ она, улыбаясь, читаетъ письма съ родины. Лицо у нея чистое, ясное, лицо дѣвушки, которая также спокойно улыбаясь станетъ завтра женщиной, женой и матерью...

Съ тоской пробѣгаю я по этимъ лицамъ. Я читаю въ нихъ черты той жизни, которою и я жилъ когда то. Гдѣ она эта жизнь, вернется ли когда нибудь?

Встаетъ передо мною наша молодежь загнанная на чужбину, уже 7-8 лѣтъ не видѣвшая Россіи, бредущая по пустынѣ. Найдетъ ли она своего Моисея, который выведетъ ее изъ этой пустыни? Вспоминаю я и нашихъ дѣтей. И тамъ въ Россіи и здѣсь. Тамъ, забывающихъ имя Божье, не знающихъ русскаго прошлаго, не смѣющихъ произнести имя Россіи, и здѣсь, забывающихъ родной языкъ, рѣдко читающихъ русскую сказку или русскую книгу, переживающихъ вмѣстѣ съ нами нашу эмигрантщину. Наши дѣти, наше будущее!

Иногда нападаетъ вдругъ тоска и не вѣришь тогда, не ждешь ничего. Кажется въ эти минуты, что не доживешь до освобожденія и умрешь здѣсь. И гдѣ нибудь на парижскомъ кладбищѣ затеряешься, исчезнешь...

Недавно хоронилъ я на кладбищѣ въ Монморанси подъ Парижемъ моего друга.. Никогда не забуду я этой могилы, такой одинокой на лѣсистомъ холму Монморанси. Былъ апрѣльскій день, и по синему небу

весело бродили весеннія облака. Надъ старыми могильными плитами, мавзолеями и урнами тихо лепетали молодые клейкіе листочки. Рѣдкіе кипарисы качили свои вершины въ голубомъ воздухѣ. Робко и еще по весеннему неувѣренно перекликались птицы... Я оставилъ на могилѣ свой вѣнокъ и пошелъ побродить по кладбищу. Вдругъ я увидѣлъ нѣчто, меня поразившее.

Я набрелъ случайно на ту часть кладбища, гдѣ погребены польскіе эмигранты 30-хъ годовъ, попавшіе во Францію послѣ возстанія Польши въ 1830 году. Тогда болѣе 30 тысячъ польской повстанческой арміи во главѣ съ генералами, штабами спаслись здѣсь. Духовнымъ вождемъ польской эмиграціи, ея эоловой арфой, былъ Адамъ Мицкевичъ. Прошли годы. Польскіе изгнанники влачили жизнь, какъ и мы. Они вымерли одинъ за другимъ, какъ вымремъ и мы. Кажется, изъ польскихъ изгнанниковъ того времени уцѣлѣлъ чудомъ и остался до сихъ поръ въ Парижѣ сынъ Ад. Мицкевича, сейчасъ 80-лѣтній старикъ. Служитъ онъ теперь сторожемъ въ польской библіотекѣ.

Я оглянулся кругомъ, и видъ этихъ сотенъ польскихъ могилъ, шеренгами выстроенныхъ, тѣсно прижавшихся другъ къ другу могильныхъ плитъ, былъ такъ печаленъ въ своемъ одиночествѣ подъ чужимъ весеннимъ небомъ!

Сотни могильныхъ плитъ. Цвѣтущая жимолость буйно разрослась среди нихъ. Трогательно и умоляюще звучали на плитахъ польскія имена фамиліи, даты жизни и смерти. Сердце сжималось, когда я смотрѣлъ на эти, теперь такія мертвыя, а когда то живыя имена. Помнитъ ли кто нибудь о нихъ?

Нашелъ я и могилу Ад. Мицкевича. Прахъ его перевезенъ во Львовъ, но могила осталась. Надъ могильной плитой его бюстъ. Откинувшись въ изнеможеніи, онъ полузакрылъ глаза. Длинные волосы сбились надъ низкимъ лбомъ. На губахъ гримаса безконечной грусти.

И вспомнилась мнѣ строфа изъ его "Крымскихъ сонетовъ", когда онъ на Крымскихъ берегахъ мечталъ объ свобожденіи своей Литвы:

"О, Литва, отчизна моя!...

Послѣ возстанія 1830 года Мицкевичъ попалъ въ Парижъ и жилъ здѣсь въ галлюцинаціяхъ жгучей ненависти къ Россіи и тоски о Польшѣ. А смерть занесла его на кладбище въ Монморанси...

Кругомъ кладбища холмъ Монморанси. Здѣсь жилъ когда то Жанъ-Жакъ Руссо и писалъ свою "Элоизу". Его статуя внизу передъ паркомъ смотритъ туда вверхъ, гдѣ могила Мицкевича. Какъ удивительно и неожиданно живое переплетено съ мертвымъ, и какими тончайшими нитями мы всѣ объединены! Какъ много въ нашемъ прошломъ запрятано тайнъ, разгаданныхъ лишь вчера. А сколько въ нашемъ настоящемъ тайнъ, которыя будутъ разгаданы въ далекомъ будущемъ...

Кто это пойметъ и кто это разгадаетъ?

П. Никашинъ.

Мой отъѣздъ къ Туркамъ.

(Изъ бѣженской жизни).

Хотя Елисейскія поля были мягко обласканы лучами закатнаго солнца и вдоль тротуаровъ беззаботно сновала нарядная толпа, на душѣ у меня было грустно.

Очевидно, происходило это оттого, что надоѣло стучать каждый день на машинкѣ, перевертывать разорвавшіеся воротнички и пререкаться съ вѣчно недовольной консьержкой.

И потому я вовсе не обрадовался, когда чей то голосъ окликнулъ меня по фамиліи.

Тѣмъ болѣе, что остановившаго меня человѣка я зналъ очень мало и помнилъ вскользь, какъ насъ мыли съ нимъ вмѣстѣ передъ Константинополемъ въ Тузлѣ, послѣ Новороссійска.

Конечно, среди всѣхъ моихъ знакомыхъ плонжеровъ, ливреровъ и комми я занималъ довольно спокойное мѣсто и потому неловко было отдаться моему настроенію, особенно передъ незнакомымъ человѣкомъ, у котораго потерный пиджакъ, смятый воротничекъ и предательски - дырявый ботинокъ.

Нужно быть справедливымъ, онъ началъ первый.

Узнавъ, что я служу въ конторѣ, онъ всплеснулъ руками и посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ.

"Контора, процѣдилъ онъ брезгливо, это значитъ пальцы грязные отъ машинки, къ вечеру головная боль и какія нибудь шестьсотъ - семьсотъ франковъ".

Что же дѣлать, проговорилъ я сухо, это лучше, чѣмъ идти на заводъ и, если нѣтъ силъ, надорваться черезъ недѣлю".

"Заводъ — фи!... проговорилъ онъ брезгливо, — развѣ о немъ идетъ рѣчь"?

"Посмотрите на эту вереницу автомобилей, — началъ онъ вкрадчиво, — взгляните на наглухо задернутыя шторы особняковъ. Вотъ люди, живущіе полной, сочной и многогранной жизнью".

"Да мы въ богатой части Парижа, прервалъ я его раздраженно, не понимая, въ чемъ дѣло.

Неужели, подумалъ я съ тревогой, онъ предложитъ мнѣ преступленіе или трубку съ опіумомъ въ какой нибудь парижской трущобѣ, чтобы найти въ ней нирвану и отдыхъ.

Однако, къ удивленію своему, я убѣдился черезъ минуту, что судьба свела меня только съ мечтателемъ и какого то странно - утилитарнаго типа поэтомъ.

— "Что дѣлать?" — продолжалъ онъ возбужденно, и это спрашиваете у меня вы — образованный, яркій и незаурядный человѣкъ?"

— "Къ чертy комплименты!" — обозлился я вдругъ, говорите, въ чемъ дѣло".

— "А, вы хотите дѣло, прохрипѣлъ онъ мнѣ въ отвѣтъ, тогда бросьте все, бросьте вашъ мѣщанскій разсчетъ, — клавиши ремингтона и восчувствуйте многомилліонный пульсъ города, полнаго невѣроятныхъ сказочныхъ возможностей.

"Послушайте, понизилъ онъ голосъ какъ заговорщикъ, неужели вы не чувствуете, какъ трепещетъ обступившій насъ со всѣхъ сторонъ городской шумъ, вы сорокалѣтній человѣкъ, которому пора уже жить на проценты отъ прошлой жизни, а не подпирать стѣнки какой то дурацкой конторы.

— "Ищите человѣка, говорилъ онъ мнѣ вдохновенно, человѣка, котораго, конечно, забыла ваша память, — одного изъ тѣхъ, которымъ когда то вы спасли жизнь, сохранили жену, избавили отъ долговой ямы, вырвали изъ лапъ бѣшенной собаки, бросились подъ ноги взбѣсившихся лошадей.

— "Къ чему вы это?", спросилъ я изумленно.

"А къ тому, мой милый, что на дняхъ трое изъ моихъ знакомыхъ, умиравшіе съ голоду на панели, только этимъ путемъ спаслись и благословляютъ небо сегодня.

И онъ разсказалъ мнѣ о какомъ то старомъ сенаторѣ, который встрѣтилъ своего бывшаго лакея, уѣхавшаго лѣтъ двадцать тому назадъ въ Америку и подарившаго ему виллу при встрѣчѣ. разсказалъ о шоферѣ, узнавшемъ въ случайномъ сѣдокѣ своего стараго конторщика, накопавшаго за три года золота въ Калифорніи больше, чѣмъ Ротшильдъ; разсказалъ и про даму, вышедшую замужъ за аргентинца; про даму, по царски одарившую человѣка, спасшаго ее, когда то въ Россіи отъ грязнаго и жестокаго шантажа.

По расширеннымъ отъ восторга глазамъ моего собесѣдника я замѣтилъ, что это "конекъ", но еще не понималъ, что это не только конекъ, но и разработанная въ мельчайшихъ деталяхъ идея.

— "Я даю вамъ добрый совѣтъ, продолжалъ онъ вновь, говоря обо мнѣ, ищите человѣка, съ которымъ васъ въ прошломъ связала судьба, вѣдь въ его рукахъ ключъ къ вашему счастью".

— "Легко сказать — ищите, засмѣялся я въ отвѣтъ, когда я цѣлый день занятъ въ конторѣ и устаю къ вечеру, какъ мужикъ въ сѣнокосную пору".

— "Да, конечно, грустно развелъ онъ руками, для этого нужна психологія птичьяго полета, вы же разсуждаете какъ кротъ, зарывшійся въ землю".

— "Гдѣ же искать этихъ людей, на улицѣ что-ли?", насмѣшливо прервалъ я его.

— "На улицѣ, разсмѣялся онъ тихо, да, конечно, только на ней, если вы хотите и сможете это понять".

— "Я лично, продолжалъ онъ серьезно, избѣгаю закрытыхъ помѣщеній, даже конторъ океаническихъ обществъ, даже пріемныхъ министровъ и банковыхъ залъ.

— Я вѣрю въ улицу, потому что улица, это протянутая рука города, открытая рука, доступная каждому.

— "Но будьте серьезны, предупредилъ онъ меня, ищите въ дождь и ищите, когда асфальтъ раскаляется солнцемъ и вы найдете то, что предназначено вамъ судьбой."

Онъ долго еще говорилъ, заражая меня какимъ то чувствомъ сладкаго безпокойства, вселяя во мнѣ тревогу неясныхъ, незримыхъ предчувствій.

***

Разстались мы съ нимъ потому, что завтра мнѣ нужно было рано вставать и дома дожидалась жена къ ужину.

Метро я, конечно, пропустилъ и, возвращаясь пѣшкомъ, невольно какъ то по иному смотрѣлъ на рѣдкихъ прохожихъ, вспоминая и думая о прошлой моей жизни.

Сначала почему то лѣзла въ голову всякая чепуха.

Неизвѣстно зачѣмъ я вспомнилъ, какъ четверть вѣка назадъ, недѣли двѣ подрядъ, я заботливо перевязывалъ теткиному мопсу поврежденную лапу, несмотря на то, что избалованное животное все время норовило меня ухватить своими гнилыми зубами.

Это было ни къ чему, такъ какъ тетка уже умерла, а ея сынъ влачилъ, подобно мнѣ, въ Сербіи жалкое существованіе и къ тому же всю жизнь ненавидѣлъ материнскаго мопса.

Потомъ промелькнула какая то далекая исторія о томъ, какъ, играя въ дѣтствѣ въ разбойники, я всегда былъ безупречнымъ рыцаремъ по отношенію къ маленькой бѣлокурой дѣвочкѣ, дарившей меня за это нѣжной улыбкой.

Къ сожалѣнію, это оказалось тоже ни къ чему, такъ какъ маленькая дѣвочка сдѣлалась впослѣдствіи моей женой и въ Парижѣ цѣлыми ночами шила чужое бѣлье, живя со мной вмѣстѣ.

Потомъ внѣ всякихъ ассоціацій мнѣ вспомнилась одна моя рѣчь на юбилеѣ, вызвавшая слезы у юбиляра и почему то возвращенный, въ клубѣ взятый мной по ошибкѣ, чужой зонтикъ.

Конечно, и это было не то.

Ни мопсъ, ни юбиляръ, ни зонтикъ не могли, понятно, устроить мою судьбу.

Правда я много разъ въ различныхъ странахъ уступалъ свое мѣсто въ трамваяхъ, но я отмахнулся отъ этихъ воспоминаній, очевидно, не желая черезъ женщинъ дѣлать карьеру.

Какъ будто не было ничего поразительнаго и въ томъ, что я далъ

когда то червонецъ жалкому оборванцу послѣ крупнаго выигрыша въ карты.

Я началъ уже впадать въ грусть, убѣждаясь, что моя жизнь прошла плоско, какъ отшлифованный камень.

Самое яркое, что пришло мнѣ на умъ — это былъ отдаленный галетъ на эвакуаціонномъ пароходѣ, но получившій его человѣкъ умеръ два года назадъ отъ чахотки въ Ментонѣ.

Въ общемъ, какъ я увидѣлъ, мнѣ не везло, и я вдругъ бѣшено озлился на человѣка, который вывернулъ всю мою жизнь, какъ выворачиваютъ перчатку, нарушилъ мое равновѣсіе и показалъ мнѣ всю пустоту и ничтожность моего существованія.

И только уже подходя къ дому я какъ то сразу съ гордостью припомнилъ, что не отдалъ подъ судъ приказчика, укравшаго у меня арендныя деньги, поручился по векселю за полузнакомаго человѣка, остановилъ своимъ вмѣшательствомъ дуэль по ничтожному поводу и спасъ одну семью отъ разоренія.

"Шутъ ихъ знаетъ, кто изъ нихъ теперь умеръ, кто разбогатѣлъ, кто въ Россіи, кто за-границей, кто, подобно мнѣ, стучитъ на машинкѣ и кто швыряетъ деньги пригоршней, думалъ я возбужденно, громче стуча чѣмъ нужно въ запертыя ворота и припоминая всѣ обѣщанія помнить мои благодѣянія до гроба, слышанныя мной въ жизни разновременно.

***

Конечно, я не бросилъ мѣста и, очевидно, съ точки зрѣнія моего знакомаго, въ душѣ остался мѣщаниномъ.

Но, видимо, человѣкъ, съ которымъ насъ мысли совмѣстно въ Тузлѣ заронилъ въ мою душу смутный ростокъ какой то надежды и потому, когда люди обижали меня, передо мной всегда вырисовывалось лицо моего прикащика съ карманомъ, полнымъ бумажекъ.

И судьба, очевидно, вспомнила обо мнѣ.

Какъ то, въ одномъ изъ русскихъ ресторановъ, въ воскресенье, почему то противъ моего столика очутился господинъ, лицо котораго мнѣ показалось знакомымъ.

Мы нѣсколько разъ нерѣшительно переглянулись съ нимъ и почти одновременно сдѣлали движеніе другъ къ другу.

Конечно, это не былъ ни одинъ изъ призраковъ прошлаго, потревоженныхъ мной въ памятный вечеръ, это просто оказался инженеръ, съ которымъ я служилъ вмѣстѣ на Югѣ Россіи, человѣкъ только что пріѣхавшій во Францію изъ малоазіатскихъ дебрей.

Это была самая реальность въ отлично сшитомъ пиджакѣ, человѣкъ сразу же послѣ эвакуаціи устоившійся въ Азіи во французскомъ горнопровышленномъ отдѣлѣ большой фирмы.

Онъ не походилъ на насъ "русскихъ европейцевъ", презрительно называлъ извозчиками нашихъ аристократовъ - шоффероvъ, жаловался, что совершенно одинъ и немного кокетникая согласился со мной, что вытянулъ для бѣженца неплохой номеръ.

Онъ мало зналъ жизнь эмигрантовъ въ Европѣ, смѣялся надъ тѣмъ, надъ чѣмъ плакали мы, съ грустью разводилъ руками, когда я говорилъ, что люди съ историческими именами таскаютъ тяжести на вокзалахъ, и, видимо, привыкнувъ къ услугамъ цвѣтныхъ, досадливо морщился, когда барышня опаздывала съ заказаннымъ блюдомъ.

Мы просидѣли вмѣстѣ нѣсколько часовъ и, разставаясь, онъ просилъ меня оказать ему честь, разрѣшивъ зайти къ намъ и возобновить знакомство съ женою.

И дѣйствительно онъ пришелъ ко мнѣ въ первый же назначенный вечеръ и захватилъ насъ разсказами о той жизни, которая такъ была отлична отъ нашихъ маленькихъ будней.

Цѣлый вечеръ мы слушали съ упоеніемъ какъ приручалъ онъ у себя дикаго хамелеона, ловилъ четырехъ - аршинныхъ змѣй, изъѣздилъ верхомъ около 2.000 километровъ, ночевалъ на деревьяхъ въ феллахскихъ деревняхъ, встрѣчалъ новый годъ съ французскими инженерами въ "tenue blanche", ѣлъ черепаховый супъ и составлялъ гербарій, въ которыхъ, по его увѣреніяхъ, встрѣчались уники.

Онъ не былъ узкій спеціалистъ и потому съ увлеченіемъ разсказывалъ намъ цѣлый рядъ занимательныхъ арабскихъ и турецкихъ преданій, и мы были такъ увлечены, что вдыхали съ нимъ вмѣстѣ ароматъ вѣковѣчной пустыни, ужасались надъ десятками тысячъ вырѣзанныхъ армянъ; какъ будто, въ нашу маленькую бѣдную комнату вошелъ живой кусочекъ таинственнаго и загадочнаго востока.

Мы были въ восторгѣ отъ неожиданной встрѣчи и когда черезъ недѣлю, увѣривъ меня, что привязался къ намъ какъ къ роднымъ, онъ разстроганнымъ голосомъ предложилъ мнѣ бросить Европу и ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, восторгъ смѣнился чувствомъ самой живой благодарности.

Онъ былъ очень деликатенъ — этотъ человѣкъ, когда говорилъ мнѣ маленькому чиновничку, какъ бы убѣждая меня и боясь моего отказа:

— "Правда, вы будете читать европейскія газеты на 20 день и лишитесь культуры большого города, но зато безъ всякихъ спеціальныхъ знаній будете получать 3 тысячи франковъ въ мѣсяцъ, имѣть въ полномъ своемъ распоряженіи Фордъ, безплатную квартиру въ 6 комнатъ и въ двухъ часахъ ѣзды Бейрутъ съ большой русской колоніей и даже... съ русскимъ ресторанъ. — Я навелъ о васъ справки, извинился онъ передо мной, и мнѣ нужно только ваше согласіе".

Я вспомнилъ моего чудака, ищущаго счастье на бульварахъ, и въ эту минуту рѣшилъ, что онъ единственный человѣкъ, понявшій всю мудрость и глубину жизни.

Конечно, вопроса о моемъ отказѣ и быть не могло. Когда главное было рѣшено и перешли за чашкой чаю къ деталямъ, жена заявила, что прежде всего на новомъ мѣстѣ купить собаку, но мой новый патронъ, предвидѣвшій всѣ мелочи жизни, совѣтовалъ раньше всего взять въ качествѣ прислуги маленькаго арапченка, увѣряя, что они очень преданы и непретенціозны.

Уже въ тотъ же вечеръ я возбужденно собирался въ далекій путь, сердился на жену, что она боится тарантуловъ, сортировалъ вещи, переплывалъ Средиземное море и даже моментами мечталъ о тайнахъ восточныхъ женщинъ, скрытахъ чаршафомъ.

Конечно, когда онъ приходилъ къ намъ, а это было не рѣдко, ему придвигалось единственное въ комнатѣ кресло, жена бросала спѣшную работу, я манкировалъ службой въ конторѣ, подогрѣвалъ красное вино и бѣгалъ по его порученіямъ.

Въ домѣ у насъ поселилась легкокрылая мечта и какъ то однажды, гладя меня по головѣ, жена съ какими то особенными нотками въ голосѣ, напомнившими мнѣ далекое прошлое, сказала, улыбаясь, мнѣ: "какъ ты подтянулся".

Въ тотъ день, когда онъ по телефону сообщилъ мнѣ, что я утвержденъ, онъ же уѣзжаетъ въ Берлинъ на недѣлю за закупкой машинъ, я устроилъ у себя праздникъ.

Я купилъ коньяку и половину лангусты и послѣ трехъ рюмокъ рѣшился на чистоту объясниться въ конторѣ, припомнивъ имъ всѣ тренія жизни и занявъ моимъ разсказомъ весь вечеръ, какъ жаловались потомъ дамы женѣ.

Впрочемъ, близился уже день отъѣзда и полученія командировочныхъ денегъ и я мечталъ о томъ, какое сдѣлаютъ лицо всѣ мои знакомые, узнавъ, что я уѣзжаю въ Сирію на три тысячи франковъ.

Въ такомъ настроеніи я провелъ двѣ послѣднія недѣли и даже рѣшилъ подарить черный пиджакъ двоюродному брату, о чемъ у насъ дома все время шли ожесточенные споры.

Задумываться я началъ только тогда, когда прошли всѣ допустимые сроки для полученія изъ Берлина письма, и въ тихомъ переулкѣ въ „Neuilly" консьержка мнѣ опредѣленно сказала, что инженеръ Черноярovъ совершенно оставилъ комнату и выѣхалъ въ неизвѣстномъ ей направленіи.

Прошли долгіе мѣсяцы, и уже много времени спустя, когда жизнь вошла окончательно въ колею и въ новой конторѣ я получалъ за прежнюю работу меньше на 50 франковъ, я узналъ, что мечталъ объ арапченкѣ не я одинъ, и встрѣченный мной инженеръ не для одного меня исчезъ загадочно быстро.

Поговаривали даже о занятыхъ у кого то деньгахъ и называли при этомъ крупную сумму.

Къ сожалѣнію, въ Парижѣ нѣтъ адреснаго стола, и я ничего не могъ разсказать о себѣ человѣку, ловящему судьбу на бульварахъ.

Впрочемъ... я вѣдь на многое съ тѣхъ поръ махнулъ рукой и у меня кромѣ отвращенія къ лангустѣ, все идетъ такъ, какъ шло раньше.

В. Иловайскій.

Пока не поздно.

(Первыя впечатлѣнія заграницею).

Какъ ни странно и больно, но приходится сознаться въ томъ разочарованіи, которое испытываешь, очутившись здѣсь, и которое ясно открываетъ картину будущаго — только здѣсь на мѣстѣ, куда такъ безнадежно стремится каждый русскій человѣкъ.

Вѣдь, въ Россіи только и могутъ быть разговоры и думы о завтрашнемъ днѣ, и этотъ завтрашній день, хотя можетъ быть отвѣтъ будетъ слишкомъ неожиданнымъ для живущихъ здѣсь, несетъ только смерть въ то время какъ говорится о какомъ то возрожденіи.

Здѣсь часто слышишь слово "Россія", въ то время какъ тамъ, въ ССР, живутъ русскіе люди, живутъ они только потому, что надѣются на спасеніе.

Нѣтъ власти, нѣтъ порядка, нѣтъ заботъ, нѣтъ того, что должно олицетворять собою государство. Есть только разбой, умышленное уничтоженіе и обираніе русскаго народа, и эта система велась изо дня въ день, изъ года въ годъ вотъ уже 6 лѣтъ.

Теперь новое горе, новый ужасъ — это проведеніе "революціи Церкви".

До кончины патріарха Тихона единственную поддержку русскіе люди видѣли въ немъ. На этой поддержкѣ создалась сила, которая въ концѣ была настолько не безопасно для власти, что заставила ее взяться за "реформу" церкви. Но какой можетъ быть разговоръ о реформѣ, когда съ первыхъ же дней изъ церквей выносились не только иконы и цѣнности, но и осквернялись престолы и раздавались антиминсы для головныхъ уборовъ и шитья модной обуви, а зданія превращались въ комсомольскіе клубы.

Бывали и здѣсь города, гдѣ на цѣлый городъ оставляется одна или двѣ церкви для православныхъ, т. е. послѣдователей Тихона, которымъ была чужда пропаганда новой церкви, т. е. обновленческой или живистской, которыя находятся или на кладбищѣ, или въ старомъ забро-

шенномъ монастырѣ, отстоящемъ отъ города на разстояніи двухъ - трехъ верстахъ и куда даже небезопасно ходить).

До середины 23 года народъ страдалъ, блуждалъ, не отдавая себѣ отчета, куда его ведутъ, — и только съ августа 23 года, послѣ перваго воззванія патріарха Тихона, въ которомъ онъ даетъ картину захвата церкви живоцерковными протоіереями, образовавшими синодъ, который вскорѣ распался и былъ одинъ изъ вышедшихъ его членовъ, именовавшимъ себя митрополитомъ Московскимъ, названъ "хулиганскимъ", и призываетъ всѣхъ оставшихся вѣрными старой церкви сплотиться и стать на защиту ея. — Народъ въ этомъ увидѣлъ спасеніе и единственный выходъ.

И вотъ всѣ послѣдующія преслѣдованія и задушенія и антирелигіозная пропаганда привела къ тому, что создался небывалый религіозно-духовный подъемъ, съ которымъ бороться было уже не подъ силу. — Нужно было придумать выходъ изъ этого положенія.

Объявивъ 16 мая, какъ 1600 годовщину послѣдняго вселенскаго собора, они объявили свое рѣшеніе собрать всѣ матеріалы для этого собора, на которомъ, по ихъ словамъ, примутъ участіе всѣ западные патріархи, и гдѣ будутъ выработаны ебщее положеніе и правила и измѣнено и сокращено богослуженіе и рѣшеніе этого собора будетъ для всего міра.

Соборъ этотъ, по ихъ словамъ, долженъ будетъ быть въ Іерусалимѣ. На вопросъ, по чьей иниціативѣ, — было отвѣчено, — что "по иниціативѣ грековъ, какъ основателей православной вѣры".

Но этому, какъ оказалось, мѣшалъ Патріархъ Тихонъ. А теперь его нѣтъ, и для русскаго народа настаетъ время ужасной борьбы, — борьбы не на животъ, а на смерть.

Если большевикамъ удастся провести въ жизнь постановленія вымышленнаго ими собора, — это значитъ — окончательно истребить религію и церковь.

Да и сейчасъ идетъ медленная смерть церкви, — богословскихъ учебныхъ заведеній нѣтъ, дѣти священниковъ не пользуются никакими правами, сами священнослужители признаны нетрудовымъ элементомъ и платятъ колоссальные налоги, живутъ же исключительно на подаяніе прихожанъ и не пользуются никакими гражданскими правами. За церкви платятъ также громадные налоги, такъ какъ вся площадь раздѣлона на сажени, съ оплатой каждой сажени по высшей расцѣнкѣ, доходящей до 2 руб. зол. каждая.

Вначалѣ, при образованіи живой церкви, народу говорилось, что вся разница заключается только въ стилѣ, т. е. старомъ и новомъ, и священнослужителямъ разрѣшается большая свобода и предоставляются нѣкоторыя гражданскія права.

На дѣлѣ же оказалось совсѣмъ иное — дѣло оказалось не въ сти-

лѣ и нѣкоторыхъ измѣненіяхъ при богослуженіи, а въ отрицаніи божественности Іисуса Христа и преслѣдованіи воспитанія и образованія духовнаго, если оно носитъ даже частный характеръ.

Вотъ въ какихъ условіяхъ и положеніи сейчасъ находится народъ, онъ ждетъ слова всего міра, чтобы найти какую нибудь точку опоры. Въ этотъ соборъ не вѣрятъ. Кто же скажетъ имъ это слово вмѣсто Патріарха Тихона и за кѣмъ они должны пойти?

Другого выхода нѣтъ.

Къ банковекой панамѣ.*)

Пока идетъ слѣдствіе во французскомъ судѣ по злоупотребленіямъ въ нѣкоторыхъ русскихъ банкахъ, — и, между прочимъ, противъ гг. Путилова (Рус.-Аз. Банкъ, нѣкоторыхъ членовъ правленія Р. Т.-Пр. Б.) и его коллегъ, о которыхъ мы уже говорили, мы можемъ остановиться нѣсколько на происхожденіи этой Панамы.

По Русско-Азіатскому Банку она началась еще въ Петроградѣ во время войны, когда г.г. Путиловъ, Безпаловъ и бр. Гордонъ совершили, **повидимому,** законную операцію съ акціями Рус.-Аз. Банка. Слѣдствіе выяснитъ насколько эта операція была честна и законна, заплатили ли г.г. Безпаловъ и бр. Гордоны за полученныя акціи и **законно ли** они стали собственниками большинства акцій (болѣе 10.000) и**Ропита** (Рус. Об. Пр. и Тор.), хозяевами котораго они, такимъ образомъ, оказались. Теперь, заграницей, г. Безпаловъ, говорятъ, разстался съ бр. Гордонъ, и они въ компаніи г.г. Верстрата и др. «работаютъ» въ **Ропитѣ,** пользуясь, какъ мы видѣли, помощью универсальнаго и разносторонняго А. И. Путилова, нескрывающаго больше, что онъ работалъ на Раковскаго и Красина и съ ними.

Еще до переговоровъ съ большевиками г.г. Путилова, Езерскаго и «иже съ ними», послѣдніе совершили странныя операціи уже въ Парижѣ съ г.г. Скидельскимъ, Кривицкимъ и др., стоившими банку **десятки милліоновъ!...** Что эти операціи принесли ихъ иниціаторамъ и честнымъ маклерамъ покажетъ... начатое слѣдствіе.

Замѣчательно слѣд. — историкъ нашего времени остановится въ раздумьи передъ этимъ фактомъ: когда французское правительство узнало въ 1920 г. о странномъ веденіи дѣлъ въ Р.-А. Б., то оно очень деликатно дало понять правленію Р.-А. Б., что слѣдовало бы **узаконить** положеніе правленія. Мы узнали въ самомъ началѣ нашей анкеты, что 23 декабря 1920 г. графъ С. Соверъ (членъ правленія) доложилъ правленію о желаніи министерства иностранныхъ дѣлъ,чтобы члены этого правленія **коллективно вышли въ отставку** (и,разумѣется, созвали Общее Собраніе для избранія новаго состава совѣта и правле-

*) См. «Рус. Нед.» ном. 4.

нія). Члены правленія гр. С. Соверъ, Батолинъ, Бутри, Легранъ немедленно подали заявленіе объ отставкѣ. Одинъ Путиловъ, подъ разными предлогами, откладываетъ свой отвѣтъ и въ концѣ концовъ... остается, пригласивъ **своею властью** въ правленіе гг. Иванова и Миллера, а затѣмъ 9 марта 1921 г. 2 голосами (своимъ и Иванова) противъ 1 (Миллера), кооптируетъ еще и г. Власто, кооптацію котораго, впрочемъ, судъ призналъ вскорѣ незаконной!

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе эти факты производили въ заинтересованныхъ кругахъ вообще и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ особенности! Непосвященнымъ же въ тайны банковъ и финансовъ гг. Путиловы и ихъ кліенты говорили, что «французское правительство вмѣшивается въ русскія дѣла»!

На самомъ дѣлѣ, какъ и въ въ дѣлѣ «архива охраны», за которымъ охотились Волинъ, Познеръ и Ко, — оно рѣшило не вмѣшиваться въ «русскія(!) дѣла».

(Продолженіе слѣдуетъ)

Хроника.

НОВАЯ ТАКТИКА НА ГРЕНЕЛЬ

Въ кругахъ, близкихъ къ совѣтскому посольству, со времени перехода Савинкова къ большевикамъ, не разбившаго этимъ кадры эмиграціи, на что сильно расчитывали въ Москвѣ, посольство въ настоящій моментъ очень мало удѣляетъ вниманія всякаго рода смѣновѣховскимъ настроеніямъ, почему «Парижскій Вѣстникъ» и влачитъ такое жалкое существованіе уличнаго листка съ какими то «розовыми» скучными псевдонимами.

«Десятью эмигрантами меньше или больше, это ничего не убавитъ отъ эмиграціи и ничего не дастъ союзу республикъ», довольно цинично говорятъ совѣтскіе заправилы на улицѣ Гренель.

По ковымъ директивамъ главное вниманіе обращено на коммунистическую работу въ тѣхъ странахъ, гдѣ получена «экстериторіальность» и вотъ для этой работы охотно привлекаются русскіе бѣженцы, предлагающіе краснымъ услуги.

Отъ такихъ людей прежде всего требуется отличное знаніе языка, имъ временно поручается распространеніе агитаціонной литературы и предлагается сохранить мѣсто, если они служатъ на фабрикѣ или заводѣ.

По способностямъ впослѣдствіи переводятъ на болѣе отвѣтственную и опасную работу.

Бѣлый паспортъ и обликъ эмигранта въ этихъ случаяхъ очень полезны большевикамъ и они стремятся, ограниченные въ ввозѣ спеціальныхъ агентовъ, использовать «мѣстныя силы».

Всѣ подобнаго рода работники дѣйствуютъ конспиративно, по прин-

типу подпольной работы въ доброе старое время, имъ даются соотвѣтствующія явки и директивы черезъ третьихъ лицъ и предлагается ни въ коемъ случаѣ не афишировать своей связи съ посольствомъ.

Это новый оттѣнокъ въ работѣ большевиковъ заграницей, стремленіе обратить въ свою пользу знаніе языковъ пріобрѣтенное русскими на чужбинѣ и разочарованіе въ смѣновѣховствѣ, не могущемъ никакъ прервать работу эмиграціи, неосмотря на громкіе имена прозелитовъ.

АРЕНДА ФЕРМЪ ВО ФРАНЦІИ

Мы получили очень интересныя и полезныя для русскаго бѣженца свѣдѣнія о возможности устроиться во Франціи на землѣ, къ чему многіе, какъ извѣстно имѣютъ тяготѣніе.

Начать надо съ того, что покупка земли иностранцами въ собственность закономъ не воспрещена и практикуется въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что даже образовалось общество защиты французскаго землевладѣнія.

Объясняется это тѣмъ, что тяга въ города сильно захватила французскую деревню, и въ настоящее время имѣется не мало пустующихъ фермъ, которыя охотно сдаются въ аренду на вполнѣ выгодныхъ условіяхъ, иногда даже съ инвентаремъ.

Лица, не обладающія средствами для аренды, могутъ воспользоваться широко практикующейся во Франціи системой обработки земли «исполу», при которой испольщикъ часто получаетъ не только помѣщеніе для жилья, но живой и мертвый инвентарь.

Въ настоящее время часто приходится слышать, что составляются русскія группы для переѣзда въ Южную Америку для занятія тамъ земледѣліемъ.

Однако, скопленныя этими лицами деньги для переѣзда могли бы быть фондомъ для испольщины здѣсь, тѣмъ болѣе, что многіе совершенно не освѣдомлены объ условіяхъ земледѣльчества во Франціи, хотя именно въ ней климатическія и сельско - хозяйственныя условія гораздо болѣе подходящи для русскихъ, чѣмъ въ Америкѣ.

Наконецъ, даже для тѣхъ, кто совершенно не обладаетъ деньгами остается возможность пріобрѣсти средства къ устройству на землѣ путемъ временнаго батрачества.

По цѣлому ряду отзывовъ батрачество во Франціи гораздо выгоднѣе многихъ отраслей физическаго труда. Батраки во Франціи спустя извѣстный срокъ обычно переходятъ на самостоятельную работу, сначала въ качествѣ испольщика, потомъ и собственника.

Всѣ справки по этому вопросу можно получить: 27, Rue Claude-Lorrain, Paris (16), гдѣ сосредоточены и свѣдѣнія о пустующихъ и сдающихся исполу фермахъ.

В. И.

PAGE FRANÇAISE

Deux documents.

Nous publions ci-dessous le texte de deux lettres, l'une adressée par l'Association des porteurs français de titres de la Banque Russo-Asiatique, 22, avenue Montaigne, à Paris; la seconde faisant connaître la reponse du Ministère des Affaires Etrangères.

Associations des Porteurs français de titres de la Société russe dite Banque Russo-Asiatique, 22, avenue Montaigne, Paris.

Paris, le 17 juillet 1925.

Monsieur Aristide Briand,
Ministre des Affaires étrangères,
Quai d'Orsay, Paris.

Monsieur le ministre,

Une série de conférences internationales auxquelles le gouvernement français va être appelé à participer pour arriver à régler les intérêts étrangers en Chine nous obligent à vous demander de bien vouloir comprendre parmi les solutions qui vous seront proposées, celle de la question du Chemin de fer de l'Est Asiatique Chinois, qui est, comme vous le savez, la propriété de la Société de la « Banque Russo-Asiatique » dans laquelle sont investis en majorité des capitaux français.

Ce chemins de fer a été enlevé à cette Société par le gouvernement des Soviets qui s'était mis d'accord à ce sujet avec le gouvernement chinois; mais, d'après les indications qui nous sont fournies par un certain nombre de nos actionnaires français en Chine, il en résulte très nettement que le gouvernement bolchevik n'est plus d'accord avec certains membres du gouvernement chinois.

Les Conseils de surveillance (Soviet) et de direction (Pravlenié) de cette Société, dont les pouvoirs n'ont été ni fixés, ni confirmés par une assemblée générale depuis 1917, n'ont plus en conséquence les pouvoirs que leur conféraient les statuts de la Société; et le Conseil de direction de l' « Association des Porteurs français de titres de la Banque Russo-Asiatique », qui peut prétendre aujourd'hui représenter la majorité des actions de la Société, a estimé qu'il était de son devoir absolu d'intervenir pour sauvegarder les intérêts de la Société en Chine, tant vis-à-vis de l'exploitation du Chemin de fer de l'Est Asiatique que des succursales et des concessions de la Société en Chine.

Je me tiens, avec le Conseil de direction de l'Association, à votre entière disposition pour donner à la Direction compétente de votre ministère toutes explication et tous documents utiles, de manière que vous puissiez négocier utilement la solution de toutes les questions qui intéressent dans cet Etat notre Société si gravement lésée et dépouillée.

Veuillez agréer, monsieur le ministre, l'expression de mes sentiments les plus distigués et très profondément dévoués.

H. MONTANARI,
Président de l'Association des Porteurs français de titres de la Banque Russo-Asiatique.

A cette lettre, M. Briand répondait dans les termes suivants:

Ministère
des
Affaires étrangères
Direction
des
Affaires politiques
et commerciales
Asie-Océanie

Monsieur H. Montanari, président de l'Association des Porteurs français de la Banque Russo-Asiatique, 9, rue Boudreau, Paris.

Monsieur le président,

Par lettre du 22 juillet, vous avez appelé mon attention sur l'importance des intérêts français engagés dans la Banque Russo-Asiatique, et particulièrement de la question du Chemin de fer de l'Est-Chinois, et vous avez bien voulu me faire savoir que le Conseil d'administration de l' « Association des Porteurs français de titres de la Banque Russo-Asiatique » se tenait à ma disposition pour me donner toute documentation à ce sujet.

En vous remerciant de cette offre, je m'empresse de vous donner l'assurance que le gouvernement français, qui suit de très près cette question, ne manquera pas de prendre toutes les dispositions propres à assurer la protection des intérêts de nos nationaux engagés dans la Banque Russo-Asiatique.

Agréez, monsieur le président, les assurances de ma considération distinguée.

Pour le ministre et par autorisation:

Le ministre plénipotentiaire
Directeur adjoint
des affaires politiques et commerciales.

N. D. L. R. — *On sait qu'une plainte ayant été déposée contre le* Conseil de Direction de la Banque Russo-Asiatique *et qu'une instruction ayant été ouverte, M. Poutiloff a été inculpé par M. le juge d'instruction Maillefaud qui a nommé comme experts MM. Pinta et Mémin lesquels ont été invités à rédiger leurs rapports.*

(«LES NOUVELLES»).

Directeur-Gérant : E. SEMENOFF.
Imp 'Art Voltaire (O. Zeluk, Directeur), 4, Passage Alexandrine Paris (XI)

„РУССКАЯ НЕДѢЛЯ“ продается въ :

LIBRAIRIE
J. Povolotzky
13, Rue Bonaparte, 13
PARIS

LIBRAIRIE RUSSE
Mme Sialsky
противъ Русской Церкви
PARIS (8e)

КАЛИНА
ПОРТНОЙ
Téléphone : Gutenberg 52-71. 25, av. de l'Opéra, Paris I

Продолжается подписка на иллюстр., литер.-публ. и информац. двухм. журналъ

4-й годъ изданія **„СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ“** 4-й годъ изданія

издаваемый въ Прагѣ ОРЭСО подъ редакціей

А. А. Валентинова, М. С. Ильяшевича, И. А. Черкасова и Г. Е. Флоріанскаго

«Студ. Годы», внимательно слѣдя за академической жизнью за границей, вмѣстѣ съ тѣмъ не замыкаются въ кругу чисто студенч. интересовъ.

Журналъ даетъ исчерпывающія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ русской культурной работы за рубежомъ.

Особое вниманіе журналъ удѣляетъ художественной, научной и публицистической литературѣ, выходящей въ эмиграціи.

Журналъ пристально наблюдаетъ за тѣмъ, что происходитъ въ Россіи, особенно за студенческой жизнью и жизнью высшей школы.

Журналъ является органомъ молодежи, но къ сотрудничеству въ немъ привлеченъ широкій кругъ писателей и журналистовъ.

ЦѢНА: въ Чехословакіи 1 ном. — 5 ч. кр.; 6 ном. — 24 ч. кр. — За границей: отд. ном. 15 америк. центовъ.

Ред. и контора: **Praha II, Poric-24.**
Складъ изданія: Кн. скл. «Пламя», **Praha II, Jecna 32.**
Въ Парижѣ: «**Moskwa**», **9, rue Dupuytren (6)**; «**La Source**», **9*bis*. Rue Vineuse (16)**

Imprimerie d'Art Voltaire, 4, Passage Alexandrine, Paris (XIe)